

Лира Боспора

литературный альманах
выпуск XVII

Симферополь
2016

УДК 821-311-3
ББК 84.2 (Крым-рус.)
Л 62

Л 62 **Лиры Боспора. Выпуск XVII.** ГИ «Таврия». ТПО
«Вариант», 2016 — 388 с.

ISBN 978-9-6643-5230-4

Редактор Вдовенко А. Н.
Составитель Левченко Т. В.
Компьютерный набор Левченко Т. В.
сайт: http://www.litprichal.ru/users/LIRA_BOSPORA/
Email: lira_bospora@mail.ru

Вот и выходит в свет XVII выпуск литературного альманаха «Лиры Боспора», с этим мы искренне поздравляем читателей и авторов! Новый раздел «Керчь — древнейший город России» — литературные признания в любви городу-герою. далее представлены уже знакомые читателю рубрики: «Поэзия», «Проза», «Многогранники», «Краеведение», «Скрепсы духовные», «Юмор и пародии». В рубрике «Мемориал» помещены произведения наших собратьев по перу, недавно ушедших из жизни. в рубрике «Проба пера» стоят произведения начинающих авторов, они дают надежду на долгую литературную жизнь альманаха. Среди гостей «Лиры Боспора» авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Братска, Краматорска и других городов и сёл. Большинство участников альманаха остаются верны традициям классической литературы.

Пожелаем же новому выпуску «Лиры Боспора» счастливого пути к читателям!

Альманах издаётся на средства авторов.

ISBN 978-9-6643-5230-4

© Левченко Т. В. (составитель) 2016
© ТПО «Вариант» (дизайн) 2016

Город-герой Керчь - древнейший город России

УЧЁНЫЕ ПОДТВЕРДИЛИ, ЧТО КЕРЧЬ — ДРЕВНЕЙ- ШИЙ ГОРОД РОССИИ

Археологи обнаружили подтверждения того, что Керчь на самом деле, как минимум на 60 лет старше, чем считалось ранее. Это делает крымский город старейшим в России, говорит Владимир Толстиков, который уже руководит Боспорской экспедицией Музея изобразительных искусств имени Пушкина и Института археологии.

Ранее считалось, что город Пантикапей на месте нынешней Керчи был основан в середине VI века до нашей эры, однако новые археологические находки свидетельствуют, что город существовал в конце VII века до нашей эры. Спустя 60 лет после основания город был разрушен скифами.

«Каждый год Пантикапей преподносит сюрпризы, и они бесконечны. Мы работаем в самой центральной части: на вершине горы Митридат, на центральном плато и на западном плато. Наши раскопки и раскопки моих коллег показали, что около середины VI века до н.э. часть поселений, в том числе Пантикапей, подверглись нападению скифов. В древнейшем слое, о котором мы теперь говорим, есть следы пожарища. Он содержит сотни фрагментов керамики, ранее неизвестных, которые надёжно датируются последней четвертью VII — первой половиной VI века до н.э. В этом слое найдено большое количество скифских стрел. Кроме того, в слое этого пожарища найдены человеческие кости, что очень редко бывает в таких случаях. Это говорит о том, что имела место именно военная катастрофа», — сказал Толстиков.

До конца года Владимир Толстиков планирует подготовить пакет документов для подачи заявки на официальное признание Керчи древнейшим городом России.

(из Интернета)

А р и с а А л е к с е е в а

УТРО

Ты сегодня проснулся,
Город мой, очень рано.
К небу ты потянулся
Всеми стрелами кранов.

Ты красив и спокоен,
Был и будешь богатым.
Воздух морем настоян,
Со степным ароматом.

Солнце выгонит скоро
Все волнения ночи.
С добрым утром, мой город.
Я люблю тебя очень.

Чистый звон колокольный
От собора Предтечи,
Освятив город вольный,
Уж плывёт в бесконечность.

Просыпаются люди
У мажора во власти.
Пусть сердца у них будут
Переполнены счастьем

Пусть улыбчивый мальчик
Машет милой ладошкой,
Яркий солнечный зайчик
Светит в каждом окошке.

Город, ты на планете
Как маяк негасимый,
Лучший город на свете,
Бесконечно любимый.

Рад ты белому свету,
Рад концу этой ночи:
«С добрым утром, планета,
Я люблю тебя очень!»

МИРМЕКИЙ

Где мыс крутой с проливом слит навеки,
Где слышен говор греческих царей,
Есть городок с названием Мирмекий,
Что значит, по преданью, — муравей.
Высокий зольник, будто муравейник,
Очаг домашний вспоминает вновь.
В седую древность нас ведут ступени,
А там, как ныне, скалы, да прибой.
По глади Киммерийского Боспора
Под парусом, сверкая белизной,
Идёт корабль к Мирмекию, который
Укрыт оборонительной стеной.
За нею мир, где не бывает грустно,
Где чайки в бесконечности парят,
Народ творит жемчужины искусства,
Подарки для боспорского царя.
Как море точит каменную глыбу,
В трудах и люди, с морем заодно —
Пасут овец, засаливают рыбу
И делают чудесное вино.
Во все века закаты золотые
Хранит Мирмекий, будто часовой.
Все скалы здесь, как старики, седые
И только ветер вечно молодой.

*А л е к с е й В г о в е н к о***КЕРЧЕНСКИЕ ХОЛМЫ**

Как первая, неопытная строчка,
Не знающая правил и основ,
Раскинулась пологая цепочка
Зелёных, живописнейших холмов.

И каждый холм — большая кладовая
Таинственных «зачем?» и «почему?»
А подлинно история живая
Наверно, неизвестна никому.

Изгладились значительные даты.
События неясно расплылись.
По-новому на склонах Митридата
Бурлит неувядающая жизнь.

Но, как и встарь, с пролива ветер веет
Неповторимым запахом сетей.
Как этот запах вечно не стареет, —
И ты, мой город, вечно не старей!

НАСЛЕДНИКИ

П. П. Котельникову

Мы — наследники русских традиций,
А не Ванек из века туманного.
Лунный свет на кресте серебрится
У храма Андрея Первозванного.

Да, мы — наследники Апостола.
И вопреки «незалежності» бредням,

Кулаком трижды стукну по столу:
Мы из Керчи никуда не уедем!

Мы храним колонны Акрополя,
Времени, задолго до Мессиева.
Что нам двести лет Симферополя,
Или полторы тысячи Киева?!

Наши предки звенели веригами.
Нет, мы не рода американского —
Мы из дружины князя Игоря
И Глеба — князя тьмутараканского.

Мы — русские до боли, до донца.
А нашим недругам и крыть-то нечем.
Заиграет рассветное солнце
На кресте у Иоанна Предтечи.

Весь наш род, как Феникс, возродится.
И не страшны нам ни бури, ни смерчи.
Мы наследники древней столицы,
Мы никуда не уедем из Керчи.

2005 г.

ПЫЛЬ СТОЛЕТИЙ (историческая шутка)

Скифы, греки и славяне —
Все стремились на Боспор.
В волнах рас, как в океане,
Керчь бурлила с давних пор.

Возымев на то причины,
Здесь оставили свой знак

Князя Игоря дружины,
Митридат и скиф Савмак.

Всё прошло, всё миновалось,
Новой жизнью мы живём.
Только грусть в душе осталась —
Грусть, как память о былом.

Да порой солёный ветер
Пыль сдувает с древних плит.
Оседая, пыль столетий
На плечах у нас лежит.

Л и д и я Л а з о р е н к о

МОЙ ГОРОД

Я возвращаюсь в город свой
Подобно кораблю.
Старинный город мой родной,
Как я тебя люблю.

Пройдусь по улочкам крутым,
Чтобы набраться сил.
Далёких дней знакомый дым
Я в сердце сохранил.

Ах, Соляная, моя родная.
Корецкий хутор, Аджимушкай.
Японка, Финка и Украинка...
Моя Отчизна — родимый край.

Как часто у прибрежных скал,
Преодолев свой страх,

С друзьями вместе я нырял
И думал о морях.

Хотелось жизнь начать быстрее
Мне с чистого листа,
И помогают стать сильнее
Родимые места.

Ведь от Джаржавы до Переправы
Не раз гонял я велосипед.
Кричал я звонко:
— Привет, девчонка!
И было мне лишь семнадцать лет.

Я поднимусь на Митридат
По лестнице крутой.
— Любимый город, как я рад,
Что снова ты со мной.

Хранит суровый Митридат
Преданья старины.
А ветры грозные кричат:
— Нам войны не нужны!

Пусть гром орудий
Лишь мирным будет.
Не ноют раны у древних стен!
Керчь помнит свято
В огне закаты
Маяк, Жуковку и Эльтиген.

Е л е н а А л ь ч е н к о

ДРЕВНИЙ АРАБАТ

*По приказу турецкого султана Мехмеда II,
завоевателя Крыма, в 1475 г. была построена
крепость Арабат.*

В 1771 году крепость стала Российской.

В бойницах ветры и метели
Ноктюрном вечности звучат!
Мехмед-Гирею цитаделью
Предназначался Арабат.

Оплот сиятельных Османов,
Легенду охраняешь, ты!
В долинах клочьями тумана
Акаций сотканы цветы...

Но к небу яростно взывая,
Ты вспомнил: будто бы вчера,
В карьерах белых Ак-Моная
Твои рождались бруствера.

Ты неприступен, не поруган
Стоял, не ведая чудес,
Когда Российские Хоругви
Взметнулись искрами с небес!

И Спаса Лик Нерукотворный
Вмиг озарил твоё нутро
Неся смирение непокорным,
Любовь, согласие, добро.

БОСПОР

Гиппокрену ¹ — поэтов надежду
Высекает копытом Пегас,
Чтоб в тумане рассветном забрезжил
Древний город в назначенный час.

Все ветра, сбившись вмиг воедино
Распевают, кто соло, кто хором.
О рождённом Элладю сыне,
О могучем и славном Боспоре!

Под кифару, а может быть лиру
Услаждая доверчивый слух,
Нить рапсодий поведает миру
Воин, странник, и даже пастух.

Боспорянка походкой неробкой
Вдоль террас, закольцованных вниз,
Опускается медленно тропкой.
Синь волос расплетает ей бриз.

Здесь разумные, добрые пряхи
Средь просоленных морем сетей
Защищают не ведая страха
Свой очаг от незваных гостей

Повзрослеют сыны Демосфена
Чтоб учить на распутьях дорог.
И Боспора надёжные стены
Сохранят, приумножив урок.

¹ Гиппокрена — священный источник на вершине Геликона в Беотии, по сказанию, забивший от удара копытом крылатого коня Пегаса. Для муз он был источником вдохновения.

Ойкумена ² — далёкая пристань —
В мачтах весело ветер гудит.
И Боспор голубым аметистом,
У Деметры горит на груди.

НИМФЕЙ

Без устали цикады
Трещат среди полей,
Несбыточной прохладой
Зовёт к себе Нимфей.

В селеньях у дороги —
Маслин зелёных вязь.
Деметра ³ плодородие
Дарует, не скупясь!

Правителям, архонтам,
Ты, светишь, Персефона! ⁴
В скалистых бухтах Понта ⁵
Царят твои законы!

В горячей дрожи марева
Летят полки Ареса! ⁶
О, Зевс, спаси от варваров
Под огненной завесой!

² Ойкумена — известная древним грекам часть Земли с центром в Элладе.

³ Деметра — в древнегреческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия.

⁴ Персефона — в древнегреческой мифологии дочь Зевса и Деметры, похищенная Аидом в царство мертвых.

⁵ Понт — от др.-греч. Πόντος — «море»

⁶ Понт — от др.-греч. Πόντος — «море»

Арес — в древнегреческой мифологии бог войны.

Но Зевс не в настроении,
Он чужд людской беде
Отчаявшись в спасении
Народ бежит к воде

Их Посейдон укроет
От скифов-дикарей
На дне морском, героев,
А с ними и Нимфей!

Летят шальные брызги,
Тайфун совьёт в столбы
Осколки чьей-то жизни,
Оборванной судьбы...

П а т о я н а Л е в ч е н к о

ВЗГЛЯД НАЗАД

Много ли можно увидеть за долю мгновения? Ну, это как посмотреть. Глянешь рассеянно — и не увидишь ничего. На знакомое нечто — выхватишь взглядом основную деталь и достаточно: остальное услужливо дополнит память. А вот мелкие детали заметишь вряд ли. Но, увидев необычное... Взгляд, за доли мгновения, фиксирует все мельчайшие детали. Вот только проявляться в сознании они будут уже не мгновения — минуты, часы, дни...

Так оно и было.

Набережная. Пологий спуск к морю, к причалу. За спиной — здания АзЧерНИРО, Дворца Юстиции. Догадываешься и вспоминаешь, как оно там, на горе, за ними... Знакомо, до мельчайших деталей!

Я спускаюсь к морю, намереваясь пройти на несколько минут на окончание причала, чтобы оттуда, «с открытого моря», оглянуться на вечерний город. С окончания причала даже вершина Митридата немного видна, всегда великолепная на рассвете и закате. И, если уж выпадает возможность, в прекрасный ясный вечер, полюбоваться лишний раз замечательным зрелищем, почему бы не уделить этому несколько минут? Пройти на конец причала и оглянуться назад...

Я делаю шаг с последней, широкой ступеньки и ощущаю, что земля уходит из-под ног. На всякий случай, быстро вернув ногу на ступеньку, я, тем не менее, чувствую довольно сильный толчок, будто началось землетрясение. Меня качнуло. Мгновенно оглядываюсь назад, через плечо, с жутким ожиданием увидеть начало катастрофы.

Доля мгновения... Осознание же увиденного определилось лишь несколько месяцев спустя. Зато — с мельчайшими деталями. И вот, я решила описать этот взгляд назад, длиною в долю мгновения.

Любой керчанин без малейшего труда узнает место, где меня настиг толчок: нижняя ступенька набережной, в полуметре от парапета-скамьи.

Я ощутила себя стоящей на чём-то плавучем. Поскольку смотрела на берег, то не видела, на чём стою, лишь ощущала качку от волн. Периферийным зрением угадывала себе длинный тяжёлый шерстяной тёмно-синий плащ, край которого в виде капюшона наброшен на голову. Я стояла на самом краю непонятного плавсредства, брызги волн падали мне на край одежды и долетали до лица. Из тёплого ясного вечера начала сентября, я внезапно оказалась в пасмурном, как бы не конца ноября.

Я смотрела на берег. Суровый, неприступный берег, на котором, под низко бегущими сизыми тучами, мрачно возвышалась гора, почти вся состоящая из беспорядочного нагромождения громадных и поменьше валунов. Пространство меж валунами было заполнено сероватой почвой, поросшей (даже издали ощущалось) жёсткой, такой же сероватой, травой. Тяжёлые волны разбивались о подножие горы, прежде ещё пройдя многометровый каменный шельф, больше похожий на рифовый барьер, пенясь на нём и закручиваясь бурунами и воронками. Пристать к этому берегу было абсолютно невозможно. А и пристанешь (была бы погода спокойной) — вся гора опоясана, поднимающейся прямо от кромки прибоя, высокой, в три человеческих роста, стеной. Стена сложена из больших и малых валунов, без следов обработки и практически без всякого скрепления: в пазах виднеется земля, торчат пучки всё той же сероватой, жёсткой травы. Гора очень крутая. Поэтому, непомерно высокая со стороны моря, стена не особо укрывает от взгляда множество строений на склоне. Мои губы иронически кривятся. Строения, как и стена, сооружены из необработанных глыб, скреплённых землёй. Неправильной округлой формы, будто десятки гигантских чёрных бородавчатых жаб сидят на склоне, глядя ещё более чёрными оками входных проёмов на море, на меня. Проёмы эти завешены изнутри шкурами (разобрать чьими — трудно, но мелькнула бурая медвежья, серая волчья).

От ближайшей хижины, к стене бежит человек, держа на отлёте, в левой руке, неуклюжее копьё. За спиной у него виднеется лук и оперения пучка стрел, неожиданно снежно-белые, на общем сизо-серо-чёрном фоне. Мужчина лет тридцати, округлое лицо его обрамлено не слишком длинной кудрявой каштаново-русой бородой. На голове нечто вроде кожаного шлема с «ушами», из-под которых выбиваются длинные, до плеч, волосы, в

тон бороды, такие же кудрявые. Одет мужчина в куртку из шкуры, которая явно не сшита, а сооружена, полы её туго прихвачены на талии широким кожаным поясом, который, в свою очередь, завязан тонкими полосками кожи, обёрнутыми поверх него, несколько раз вокруг талии. Полы куртки доходят до середины бедра, руки остаются оголёнными немного выше локтя, по плечам прикрытые свисающими концами шкуры. К поясу приторочено какое-то оружие — то ли булава, то ли топор, на короткой рукояти, явно тяжёлое. Ступни и до середины голеней ног обёрнуты шкурами, закреплёнными, как и пояс, многожды перекрещивающимися узкими полосками кожи. Мужчина бежит к стене и что-то кричит. Это не радость и не страх. Не удивление и не угроза. Да и копьё он держит не угрожающе. Я же, на своём плавсердстве, едва заметно вздёргиваю бровь — не то что удивляясь, но явно не ожидая увидеть увиденное. Неясным осталось: приплыла я или отплывала.

Как и полагается, через этот «миг мига», пространства видения и реальности, чуть всколыхнувшись, восстановили равновесие. Я, вновь покачнувшись, опять обрела под ногами почву, точнее, бетон ступеньки. Здания за спиной оказались на своих местах незыблемо и непоколебимо. И Митридат на фоне заката я всё же посмотрела с конца причала. Вот только ноги ниже колен почему-то некоторое время хранили ощущение прилипающей тяжёлой влажной ткани.

А когда поднялся бум с установлением Дня города, я молча усмехалась провозглашённому его возрасту. Когда же услышала от кого-то прямое: «Да ведь, по известным данным археологов, городу не меньше трёх тысяч лет!» — ответила: «Больше. Своими глазами видела».

В тот миг мига взгляда назад. Через тысячелетия.

ИНТЕРВЬЮ С ГРИФОНОМ

Днём они неприступно-суровы. Слегка взъерошены, насторожены, — не подступись. Стражи.

А ночью... Оказывается, по ночам они дают себе небольшое послабление. И, если подойти тихо-тихо, успеешь уловить глазом — едва приметное шевеление тяжёлых крыльев, слухом — сдержанное до предела глуховатое урчание. Если не оплошать, успеть...

— Приветствую тебя, Страж!

Они одновременно (они всё делают синхронно) щёлкнули грозными клювами:

— Невежа! Нас — двое.

— И вовсе нет! Два изображения, две скульптуры. Но Страж-грифон у Керчи один.

Грифоны недовольно, но уже без угрозы, шевельнули крыльями.

— Что нужно тебе? — проворчали, взглядываясь вдаль над моей головой. — Иди, не мешай работать! — и чуть было вновь не застыли, закованные в бетон.

— Интервью! — заторопилась я. — Это очень удобно, что у тебя два изображения: пока один будет отвечать — второй останется на страже.

Тот, что смотрит в сторону моря, чуть скосил глаз:

— Спрашивай его, он на город смотрит, там сейчас всё спокойно. Только коротко! — и застыл. Я обрадовано кивнула и обратилась к его зеркальному отражению:

— Три вопроса...

— Не больше, — прошёлкал он клювом, не отрывая, однако, взгляда от города.

— Хорошо, — смирилась я, досадуя, что заранее-то вопросы не продумала, да кто ж знал, что такая удача выпадет! И выпалила первое, пришедшее в голову: —

Скажите, почему у вас такой странный вид? Симбиоз льва и орла не так уж удобен.

— Каким придумали, таков и есть, — бросил Страж, но, помолчав, неожиданно согласился. — А что неудобно, это верно. Первые столетия ещё приходилось бороться с привычкой почесать лапой за ухом.

— Очевидно, те, кто вас придумал, — я постаралась обойтись без вопросительной интонации — были художниками в душе.

— Конечно! — Бесхитростный страж не заметил моей уловки. — Без фантазии такого не придумаешь. Однако, по идее, всё верно: Страж должен быть зорким, как орёл, сильным и храбрым, как лев.

— Вопрос, как очевидцу, — нашла я, наконец, нужное. — Вы можете открыть эту тайну истории — сколько же на самом деле лет нашему прекрасному городу?

— М-м-м... — почему-то смутился Грифон. — Конечно... тайна веков... и ты мне льстишь, называя очевидцем зарождения этого, действительно славного города. Увы, я пришёл в уже существующую, процветающую столицу Боспорского царства. Правда, припоминается, здесь и тогда уже встречались следы ещё более древнего поселения. Сейчас от них уж совсем ничего не осталось. И вообще, тайна есть тайна. Зачем раскрывать все тайны? Жить скучно станет. Давай свой третий и последний вопрос, а то рассвет скоро.

— Как Вам нравится современная Керчь? — приготовилась я услышать похвалы удобству, чистоте и всем благам цивилизации, но...

— Откровенно говоря, — Страж обидно-пренебрежительно шевельнул львиным плечом, орлиным крылом. — Первые годы, как нас воскресили на этой лестнице, мы с ним — кивнул он на напарника — были довольно ошарашены. Подумать только: такой скачок через время. Этот угар от ваших повозок... Шум, грохот невероятный,

суета, часто никчёмная... И люди совсем другого склада мышления. Честно, хотелось опять рухнуть, и уже не воскресать. Однако, пригляделись — жители, хоть и странные по моему понятию, любят свой город, хотят, чтобы он, как и тысячелетия назад, был процветающим. И к истории уважение проявляют, и о будущем думают. Так что, при чём здесь личные переживания? Страж я всё-таки. И работа есть работа. Хорошо уже то, что работа эта всё больше мне доставляет удовольствие. **Такой** город хранить и беречь — это и подвиг, и достоинство.

Он гордо повернул тяжёлую голову в сторону гимназии, устремив зоркий взгляд вдаль, сквозь здания, сквозь время, далеко в будущее. Может быть, ещё на 26 веков. И застыл на страже.

П о э з и я

В л а д и м и р

В о л о д и н

МОЙ ГОРОД

Я становлюсь наивен и доверчив,
Когда, полынным ветром опьянён,
Блуждать пускаюсь улицами Керчи
И взглядом проникаю глубь времён.

Хоть, молодясь, обличие меняет,
Вся утопая в зелени садов,
Старушка Керчь в себе объединяет
Почти десяток древних городов.

Античные колонны, будто свечи,
Кургана зев и плечи крепостей...
В них дремлет эхо множества наречий,
Высоких чувств и низменных страстей.

Прошёл мой город через муки ада
(Уж так ему судьбою суждено):
То — лязг мечей, то — грохот канонады
И корабли, идущие на дно...

Бывая и руинами, и пеплом,
Истерзанная вражеской уздой,
Керчь возродилась, выжила, окрепла
Теперь с геройской Золотой Звездой.

Листая город мой — преданий книгу,
Я как в машине времени плыву.
И каждому свершившемуся мигу
Признателен за то, что в нём живу.

Окраинами Керчь уходит в степи...
А может быть, приходит из полей

Сюда, где стонут якорные цепи,
Смирная нетерпенье кораблей.

По городам знакомым, незнакомым, —
Куда б меня дороги ни вели,
Вернулся в Керчь, и чувствуется — дома,
На самом крайнем краешке земли.

И снова я наивен и доверчив.
И снова, вольным ветром опьянён,
Блуждать пускаюсь улицами Керчи
И книгу перелистывать, времён.

ПРОГУЛКА ПО МИТРИДАТУ

Я, вне определённых дат,
В часы печали или грусти,
Иду на гору Митридат,
Я знаю, там меня отпустят
Силки сомнений и забот,
Те, что плетём из года в год.

Рядами стихотворных строф,
Остались позади ступени.
Здесь, в царстве солнца и ветров,
Живут забытых предков тени;
Здесь, над просторами степей,
Спит вечным сном Пантикапей...

Воронками истерзан склон.
ДОТ немощен и жалок ныне.
Навеки онемевший, он
Зарос сединой полынью.
Невдалеке погребены
Герои — честь и боль страны.

Чтоб подвиг их не забывали,
Как меч, что к бою обнажён,
Здесь памятник сооружён
Из горьких керченских развалин.
И по краям трёх серых скул
Три пушки встали в караул.

Чуть ниже, в зелени листвы,
Горой прикрытые от ветра,
Бегут через бугры и рвы
Каскады улиц в стиле «ретро».
И дух продавшей старины
Отмечен оспою войны...

Весь мой любимый косогор
Одет душистою травой.
А перед ним морской простор
С небесной спорит синевою.
Где, будто выплыл напоказ,
Соседний Северный Кавказ.

Я лягу навзничь на траву,
Грудь наполняя полным вдохом,
Вдруг осознав, что я живу!
И, в общем, всё не так уж плохо!
Я своему прозренью рад.
Спасибо, мудрый Митридат.

УРАГАН

Ветерок зарылся в кроны,
Утомился вертопрах.
На ветвях сидят вороны,
Как шашлык на шампурах.

И галдят про всё на свете
Без изысков и манер;
И про то, что этот ветер —
Ураган-пенсионер.

Мягкий, тихий невидимка
Приласкать любого рад...
А в архивах сотни снимков,
Где ему сам чёрт не брат!

И на них он, откровенный
Дебошир и хулиган,
Выл, ревел, как здоровенный
Ненастроенный орган;

Рвал, крушил, плясал по крышам,
Нападал, как лютый зверь...
Но кураж, похоже, вышел.
Отбесился. И теперь

Спит. Развесил хвост и крылья
Вдоль по лесополосе.
Словно припорошен пылью.
Весь в тумане. Весь в росе.

СЛОВЕСА

*Предвижу в том беду большую,
Что наша речь не по фэн-шую.*

В. Володин

Бабка жжёт, как молодая:
Сплошь — дизайн и креатив.
Дед консенсус соблюдает,
Уважает позитив.

Поплотней закрыть балкон
И окно зашторить.
Дед собрался чуткий сон
Внука мониторить.

Только внук не хочет спать.
Ах, какая жалость!
Бабка в шопинге. Опять
Где-то задержалась!

Разошёлся запашок.
Внук глазёнки пучил,
А проблему про горшок
Так и не озвучил.

Печь остыла. И стена,
Кажется, сырая.
Видно, деда ждёт сполна
Менеджмент сарая.

Я не выдержу нагрузки
Пролонгировать стишок.
Этот сленг заморско-русский
Просто повергает в шок!

НАГРАДА

Жизнь проносится вихрем,
Как безумный торнадо:
То рванёт, то утихнет
Между раем и адом.

Уповая на Бога,
Мы судьбу выбираем,
Как на ощупь дорогу
Между адом и раем.

Мы с судьбою блефуем,
Словно в карты играем.
Пусть не все, но кайфуем
Между адом и раем.

Спотыкаясь, петляем
Мы, вразброд или рядом;
Направленье теряем
Между раем и адом.

Как бескрылые птицы,
Прём разрозненным стадом,
Нарушая границы
Между раем и адом.

Что дорога — награда,
Лишь в конце понимаем,
Между раем и адом,
Между адом и раем.

ЧУЖАЯ

Пароход торопил, трубя.
Ты промолвила, уезжая:
«Я люблю одного тебя...»
А вернулась совсем чужая.

Встречи ждал, как на грудь медаль...
Вместо песен, цветов и смеха
След остывший, слепая даль
И вдали отголоски эха.

Сжался мир для меня в комок.
Стал тесней, чем кровать Прокруста,
И повис, как большой замок,
На душе, на которой пусто.

Мне напиться бы вдрызг и в хлам.
Только знаю: так будет хуже.
Ты уехала по делам,
А вернулась с кольцом и мужем.

Пароход торопил, трубя.
Ты промолвила, уезжая:
«Я люблю одного тебя...»
А вернулась совсем чужая.

С в е т л а н а

Б у р с к а

**МОРСКАЯ ДУША,
или
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗАМКНУТОМУ КРУГУ**

*По мотивам произведения
Стефана Цвейга «Магеллан»*

Ты, может быть, плывёшь издалека
Не месяцы, не годы, а века,
Неведомо откуда и куда.
Где твой причал?! Кругом одна вода.
Корабль-призрак! Кто твой капитан?
Быть может, он тот самый Магеллан,
Который пять веков тому назад
Был страстью к путешествиям объят,
Кто жизнь на карту бросил и покой
Сменил на рейс опасный, роковой.
Борясь со штормом, с кознями врагов,
У диких оказался берегов
Средь злобных волн и голых, мрачных скал,
Где голода мучительный оскал
Мерещится усмешкой мертвеца
И вся надежда только на Творца.
Но он всё плыл, упрям и молчалив,
И он открыл и покорил пролив.
Всем ужасам борьбы наперекор,
Из лабиринтов вышел на простор.
Отважный сын планеты — Магеллан,
Искатель истины и неизвестных стран,
Не знавший дома, кроме корабля,
Он доказал, что круглая земля,
И кругосветным плаваньем своим
Сомнения людей развеял в дым.
Он счастье победителя постиг,
Пленительно-короткое, как миг.

Но славы не познал при жизни он —
Непостижим людских судеб закон!
Другим досталась слава, кто хитрей.
Ему — расправа в лапах дикарей.
И где же, где душа его теперь?
Нашла ли в рай таинственную дверь,
Иль что-то тщетно ищет она здесь,
Иль путь её земной не пройден весь?
И вот плывёт по кругу капитан
На корабле, похожем на туман,
Минуя мили, рифы и века,
А с ним одна лишь спутница — тоска.
И кажется, пустыни водной страж
И сам не что иное, как мираж,
И что давно героя прошлых лет
Забыл и Бог, и суматошный свет.
Нет, помнит храбреца ещё народ
И верит: звёздный час к нему придёт,
Вмиг в крылья превратятся паруса,
И с лаской его встретят небеса.
...Ничто не вечно в мире под Луной.
Не вечен самый долгий путь земной.
Ах, если б всем, намаявшись в пути,
Спокойный сон и пристань обрести,
Вдали от бед, крушений и штормов,
И вновь проснуться в лучшем из миров.

ПЕРЕДЫШКА В АВГУСТЕ

Небо вуалью покрыто,
Сотканной из облаков.
Солнце пока не сердито,
Мысли пока без оков.

Не громыхают машины,
Дрель не жужжит за стеной,
Не атакует лавиной
Всепобеждающий зной.

День трудовой с барабаном,
С горном пока не пришёл.
В утренний час первозданный
Камню — и то хорошо.

Нам бы тепла без излишка,
Нам бы труда без накала.
Пот утереть — передышка
Разве кому помешала?

Свежестью небосвода
Впрок надышаться ль мне?
Август! Не надо мёда,
Воли бы ковш полней.

Выпьешь — и ты отпускница,
И кружит голову хмель,
К морю летишь, словно птица:
Здравствуй, живая водица,
Примешь в свою колыбель?

УТРО В ТУМАНЕ

Ещё иные продолжали спать,
А на дворе уж бодро птицы пели.
Я вышла на балкон минут на пять,
Отведать кислородного коктейля.
Весна в права вступила нынче рано,
И это утро выдалось на славу.
Река волнисто-млечного тумана
Текла и разливалась величаво.
А сквозь туман виднелись крыши дач,
Деревьев зеленевшие верхушки
И солнце круглоликое, как мяч.
Оно казалось призрачной игрушкой,
Затерянною где-то средь небес
Незримою командой ангелочков.
Но пробил час, и мой туман исчез.
Всё стало ясно: день как день. И точка.

СНЕГ В КРЫМУ

Под Новый год полно забот.
Надеюсь, справлюсь, как обычно.
Заботы, хлопоты вторичны,
Коль снег к нам падает с высот.
Сам в руки просится: берите!
На радость Крыму моему
Шлёт легкокрылую зиму
Его небесный покровитель.
Прильну к окну, дела отставлю.
На улице светло и чисто.
Деревья в серебре пушистом
С преображением поздравлю.
Сорвал с них листья ветер властный
И дождь в тоску вогнал нещадно.

Сегодня вновь они нарядны
И зимнерадостно прекрасны.
Глядишь на белый свет блаженно,
И тройки чудятся лихие.
Старинные снега России
Не меркнут в памяти вселенной.
А снег в Крыму лишь воцарится,
И спешно тает это чудо.
Держись, снежок, искрись, покуда
С восторгом взор к тебе стремится!

ПРОСТРАНСТВО РАДОСТИ

Сегодня небо грозой не встревоженное
Над городом Пантикапеем.
А облака манят, будто мороженое
Советское, за двадцать копеек.
Сегодня небо лазурью покрытое
Или глазурью. Кому что по нраву.
Оно вдруг напомнило детство забытое
И Родину — милую сердцу державу.
Сегодня небо с улыбкою ясною.
Всех приглашает на пир.
Вкушайте самое безопасное
Мороженое — пломбир.
Являет небо над головою
Своё волшебство беспредельное:
То солнечно-озорное,
То сумрачно-колыбельное.
Пламенем зорь сияющее,
Звёзд жемчуга дарящее,
Все тайны мира знающее,
Древнее и настоящее.

А сегодня пространство радости
Всем открыто и всем понятно.
Предлагает небесные сладости.
Угощайтесь, люди, бесплатно.

К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ В. Я. МАКОВЕЦКОГО

Живёт в Керчи рыболовецкой
Писатель-мастер Маковецкий.
Его заветное желанье —
Привлечь к Природе всё внимание
Людей большой планеты нашей
И сделать жизнь намного краше.
Не копит злато, не богат он,
Но автор книг он и статей
И просветитель не за плату.
Он служит Ей и верит свято:
«Природа — мера всех вещей»

март 2016 г.

*С в е т л а н а
К о н о н е н к о*

с. Чистополье

* * *

Вот и дождалось дерево весны,
Всё пережив: и ветры, и метели.
Вчера среди вечерней тишины
К нему две юных птицы прилетели.

Вот и дождалось дерево гнезда.
Казалось бы — гнездо! — какая малость,
Но каждый листик трепетал, когда
Оно в развилке птицами свивалось.

Вот и дождалось дерево птенцов:
На мир глазёнки-бусинки глядели.
И дерево над домом, над крыльцом
Качало их в зелёной колыбели.

Вот и дождалось дерево плодов.
И птиц к отлёту зов природы кличет.
В преддверии осенних тихих снов
Орешек каждый был уже готов
Стать деревом, лелеять гнёзда птичьи.

КУРИНЫЙ БОГ

Море плещется у ног,
Пена на песке.
Камешек «куриный бог»
У меня в руке.

Гладкий, с дырочкой сквозной,
Чтоб продеть шнурок.
Серенький найдёныш мой,
Ты и вправду Бог?

Затеваешь сам — один
С временем игру.
И, как лампу Аладдин,
Я тебя потру.

Знаю, сказка, бред, наив,
Но рискнуть хочу
И желания свои
Тихо прошепчу.

Вдруг подаришь сразу мне,
Мой «куриный бог»,
Замок, принца на коне,
Жемчуга мешок.

В чудеса ты без ключей
Отворишь мне дверь...
Но зачем, скажи зачем,
Это всё теперь?

Расцветает за окном
Яблоневый сад.
Что мне замок, если дом
Лучше во сто крат.

Хоть мечты и вдаль манят,
Нет судьбы иной:
Принц мой, правда без коня,
Но зато со мной.

Да и жемчуга мешок
Мне не унести...
Мой уже отмерян срок,
Я в конце пути.

Ты лежишь в моей руке
Не свершив дела.
Слишком поздно на песке
Я тебя нашла.

ФИАЛКА

«Розы говорили со мной

Языком аромата...»

У. Уитмен «Листья травы»

Фиалка не знает людских забот,
Ей в мире своём хорошо.
И ей безразлично, что лев, что кот,
Лишь бы в её горшок

Не писал этот коварный враг,
Фиалке знакомый давно.
Она — свидетель кошачьих драк,
Всё видит через окно.

Что этот хищник в душе таит?
Наглости в чём исток?
Недавно, мерзавец, подкрался и
Скушал один цветок.

Как прекратить двух сущностей спор?
И чьей тут больше вины?
Фиалка хочет зарыть топор
Цветочно-кошачьей войны.

Ей хочется для него цвести,
Но щурится хитро кот.
Я знаю — неисповедимы пути:
Однажды проснулась и вот

Что я увидела в тишине
Сразу лишившись сна:
Два силуэта рядком на окне...
Цикады, звёзды, луна...

Идиллия полная, аж до слёз.
Все ссоры сошли на нет.
Фиалка пахнет, как сотня роз,
И кот мурлычет в ответ.

БЕЗДНА

*«В тех, кто заглядывает в бездну,
она заглядывает тоже».*

И. Губерман

Скажи, что ты
увидела во мне?
Со стороны
оно всегда виднее.
В душе порой,
чем глубже, тем больше,
И в ней такое...
там, на самом дне...

Туда не проникает
солнца свет.
От глаз сокрытый
чащею дремучей,
Там Лабиринт из
дней моих и лет,
И даже — Минотавр.
На всякий случай.

И о моих ты
 тоже промолчишь,
Не испугаешь
 и не огорчишь,
Ведь мы с тобою —
 родственные души.

НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ КОТА БАРСИКА

Ну, что тут поделать:
 опять невезуха...
По тропкам,
 окутанным тьмой,
С прокушенной лапой,
 с разорванным ухом
К себе возвращаюсь
 домой.

Удачи и сил
 не хватило немножко,
Противник меня
 одолеет.
Но вам подтвердят
 все знакомые кошки:
Сегодня я дрался
 как лев.

Мяукну. Хозяин откроет
 мне двери,
Погладит, покормит,
 поймёт...
И в то, что сильный
 и смелый поверит.
Он тоже по сути
 ведь КОТ.

КОТИЩЕ! Пусть выглядит
тоже не краше:
Хромает, под глазом
синяк...
Ах, эти подружки
глаМУР-рные наши!..
Без них никуда
и никак!

*В л а д и м и р
Л о с о*

АВГУСТ

Что-то в августе есть от осени.
Хоть и лето ещё, но всё ж
Той весенней прозрачной просини
В небе дымчатом не найдёшь.
Полусонных деревьев ветви
Тень густую бросают вниз,
Неуверенно гонит ветер
Самый первый опавший лист.
Всё какое-то зыбкое очень,
А в садах в полудневный зной
На носки поднимается осень,
Чтоб достать до вершин рукой.
И в вершинах уже пробивается
Среди зелени желтизна...
Так в висках у нас появляется
Неожиданная седина.

* * *

Огнём деревья полыхают,
А искры медленно летят
И на земле не потухают,
А так же пламенно горят.
Пожары осень разжигает
И в перелесках, и в лесах,
И лето медленно сгорает
На колдовских её кострах.

* * *

Виска коснётся дуновение
И вдруг со дна минувших лет
Всплывёт какое-то мгновение,
И вспыхнет в сердце яркий свет.
Там, в годы вёдра и ненастья,
Ты молод был, любил, страдал,
И счастлив был. Но только счастья
Не узнавал, не понимал.

КУКУШКИНЫ СЛЁЗЫ

Растёт на опушке
Под белой берёзой
Трава под названием
Кукушкины слёзы.

Кукушка, наверное,
Здесь пролетала
На ветку присела,
Покуковала.

А после заплакала,
Затосковала...
Быть может, детишек
Своих вспоминала?

И падали наземь
Кукушкины слёзы,
И прорастали
Под белой берёзой.

* * *

Степь уже зазеленела,
И над ней легко и звонко
В синем небе то и дело
Распевают жаворонки.

Травы шепчут: «Как чудесно!»
Одобрительно кивают,
К солнцу тянутся и к песне
И тихонько подрастают.

ЭПОХА

Моя непростая эпоха!
Ты, — времени чтоб не терять, —
Ещё несмыслёнышем-крохой
Учила меня выживать.

Учила не в шутку, и била
Не как-нибудь — прямо под дых.
В шлепках твоих скрытая сила,
И жёсткость в ударах твоих.

Я был ученик нехороший, —
Не все из уроков постиг,
Хотя и сгибался под ношей
Твоих аргументов «простых».

«Бей первым!» — Не бил никогда я.
«Не дай обмануть — обмани!»
О, эта наука сухая:
«Предай, оставаясь в тени!»

Я помню другие уроки:
«Нельзя обмануть и предать!»
Эпоха, о друг мой жестокий,
Готов я всегда повторять:

«Прямым, словно штык, оставайся,
Будь честным во всём до конца
И дружбы принять не пытайся
Ни сволочи, ни подлеца»...

Ещё ты меня научила
Любить и стихи понимать.
Во мне твоя скрытая сила,
Во мне твоя жёсткая стать.

РЕШАЮЩИЙ ШАГ

До чего же неровен путь и тяжёл
С начала и до конца!
А надо, чтобы малыш прошёл
От матери до отца.
Они на коленях стоят пред ним,
А он, — их маленький бог, —
Тянет неловко ручонки к ним.
«Смелее, смелее, сынок!»
И вот он уже в надёжных руках,
Единственный их кумир.
Он сделал, сделал свой первый шаг
В огромный и светлый мир!
И, словно сам осознав, что смог
Ускорить времени бег,
Смеётся радостно маленький бог —
Будущий человек.

* * *

Я, товарищи, не знаю
Отчего она такая —
Голубая, голубая
И зелёная вода.
Зеленеет, если рядом,
Здесь, за линией прибоя,
Голубеет, если взглядом
К горизонту поведёшь.
Ну, а глянешь против солнца —
Всё сверкает и искрится,
Словно падает на воду
Золотой весёлый дождь.
Я не знаю, в чём тут дело,
Но догадываюсь всё же:
Потому что это море,
А не просто так — вода.
У него такой характер —
Разноцветный и весёлый,
И поэтому друг другу
Очень рады мы всегда.

* * *

Хозяйка делает букет:
К цветку цветок и к цвету цвет.
Гвоздики, астры — в серединке,
А сентябринки — по краям...
Купите запах сентябринки
С осенним ветром пополам.

В ГОРАХ

Качает ветер волосы-деревья,
Скрипят и стонут древние стволы.
У самого подножия — деревня,
Чьи домики до странности малы.
Идём вперёд и долго и упорно,
Ступая, как по звёздам, по росе.
Под нами, за крутым отрогом горным,
Вдаль убегает ниточка шоссе.
Ты чувствуешь, как дышат исполины,
Как будто вросшие в базальт времён?
Как высоко их каменные спины
Над миром поднимают небосклон!
Пусть нам с тобой навеки
будут свойственны
Крутой подъём, большая высота,
Уверенное, мудрое спокойствие
И эта горизонта широта.

ДРУЗЬЯМ ПОЭТАМ

Рассудит время нас, рассудит:
Одних отсеет в никуда,
Других, наверное, остудит,
А третьим скажет — ерунда.

Но встанут пятые, шестые,
Но встанут те, кому дано
Быть и поэтом, и мессией,
А умереть не суждено.

* * *

Как жаль, что смертен человек,
Что он — песчинка в этом мире,
Что так недолог его век:
Кратчайший миг в коротком миге.

Что у Вселенной на виду
Стоит он, мал и беззащитен,
И ищет главную звезду —
Звезду бессмертия в зените.

* * *

Зашторено небом море,
Солнце скользит по шторе,
И медленно-медленно тонет,
А море от жалости стонет.

Волна на песок набегают,
Шепчет о чём-то, рыдает,
И реквием солнцу слагает...

Л а р и с а

А л е к с е е в а

СЕМНАДЦАТАЯ ШКОЛА*80-летию школы (сентябрь 1936 г.)*

Дорожки и тропинки
Все сходятся сюда,
А в центре этом школа —
Весёлые года.
Мы выросли у моря,
И пели под прибой.
Мы школу Веры Белик
Закончили с тобой.

Семнадцатая школа,
Ты юности рассвет,
С тобою нам сегодня
Всего семнадцать лет.
Мальчишек и девчонок
Весёлая семья,
Семнадцатая школа,
Ты молодость моя.

Сюда приводит мама
К порогу новичка,
Успех берёт начало
От первого звонка.
Промчались быстро годы,
И вот уж отзвучал
Прощальной мелодией
Последний школьный бал.

Раскройте шире двери,
Звени, звонок, смелей.
Сюда с большим доверием
Ведём своих детей.

Давай с тобою, школа,
Немножко подождём
И, шумных и весёлых,
Мы внуков приведём.

УЧИТЕЛЬ

*Светлой памяти классного руководителя
Ивана Фёдоровича Середы*

Жизнь наших одноклассников в зените —
И дети, и работа, и семья.
Но хорошо, что есть у нас Учитель,
Что он нам друг и мы ему друзья.

Он знает наши радости и беды,
Мы от него секретов не таим.
К нему придём не только в День Победы:
«Соскучились, увидеться хотим».

И пьём мы чай, и школу вспоминаем,
И молоды, как много лет назад.
Что мы ему нужны, мы это знаем
И видим, как его теплеет взгляд.

Как говорит он умно и красиво!
Мы будто на уроке вместе с ним,
И годы уменьшаются на диво,
И молодости свет в сердцах возник.

Душа поёт от искреннего счастья,
На этом мир, наверно, и стоит.
Ведь из минут душевного согласия
Вся радость человека состоит.

УЧИТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬС

*Светлой памяти
Ольшевской Валентины Семёновны,
заслуженного учителя Украины*

Ночь коротка,
Дума легка
И раскрытой тетрадки страница
Как мечта, далека, далека.
Жизнь позовёт
В новый полёт,
Где учителя Бог выбирает
И ему свою мудрость даёт.

Пусть судьба непроста и трудна,
И полна испытаний она
Но послушайте слово
Человека святого:
«Жизнь даётся лишь раз,
Береги каждый час
И порадуйся снова,
Что огонь не погас».

Будем мудрей
В жизни своей
И с учителем мы воспитаем
Наше счастье — любимых детей.
Вспомним сейчас
Свет добрых глаз
И подумаем вместе о главном —
Что останется здесь после нас.

МАМА

Я иду к маме в гости,
Но уже не домой.
Там, на дальнем погосте
Тёмный холмик родной.

Слышит рядом рябина
Шелест прожитых лет,
Журавлиного клина
Запоздалый привет.

Пусть плывут тучи мимо,
Никуда не спешу,
Здесь у мамочки милой
Я прощенья прошу.

За слова и за мысли,
За обиды и гнев,
Что на сердце повисли.
За себя и за всех.

И ещё расскажу я,
Как живём мы теперь,
Что на сердце держу я,
И как много потерь.

Жаль, не быть нам уж вместе
На просторах земли.
Мама в царстве небесном,
В невозвратной дали.

А на дальнем погосте
Тёмный холмик родной.
Я иду к маме в гости,
Но уже не домой.

ШИКАРНАЯ ПОГОДА

У нас в Крыму шикарная погода,
Тихонько шепчет день и ночь прибой.
Ты приезжай в любое время года,
Не пожалею ни о чём с тобой.

Волшебный край,
Чудесный Крым,
Похож на рай,
Навек любим.
И лишь сюда
Лечу я вновь,
Моя мечта,
Моя любовь.

Осколки солнца на горячем пляже,
А брызги моря радугой в глазах.
Сойдёшь с ума и ты, наверно, даже
Забудешь здесь о всяких тормозах.

Здесь просто рай, а может быть и краше,
Земля богов, и в этом весь резон.
Багряной веткой осень нам помашет,
Нажми на тормоз — кончился сезон.

Е л е н а

В о в к о

БЕДА

Про любовь. Про закаты. Не пишется.
Лишь набат. Из Донбасса. Слышится.
Не живётся мне. И не дышится.
Мысли скручены болью одной.
Там ведь были белые хаты.
И любовь была. И закаты.
А теперь — грозовые раскаты.
И беда. Лишь беда пеленой.

ДВУХСОТЫЕ

Двухсотые. Погибшие.
Не стало.
И в горле ком,
И сердце болью сжало.
Родные наши,
И по духу, и по крови,
Вы гибнете за дом родной,
За волю.
Прекрасная
И горестная доля.
Глаза мои наполнены слезами.
Скорблю за вас
И возвышаюсь рядом с вами.

ЖИВИ, ДОНБАСС!

Живи, Донбасс!
Мы молимся за вас,
За вас за всех,
За жителей Донбасса.
Держись, Донбасс!
Сегодня трудный час.
Ты выдержишь, Донбасс,
Под сенью Спаса!

ПРИВЕТ, ДОНЕЦК, ПРИВЕТ, ЛУГАНСК

Привет, Донецк, привет, Луганск,
Салют, Крылатые!
Лишь вашею мечтой живу, ребята!
Поблекло всё — и серебро, и золото,
Переоценка, чувств и целей,
В душе моей переворот.
В победу вашу я всецело верю:
С печи слезает русский наш народ!
Всем сердцем с вами я, мои родные,
В минуты радости и в дни лихие.
И «Помоги им, Господи!», — молю.
Не о себе, о вас с Ним говорю.

ЧУМА

Сердце рвётся на части!
Лишь вчера был я счастлив,
И в душе моей русской
Ощущал я покой.

А сегодня ненастье,
С перекошенной пастью,
Изрыгая проклятья,
Лезет в дом мой родной.
Что же нужно той мрази?!
Из коричневой грязи
Поднимаются флаги —
Злобных идолов тень.
С чуждой, страшною верой
К нам ползут изуверы...
Помоги нам, о, Боже,
В этот горестный день!
Февраль 2014 г.

РАССВЕТ

По городу родному
Иду дорогой к дому,
Я с моря возвращаюсь,
Где встретила рассвет.
Вдыхаю воздух свежий
И вновь живу надеждой,
Что не сегодня-завтра,
Как лёд весенний тая,
Тоскливая тревога
Совсем сойдёт — на нет.
Как в эти дни болело,
В тоске сжимаясь, сердце!
Казалось, что согреться
Не суждено вовек.
Но вот с Востока солнце
Мне окна осветило,
И вновь легко дышу я,
Я — русский человек!
День референдума 16 марта 2014 г.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

За окном свистопляс.
«Штормовое...», —
Говорим мы в Керчи родной.
Ветер свищет, рычит и воет,
Но его я встречаю стоя.
Пусть он злится, а я спокоен.
Я сегодня вернулся домой!
18 марта 2014 г.

ХОХОЧУТ ЧАЙКИ

Хохочут чайки, резвятся в небе.
Стою у моря, в душе покой.
Пришла к ним утром со свежим хлебом,
Бросаю крошки в морской прибой.
Друг другу дарим мы радость дружно,
Для счастья нужно не много нам.
И ветер с моря сегодня южный,
Весёлый, ласковый и послушный.
Я рада ветру, он добродушный,
Но я готова к любым ветрам!

У СТАРОГО ПРИЧАЛА

Море дышит тихо, тихо.
Я у старого причала.
Дня приветствуя начало,
Чайка «Здравствуй!» прокричала
И взметнулась в небо лихо.
Легким заревом с востока
Вдруг окрасился весь берег.
Позабыв про все потери,
Перечёркивая сроки,
Вновь и вновь вдыхая утро,
Древний город в чудо верит.

Я С РОССИЕЙ

Я — с Россией, я — Россия!
Столько счастья, столько силы!
Вопли хора недовольных —
Отголоском злой беды.
Распроставшись с давней болью,
Я дышу сегодня вольно,
И живу с забытой верой,
Что сбываются мечты!

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Я — дочь твоя, Россия,
Я ею была всегда.
И все эти ливни косые,
И вся эта вражья сила —
Теперь уже не беда.
Душе моей так спокойно,
Я снова с тобою. Навек.
Легко я дышу и вольно,
И сердцу уже не больно.
Счастливый я человек!
Я долго ждала эту встречу,
Разрушен постылый забор.
Союз нерушимый, вечный,
И гордо реет над Керчью
Российский, родной триколор!

BLACKOUT

Энергетическая блокада Крыма
#Светнаш

Фитилёк мой догорел.
Вот ведь незадача...
Потихонечку он тлел,
Он старался, как умел,
Ласкою своею грел.
Ну, а как иначе?
Помогу тебе, родной.
Ты горишь — и я с тобой.

Малорослый злой окурок,
Укров лепший друг и турок,
Ох, каков — гроза столбов!
Мстительный и дюже вредный,
Изрыгая клич победный,
Заработал грыжу, бедный,
Наломавши кучу дров.

Мне на укров наплевать,
У меня вся жизнь на «пять»,
Хоть со светом, хоть без света,
А на укров — наплевать!!!
Так же думает весь Крым:
В Украину не хотим!

Привет, привет! Мне дали свет,
Без двадцати четыре.
Хандры моей простыл и след,
Готовлю праздничный обед,
И свету я кричу: «Привет!»,
Танцуя по квартире.
Пять суток не было его,
Не месяцы, не годы.

Вы не добились ничего,
Убогие уроды!
Пусть перебои, потерплю,
Плевать мне на невзгоды.
Россию все равно люблю,
А вы, а вы — уроды!

Пусть у них уроды в силе,
У крымчан готов ответ:
«Чтоб вы там ни накрутили,
Ни взорвали, ни спилили,
Чтоб вы там ни говорили,
Ни фига! Да будет свет»!!!

ЛИШЬ В РОССИИ

— Расскажи о России коротко,
Что в ней любо тебе, что дорого?
Объясни, наконец, почему ты
Наслаждаешься каждой минутой?
— Что ж, отвечу тебе я кратко:
Тайны нет никакой, нет загадки.
Я скажу тебе, милая, прямо:
Для меня Россиюшка — мама.
В этом логики нет и смысла,
И не жди от меня мудрых мыслей.
Хочешь коротко — будет коротко:
Мне в России моей все дорого.
Пусть везде хоть небесная манна —
Лишь в России мне любо и славно.

КРОВЬ РОДА МОЕГО

*«Мы — русские! Какой восторг!»
Александр Васильевич Суворов*

«Я — русская! Какой восторг!», —
За мудрым человеком повторяю.
За облака душа моя взмывает,
Кровь рода моего во мне играет,
И не смутит меня бездушный орк,
Бубнящий о бессилье моей расы.
С Россией Дева,
Подарившая нам Спаса.
И с нами Бог!

СЧАСТЛИВЫЕ

Прошу тебя, хватит, милая!
Хандра твоя не важна.
Мы все здесь в Крыму счастливые:
У нас не случилась война.

П а т р о я н а

А н и с и м о в а

КАЗАКИ РОССИИ.

На святой земле живёт
В доблести и силе
Славный, боевой народ —
Козаки России.

Припев:
В чём, ребят, а, ваша сила?
Нас кормила и поила
Матушка Россия.
В чём, ребята, ваша слава?
В том, чтоб славилась под небом
Русская держава.

Землю пашут, скот пасут,
Сеют и рыбачат
И с достоинством несут
Звание казачье.

Всюду с ними наравне
И в труде, и в скачках
У станка и на коне
Русские казачки.

Не иссякнет этот род
На земле богатой:
Как хлеба, на нём растёт
Племя казачата.

ПРОЩАЙ

Прощай, мой хороший, прощай!
Тебя я когда-то любила.
Ты помнишь, как пили мы чай?
Ты помнишь, и я не забыла.

Меня ты учил, как жить
(Я это тебе прощаю),
Тебя я учила любить,
Любовью своей угощая.

Я помню ещё твой взгляд
(Меня он тогда тревожил),
Ты был мне так искренно рад,
Что, вдруг, становился моложе.

Я руки помню твои,
А губы твои забыла...
Прощай, мой хороший, прощай!
Тебя я когда-то любила!

ТЫ СПАЛИЛ МОИ СТИХИ

Ты спалил мои стихи
Не оставил ни строки,
Думал, что сгорят грехи,
Как тетрадные листки

Ночью с дымом поднялось,
Оторвавшись от огня
И куда-то унеслось
То, что было часть меня...

Но у сердца не отнять —
Что желает сохранять.
И у памяти свой срок —
Не сотрёшь и пары строк.

Лучше б ты себя спросил,
Что в душе своей носил
И откуда эта боль,
Не подарена ль тобой.

* * *

Четыре чудные поры —
Приметы года!
У каждой есть свои дары,
Своя природа.

Вдохнув цветенье, выпив зной,
Пришли мы в осень,
Чтоб насладиться новизной,
Купаясь в росах.

Но оглянулся ты назад
В туман весенний
И прошлое листал твой взгляд
Без опасенья.

А листья разносили весть,
Кружа уныло:
Что отдал в жертву ты что есть
Тому, что было.

И ночь совсем лишилась сна,
А боль- забвенья:
Так бились осень и весна
В твоём сравнении.

СЛОВО

Слово хорошо в начале,
Лучше в окончании.
Слово серебром назвали,
Золотом-молчание.

Только почему, едва
Нападёт отчаяние,
Утешают нас слова
И молчит молчание?

МИРОК

Себе построила я мир,
Как оказалось, из фантазий.
В нём был покой и был кумир,
Я любовалась им в экстазе.

Чтоб уберечь его от зла,
От боли, от судьбы набегов,
Я всё забором обнесла:
Из дум, примет, и берегов.

Но не спасли в тяжёлый срок
Ни талисманы, ни подковы...
Вдруг взял и рухнул мой мирок!
И мне придётся строить новый.

* * *

Были радости, были печали,
Было счастье и горе тоже,
Я прощала, меня прощали,
Я любила, меня, быть может...

Всё теперь потеряло силу,
В Лету кануло, растворилось!
...Я о меньшем судьбу просила,
А попала в большую милость!

* * *

Была надежда высоко,
А небо — низко,
Когда вдруг за руку легко
Взял кто-то близкий.

Впитала крик моя душа,
Приняв мгновенно:
«Как же ты, осень, хороша!
Как несравненна!»

Л и д и я

Л а з о р е н к о

* * *

Спасибі долі за твою любов:
Ти є — і серце полум'ям палає.
День весняний сум ночі поборов
І заіскрився дивним водограєм.

Вишневим садом місто розцвіло.
Вдягли дерева сніжно-білі шати.
Твого кохання чисте джерело
Допомогло мені себе пізнати.

І, надихнувши душу до звитяг,
Штормам упевнено подати руку.
Кохання до зірок веде життя,
Даруючи гірко-солодку муку.

Пелюстки вітер по стежках несе,
І я кажу завзятцю-вітровію
— Задля кохання здатен я на все!
Я зможу! Я здолаю! Я зумію!

ПРАГНЕННЯ ЛЮБОВІ

Жінка прагне кохати.
В цьому палкому світі
Навіть самотні ранки
мають бути зігріті
Ласкою і любов'ю.
І щоб надійні плечі
Забрали жалі й тривоги
в сірий зимовий вечір.

Жінка хоче кохати.
Ніжністю відіграти
Душу чиюсь бентежну,
наче буремний вітер.
Ніби ласкаве літо,
вбравшись в ясні коралі,
Вранішньою росою
змити гіркі печалі.

Жінка має кохати.
Посмішку світанкову
Милому дарувати,
мов золоту підкову.
Хай звеселяє душу
це почуття гаряче...
...Та де ж воно заблукало,
що жінка стоїть і плаче?

* * *

Вітер кинув недбало
Лист порізьблений клена.
Тихо доля сказала:
— Пригорнися до мене.

Разом ми подолаєм
Самоти безнадію...
Ходить осінь за гаєм,
Виглядає завію.

Важко всім дарувати
Золоті пишні шати,
І, втомившись, до хати
Йде вона спочивати.

День осінній згоряє,
Оповитий журбою.
Гомінким водограєм
Розмовляю з тобою.

Мріють трави шовкові
Про холодні роси.
Жити як без любові?
Серце ніжності просить.

Та не чуєш ти знову —
Душу біль розтинає.
А над шляхом кленовий
Лист самотньо кружляє.

* * *

Жінки вродливі, ніжні, загадкові...
Чорняві, золотаві, мов пшениця...
Всевишній! Не залиш їх без любові:
Самотньо жити жінці не годиться.
Без поглядів гарячих жінка в'яне.
Душа без слів ласкавих холодіє.
Через роки признання полум'яне
В куточку серця береже надія.

* * *

Кружляє вітер над лиманом сивим,
Маслину обіймає жартома.
І світ здається добрим і щасливим,
І відступає із душі питьма.

І котиться замріяна стежина
Через м'які пухнасті полини.
І вірить серце в те, що я єдина
Приходжу у твої таємні сни.

* * *

Мого життя сторінку перегорни,
Мій спокій і надії мої верни.
Хоч доля пригорнула із співчуття,
Хіба з розбитим серцем була життя?
Хіба буває щастя в самотині,
Як зорями гіркими мої пісні?
Неначе зграя-зрада, летять слова,
Зринає й знову пада душа жива.
А вітер закликає мене: «Прости...»
Уже немає сили палить мости.
Не можна спраглу душу на битий шлях.
В жалобі безутішно схилився стяг.
У чорно-сірих барвах приліт весни
Безтямно навіває тривожні сни.
Зачаклували душу передчуття...
...Коханий мій, без тебе яке життя?

ЧУМАЦЬКИЙ ШЛЯХ

Силует одинокий маслини,
Край дороги полин, сокирки...
Наче вітер нескорений, лине
Із минулого спомин терпкий.

Ідуть в далеч за сіллю до моря
Із північних країв чумаки.
Перед ними степи неозорі
І посипані пилом віки.

Зажурилася пісня далека
На обпечених сонцем вустах.
І піднявся, неначе лелека,
В небо зоряне стомлений шлях.

Може, й важко у небі там жити,
Коли в серці красуня земля...
Шлях Чумацький, натруджений, битий
Наші душі тепер звеселя.

БУМЕРАНГ

Хоть наши помыслы светлы,
Порой сплеча мы рубим споро:
Как трудно сглаживать углы
В житейских мелочах и спорах.

Обида горькая живёт
На дне израненного сердца,
В больной душе не тает лёд,
Никак ей, бедной, не согреться.

Нередко близких мы, любя,
Корим обидными словами,
Не понимая, что судьба
Поступит точно так же с нами.

Полынно-горькие слова
К нам бумерангом возвратятся,
Поникнет грустно голова,
И перехочется смеяться.

Но, коль добро посеет мы,
Оно вернётся к нам сторицей.
И даже посреди зимы
В душе надежда заискрится.

КРЫМ

Тропинка побежала вдаль игриво
И окунулась прямо в облака,
Что, распустив величественно гривы,
Оглядывали землю свысока.

Она манила за собою в горы,
Звала, как путеводная звезда,
Туда, где открываются просторы,
Ветров бесстрашных кружит чехарда.

Где видно, как играют волны, споря
С утёсом старым, хмурым и сырым.
Где воздух гор и ароматы моря
Сплелись навеки в дивном слове Крым.

АЛЕКСАНДРУ ГРИНУ

Он убежал от серых нудных будней,
От дрязг житейских и от суеты,
Поверив сердцем в то, что счастье будет
В придуманном им городе мечты.

Хоть тяжело от жизни устранился,
Где правят деньги и царит обман.
Но радость озаряет наши лица,
Когда мы слышим слово «Зурбаган»

С души мятежной падают оковы,
И безнадёжности уходит боль,
И женщину мы полюбить готовы,
Узнав в ней нежность и мечту Ассоль...

Мы в этой жизни много испытали:
И клевету, и злобы голоса.
Но нас надежда уводила в дали,
Где алые струились паруса.

М а р и н а

З д а р а е

КРЫМ. АЛУШТА

Там кипарисы упираются в небо.
Там облака ложатся мягко на горы.
Ты обязательно съезди, коль не был, —
Там забываешь и про боль, и про горе.
Встречает солнце луну на закате.
И волны с небом замрут в поцелуе.
А ты плывёшь, пока сил твоих хватит,
Голубизной бесконечной любуясь.
Медведь-гора выпить море не может.
А над спиной её чайки летают.
Ты уплывёшь, и станешь моложе.
Что будет дальше, сама не знаю.
Укроют пальмы раскинув свой веер,
И от дождя, и от солнца лучей.
Не зря в народе такое поверье:
Чем люди дальше, тем любовь горячеей.
Душа заносит — иди к Феодору
И помолись там, испив водицы.
А для экстрима отправься в горы. —
Своим походом будешь гордиться.
Там кипарисы упираются в небо.
Там облака ложатся мягко на скалы.
Ты обязательно съезди, коль не был.
И там отыщешь цветок, самый алый.

* * *

Я устала от жизни, а зря, —
Ведь от жизни устать невозможно.
Пусть стучит в окна дождь октября
И крадётся зима осторожно.
Но за нею наступит весна,
И распустится всё до листочка.

Летом будет совсем не до сна.
Значит, незачем ставить мне точку.
Времён года кружит хоровод.
С ним сольюсь и сама закружусь.
Пусть плохое скорее пройдёт.
Я за радость ещё поборюсь!

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ОСЕНЬ

Весна, похожая на осень:
Всё та же сырость, небо в тучах.
Земля тепла у солнца просит.
Ещё денёк, — и станет лучше.
Сурово море, пусты пляжи,
Лишь одинокий рыбачок,
Уставший от многоэтажек,
Привычно плюнул на крючок.
Ещё денёк, — и станет лучше...
Уже миндаль во всю цветёт.
Пробился из-за тучи лучик,
Тепло и свет с собой несёт.
Но снова дождик захозяйничал.
Весна, похожая на осень.
Душа готова впасть в отчаянье.
Любви и ласки сердце просит.

ПОДСНЕЖНИК

Ещё холмы заснежены
И небо в тёмных тучах.
А маленький подснежник
Уже цветёт под кручей.
На тонком стебелёчке,
Едва подняв головку,
Три нежных лепесточка

Он распускает ловко.
Берёзки в снежных валенках
С зимой не расстаются.
А у цветка в проталинке
О солнце песни льются.
Он не боится снега.
С мечтою засыпает
Что в тех местах, где не был,
Когда-то побывает.
От снежных выюг соседки
Отряхивают косы, —
Цветок-подснежник редкий
Пьёт утренние росы.

ЦВЕТЁТ ВЕСНА

Не успевают влагу сбросить ветки,
Лишайник по деревьям вверх ползёт.
И солнышко выглядывает редко.
А первоцвет улыбочиво цветёт.
Приносит ему радость каждый миг:
Порывистый весенний ветерок
И лучик солнца из-за туч проник,
И по соседству старенький пенёк.
Взглянув на жизнерадостный цветок,
Почувствуешь себя чуть-чуть моложе.
И пусть шагнула осень на порог,
Зима к тебе крадётся, — ну а всё же...
Цветёт весна, и ты цветёшь с ней вместе,
Забыв про все печали и невзгоды.
Я снова твой жених, а ты — невеста.
Весны прекрасней ничего нет у природы.

СКАЗКА ПРО ЗЕЛЁНЫЕ ЕЛИ

Смотрели с грустью ели на жёлтые берёзы,
Завидовали красным оборочкам рябины.
И вытирали лапками нахлынувшие слёзы:
Ведь их наряды были весь год неизменимы.
Однажды страшный ветер задул из всей силы.
И вмиг сорвал с красавиц всю яркую одежду.
Берёзы и рябина стояли некрасивы,
А ели зеленели прекраснее, чем прежде.
Их личики смешные он высушил от слёзок
И, подмигнув иголкам, умчался хулиганить,
Украсив напоследок бантами от берёзок
И от рябины прикрепив яркие карманы.
Заулыбались ели, красавицами стали
И до весны листочки хвоей укрывали.
«Метель им пела песенку, укутывал снежок».
Захочешь всё увидеть, — зайди в лесок, дружок.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Снова дождик идёт в новогоднюю ночь,
А так хочется видеть хоть чуточку снега.
И тогда всей семьёй мы решили помочь
Белым нежным снежинкам посыпаться с неба.
Долго дружно катали комочки из ваты,
Вырезали узоры из кусочков бумаги.
Три огромных мешка в новогоднюю дату
Сотворили снежинок. И, набравшись отваги,
Победив страх внутри, мы залезли на крышу,
Обнаружив ключи от чердачной двери.
Мы могли бы, конечно, подняться и выше,
Если б лесенку кто-нибудь нам подарил.
Из мешка стало сыпаться зимнее чудо,
Привлекая к балконам любопытных жильцов.
И восторженный смех раздавался повсюду:
В новогоднюю ночь СНЕГ летел с облаков!

ОЧЕНЬ ПРОСТОЕ ДЕТСТВО

Очень простое моё детство было.
В баню — кусок хозяйственного мыла:
Нет ни шампуней, ни гелей душистых,
Но волосы — мягкие и пушистые.
Как зачерпнёшь из колодца водицы, —
Пьёшь её, пьёшь и не можешь напиться.
В лес побежишь за черникой, малиной.
К дедушке съездишь с сестрёнкой Галиной.
Маме поможешь полоть морковь.
Папе рой пчёл отследить зорко-ловко.
По просьбе брата сгонять за горохом.
Детство простое — да разве плохо?

* * *

И тишина.... Лишь кот и кошка
Лежат со мною на диване.
Быть может, грустно, но немножко.
И веселее, вряд ли, станет.
Рассвет в родительских заботах
Легко и плавно наступал.
«Учись, не надо на работу,
Она не волк, что в лес сбежал».
К обеду солнышко пригрело.
И жгли безжалостно лучи.
Я подставляла плечи, тело,
Но слишком были горячи
И даже сердце обжигали.
Пересыхали родники,
Что влагу иногда давали,
Иль были слишком далеки.
А в сумерках так плохо видно,
Куда идти, за кем бежать.

И никому чтоб не обидно,
Решила просто полежать
И помечтать про тихий вечер,
Подальше отгоняя ночь,
Чтоб было всем намного легче,
А рядом муж, сын, внук и дочь.

ДУША

Мне не надо комфорта в квартире,
Мне б в душе побольше комфорта.
А она раскрывается шире.
И идут по ней... прямо в ботфортах.

В босоножках, кроссовках, кедах,
В лёгких шлепках на пыльных ногах,
В сапогах кирзовых от деда,
И в сапожках на каблуках.

Может быть, безразмерна, бездонна?
Или есть у неё предел?
Вот, ещё поместилась тонна...
И вошли в неё, кто хотел.

И душа, на пределе нервов,
Каплю сил в себе всё же нашла, —
К самой, искренней, к самой верной
И надёжной подруге пошла.

ПОДРУГЕ

Когда на сердце туго,
Когда в душе печёт,
Я подойду к подруге,
Поплачу ей в плечо.
Раскрою ей секреты.
Она их сохранит.
Приму её советы,
А Бог меня простит,
Что не один Он тайну
Мою сегодня знает,
Что на земле есть кто-то,
Кто тоже понимает.

А н н а

Т а р а с е н к о

* * *

У каждого ноша бывает своя,
Свой крест и своё испытание,
И кто-то ломается годы спустя,
Я все принимаю за данное.
А главное, чтоб не случилось у нас,
Не дать зачерстветь осознанию,
Что Мир и Любовь, что живут внутри нас,
И есть цель всего Мироздания.

* * *

Какой жестокий мир,
Где ложь сидит на троне,
А жадность и предательство в чести,
И в каждом зверь живёт,
И кормится пороком —
Гордыня, зависть, — Господи прости!
Но выбор дан всегда,
Идти ль путём порока,
Кормить ли зверя хищного с руки,
Иль кротостью, любовью,
В отсутствии упрёков,
Жить добродетельно,
И свет души нести...

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

С Новым годом, мой бывший...
Но все так же любимый...
Ты не понял меня,
И сейчас далеко...
Мне не слышать курантов,
Под крышей родимой,

Позабыть все, что было,
Мне поверь нелегко...
По совету друзей,
Ты со мною сошёлся,
И по мненью других,
Стала я не мила...
Столько лет утекло,
Сын тебя уже выше,
С Новым годом любимый,
Я прощаю тебя!

* * *

Смотрю я в зеркало — старею...
Видало многое оно...
Смех, слезы, счастье и сомненье...
Разлуку, боль... Что суждено?
В него смотрю, без сожаления,
О ком жалею, — рядом нет...
Не знаю к счастью ль отдаленье, —
Он мной не может быть согрет.
Учусь дышать я полной грудью:
На каждый вдох чтоб выдох был,
Я о хорошем не забуду,
Чтоб ты плохое позабыл...

ТЁПЛАЯ ОСЕНЬ

Распустила косы осень,
Золотисто-красные,
Нам зимы не нужна проседь,
Дни стоят прекрасные.
Все цветы благоухают,
Розы в ноябре горят,

Осени такой не помню,
Много, много лет подряд.
Всюду астры, хризантемы,
Соревнуются в цветах,
Крымской осени дилеммы,
Клумбы, — будто все в коврах.
В этот год художник красок,
Честно скажем, не жалел,
Жёлтой, медной, рыжей, красной...
Все раскрасил, все сумел!

СЧАСТЛИВАЯ ОСЕНЬ

Осень прекрасна,
Наверно с годами,
Ближе мне стала, я не молода,
Я упиваюсь природы цветами,
Будто хмелею, испивши вина.
Краски такие, что нет на палитре,
Как ни старайся художника кисть...
Жёлтый, что светит, как солнце в пустыне,
Красный что брызжет и золото льстит...
Я восхищаюсь, куда б ни взглянула,
Тщетно пытаюсь запечатлевать,
Но ни строка, ни мгновенное фото
Счастье не могут в рамки вмещать.

* * *

Колесо судьбы — не убежать,
Можно лишь ускорить, поднажать...
В детстве мы хотим быстрее взрослеть,
А потом без тормоза лететь —
Дни, недели, месяца, года...
Молодость, любовь, постой, куда...

Дети, вроде, только подросли,
В школу... институт уже пошли...
Уже внуки... голова седа...
Колесо судьбы — постой, куда...

КРЫМСКАЯ ЗИМА

Зелёным шёлком брызнули озимые,
И ветер-хулиган им не даёт уснуть,
Их согревает тёплым шёпотом — *любимые...*
Пытаясь этим зиму обмануть.
А та сама любитесь природою,
И не спешит завьюжить, захандрить,
Из года в год, Крым балует погодой,
Благословляя всех вокруг — любить!

* * *

Кружатся в хаотичном танце,
Подхваченные кипятком,
Чайники в выщербленной чашке,
Заправленные молоком...
Чай детства, что готовит мама,
А ей бабуля привила...
За стенкой кто-то мучит гаммы,
Мурлычет кошка у окна...
В квартире тихо, гармонично,
Со свечки в блюде воск бежит
(Нет света — нам это привычно),
И отражение дрожит...

* * *

Бело-розовым зефиром
Смотрят в небо облака,
Нежно-голубым сапфиром,
Отражает их река...

Запрокинув в небо руки,
Я пытаюсь их поймать,
Подхватив идею, внуки
Стали солнышко ласкать...
Вроде, ничего такого...
А какой счастливый день,
Небо светло-голубое,
Птицам петь весь день не лень.
Люди, чаще улыбайтесь!
И смотрите в небеса!
Каждым мигом наслаждайтесь,
Мир спасает красота!

* * *

Как хочется в детство вернуться,
Где не было *б*ольших проблем,
Чтоб утром пораньше проснуться,
И к морю сбежать насовсем.
Да, детской обидой страдали,
Что платьё подруг красивей,
И новые туфли у Вали,
Печенье Лариски вкусней...
Как горько мы плакали в школе,
Мечтая расти побыстрей,
Эх, если бы только мы знали, —
Нет детской печали светлей!

О ЛЮБИМЫХ...

Детские слезы падали в ладони,
Крупные жемчужины из прекрасных глаз,
Ведь случилось горе — не купили *пони*,
Сумку, куклу, вертолёт — обманули нас!!!

И опять слезинки — юбку не надели,
Как же мы без юбки... кофточка не та!
Вырастем большие — к следующей неделе,
Сделаем мы бабушке с мамой а-та-та!
Может быть тогда они с нами зарыдают,
С горя, что у Барби нет второй туфли,
Просто эти взрослые быстро забывают,
Туфли это главное — сестрёнка, подтверди!
Что это за мода, — кормить нас кашей, супом,
Хотим конфет на завтрак, печенья на обед...
У Дед-Мороза попрошу, чтоб Маечку и Машу,
Не заставляли НиЧеГо в ближайшие 100 лет!
Ещё хотим подарков раз десять на неделю,
Ходить в красивых платьях,
(пожалуй, в них и спать!)
Конфетную диету и каждый день веселье,
А вечером — со сказкой в любимую кровать!

М и х а и л

У д н о в с к и й

ЭТО — ЖИЗНЬ

Кажется, что звёзды потускнели,
Тёмной ночью тают в небесах.
Вдруг, внезапно, соловьи запели,
Серебрятся трели их в кустах.

Ветерок дохнул в лицо прохладой,
Отозвался холодком в груди.
Время, не лети стремглав, не надо,
Дай понять, что ждёт нас впереди.

Если будут трудности, невзгоды,
К цели мы должны сквозь них идти,
Пусть не властвуют над нами годы!
Счастье — в одолении пути!

Звёзды засияли с прежней силой,
Будто говорят: «А ну, держись!»
Всё вокруг вновь стало славным, милым;
Грусть и радость рядом — это жизнь!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Артёму Андрющенко

Артём! Как новый Дон-Кихот,
Не выставляясь напоказ,
Добра ты увеличил счёт:
В быту мне помогал не раз.
Так будь благословен от Бога;
Удачною — твоя дорога,
Которою тебе идти
По жизни. Счастья впереди!

ПЕСНЯ О СТЕКОЛЬЩИКЕ

Кто стеклорезом ловко разрезает
Прозрачные и хрупкие листы,
Все тонкости работы с ними знает?
Ответим на вопросы я и ты:

Припев:
Стекольщик, стекольщик,
Почётней дела нет;
Чтоб мы читали Тору,
Нам очень нужен свет,
Чтоб мы читали Тору,
Нам очень нужен свет!

Нас радуют безмерно лучи солнца,
Когда они сменяют дни ненастья.
Их свет везде: в окошках и в окнах,
Несут в себе для нас частицы счастья.

Припев:
Стекольщик, стекольщик,
Почётней дела нет;
Чтоб мы читали Тору,
Нам очень нужен свет,
Чтоб мы читали Тору,
Нам очень нужен свет!

П р о з а*А н н а**Ч у д о в с к а я*

ОДИН ШАГ

Русская ненародная сказка

Л. Десятовой

Великая русская река начинается с ручейка, который, как гласит школьный учебник, можно просто перешагнуть. Волга не любит вспоминать об этом. Рекам, которые впадают в неё, она рассказывает, что родилась на Валдайской возвышенности — это что-то неординарное, возвышенное. И ручеёк тоже хранит тайну. Он-то гордится своей дочкой, но раз она не хочет вспоминать о нём, то и не надо. Главное, ведь, не слава, просто нужно, чтобы всегда была Она, Великая Волга. И он трудится, трудится, а для себя журчит песенку:

«С голубого ручейка
начинается река...»

Но тут уж слава принадлежит не ему, а композитору Ш. хотя, один шаг через ручеёк и есть эта самая Слава, слава трудолюбию, упорству и любви.

«МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ...»

Оля сидела на скамеечке в парке и рассеянно следила за голубями, что-то клюющими на дорожке. Наверное, она слегка задремала, потому что даже вздрогнула, услышав над собой весёлый мужской голос: «Девушка, извините, как мне пройти на улицу Тенистую?» Оля на мгновение задумалась. Ну, как объяснить этому, явно приезжему молодому человеку все хитросплетения улиц и улочек в их южном приморском городке. А вслух она сказала: «У меня сейчас уйма свободного времени. Давайте, я Вас просто провожу». Парень, конечно, обрадовался. «Как Вас зовут?» — спросил он. «Ольга». «А меня Игорь. Князь Игорь и Ольга на холме сидят...» —

с чувством продекламировал он. Оба дружно рассмеялись, и это как-то сразу сблизило их.

Игорь рассказал, что ему 25 лет, он живёт в городе Находка, работает механиком в порту. Сейчас в отпуске, приехал навестить старшую сестру и отдохнуть на море. А Ольга поступила в педагогическое училище, ей дали место в общежитии, но сейчас там пусто — все разъехались до начала занятий. «Вот мы и пришли. Улица Тенистая, дом номер 5», — указала Оля на железные ворота, выкрашенные зелёной краской.

«Ты подожди меня, я оставлю вещи, поцелую родственников, и ты покажешь мне город», — они как-то незаметно перешли на «ты».

И завертелась карусель курортной жизни. Они много времени проводили на пляже, осмотрели все достопримечательности города. Ходили в кино, на концерты и дискотеки. Перекусывали в местных кафешках, а то и вовсе на ходу. Но вечером непременно спешили в парк и целовались на той самой скамейке, где познакомились и которую называли «наша». А потом Игорь провожал Ольгу до общежития.

Время летело незаметно. И наступил день, когда Игорь грустно сказал: «Оленька, у меня отпуск кончается, завтра я уезжаю». Она на минуту замерла, как от удара, а потом выпалила: «Я еду с тобой». И умоляюще посмотрела ему в глаза. Игорь отчего-то смутился, закашлялся, а потом сказал, глядя мимо неё: «Ну, что ж, поезд №77, уходит в три часа дня. Встретимся на вокзале. Много вещей с собой не бери. Только самое необходимое». В этот вечер они особенно долго прощались у крыльца общежития. Игорь никак не хотел уходить. Пока комендант тётя Даша не выглянула из двери: «Иди спать, девонька, а то я сейчас двери запру». Оля быстро взбежала на крыльцо, но у двери оглянулась. Игорь грустно смотрел ей вслед. Она помахала ему рукой, что-

то кольнуло в сердце. «Ну, ничего, ведь расстаёмся только до завтра». И она открыла дверь.

Утром Оля быстро собралась в дорогу. Вещей у неё и было совсем мало. На вокзал она приехала за час до отправления поезда и сразу стала искать Игоря. Но его не было ни в здании вокзала, ни на перроне. «Ну, ничего, — подумала Оля. — Наверное, он явится перед самым отходом поезда, ведь у него есть билет. А вот мне не мешает запастись билетом, ведь осталось уже только полчаса».

Она подошла к кассе. «Скажите, пожалуйста, билеты на 77-й поезд есть?» Кассир глянула на неё удивлённо: «77-й ушёл два часа назад».

Что было дальше, Оля не помнила. Очнулась в парке, на той самой скамейке, которую они с Игорем называли «наша». Жить не хотелось. В голове крутилась одна и та же строчка из старой песенки: «Миленький ты мой, возьми меня с собой...» Она мучительно пыталась вспомнить другие строчки, почему-то это казалось ей очень важным. Но всё было напрасно.

Вдруг она почувствовала: что-то трётся об её ногу и даже слегка царапает. Оля заглянула под скамейку. Она увидела маленького котёнка и взяла его в руки. «Вот так находка!» — сердце мучительно сжалось: Находка — город, куда уехал Игорь. «Теперь это будет твоё имя», — сказала она котёнку и задумалась. В общежитии держать котёнка, наверное, не полагается. Но комендант общежития, тётя Даша, женщина добрая. Она или сделает для этого котёнка исключение, или возьмёт его для своих внуков, тем более, что живёт она в частном доме. А Оля поможет ей убирать общежитие, так как тётя Даша ещё подрабатывает уборщицей, чтобы пенсию побольше зарабатывать.

Оля подхватила свою сумку, нежно прижала к себе Находку и отправилась «домой». Всю ночь она проплакала. А наутро приехала Светка, соседка по комнате, весёлая хохотушка. Да к тому же, надо было подготовиться к занятиям в училище, которые начинались завтра. Ольга с головой ушла в учёбу. Ей очень нравилось в училище, особенно нравилась её будущая специальность.

А через месяц пришло письмо:

«Оленька, милая! Прости меня, прости! Сначала я просто хотел, чтобы не было скучно в чужом городе, а потом по-настоящему полюбил тебя. Но дело в том, что я женат. Валентина очень хороший человек, она пережила со мной немало трудностей. К тому же, у нас скоро будет ребёнок, которого мы так долго ждали. Это будет девочка, и я назову её твоим именем. Прости и за обман с поездом. Просто я не хотел видеть твоих слёз. Ты ещё будешь очень счастлива, ведь ты так молода, у тебя ещё всё впереди. А для меня ты навсегда останешься самым светлым воспоминанием. Ещё раз прости. Игорь».

Оля взглянула на конверт. Обратного адреса не было. И тут сама собой в памяти её всплыла забытая строчка из песни: «... там, в краю далёком, есть у меня жена». Оля опять не спала всю ночь, но не плакала, а размышляла: «Конечно, у ребёнка должны быть и мать, и отец». Кому, как не ей, Оле, это знать.

Мать отказалась от неё ещё в роддоме, а в графе «отец» вообще стоял прочерк. Конечно, Нина Васильевна, заведующая детским домом, добрая, да и воспитатели тоже, а всё-таки, семья есть семья.

Ну, ничего, вот окончит она училище, и у неё тоже будут дети. Много малышей, потому что она учится на отделении дошкольного воспитания. А ещё она мечтает работать в том самом детдоме, где сама воспитывалась.

Прошло два года. Ольга с отличием закончила училище. Завтра она едет работать в детский дом, он совсем рядом с городом, в соседнем посёлке, всего полчаса на автобусе. С Ниной Васильевной она обо всём уже договорилась. В дверь заглянула Галя, которая жила в соседней комнате и тоже ещё не успела уехать. «А тебе письмо», — протянула она конверт. Оля очень удивилась: писем она ни откуда не получала. Взглянула на обратный адрес и вздрогнула: «Находка»...

Игорь писал:

«Дорогая Оленька! Не знаю, застанет ли тебя моё письмо, но, где бы ты ни была, я всё равно тебя найду. Может быть, ты уже забыла меня, а я люблю тебя по-прежнему. Полгода назад в моей семье случилось несчастье: Валентину сбила машина. Остались мы с Оленькой вдвоём. Если ты всё ещё любишь меня, — приезжай. Я знаю, что ты будешь хорошей матерью для моей дочки. Я бы приехал за тобой, но не на кого оставить ребёнка. Если решишься, — дай телеграмму, я встречу. Адрес на конверте. Приезжай, мы с Оленькой будем ждать. Игорь».

Оля опять не спала всю ночь. Вспоминала, размышляла. Она уже не была той наивной девчонкой, как два года назад. Там, в парке на скамейке, с Находкой на руках, она сразу повзрослела.

А утром Оля позвонила Нине Васильевне, всё рассказала, извинилась и стала собирать вещи: «Там, в краю далёком, буду тебе женой...»

АВАРИЯ

Зоя очнулась внезапно. Она чуть-чуть приоткрыла глаза. Где она? По стоявшему рядом с кроватью штативу с капельницей и тянущимся к ней тоненьким проводочкам поняла, что находится в больнице. Здесь больше больных не было, значит, это реанимация. В палате кроме неё находились ещё два человека: санитарка убирала, а медсестра готовила новую капельницу. Они негромко переговаривались. Пожилая санитарка сказала, указывая на Зою: «Жалко эту женщину. Такая молодая, красивая, а в аварии потеряла и мужа, и сына. Да и сама, врачи говорят, может остаться в инвалидной коляске». «Ничего, — равнодушно ответила медсестра, совсем молоденькая девчонка, может быть, даже ещё практикантка. — Это хорошо, что молодая. Успеет ещё и замуж выйти, может быть, даже не один раз, и детей нарожать».

Так вот оно что! Авария! Сердце Зои то ли остановилось, то ли покатилося куда-то! Она опять потеряла сознание. Снова очнулась уже ночью. В палате, кроме неё, никого не было, и это было хорошо: ей хотелось побыть одной. Она вспомнила разговор медсестры и санитарки. Её охватил ужас: значит, нет в живых её любимых сына и мужа. Ей хотелось кричать, рыдать, биться головой о стенку, но на это не было ни сил, ни возможностей. Только слезинки выкатывались из её глаз и капали на подушку. Она вспоминала всю свою, пока ещё недолгую, но счастливую жизнь.

Зоя была единственным ребёнком в семье. Ребёнком долгожданным и поздним. Родители её не баловали, но очень любили. Она росла, окружённая коконом любви. Как у всякого человека, бывали, конечно, неприятности, но незначительные, мелкие: случайно полученная

«тройка» или даже «двойка», утерянная вещь и тому подобное. А в пятом классе появился он, Алёша. Зоя ему сразу понравилась. За лист переводных картинок с автомобильчиками он поменялся местами с тихим, неприметным Толиком Титовым и теперь сидел с Зоей за одной партой.

Когда Зоя записалась в детский танцевальный ансамбль, он тоже записался, и они танцевали в одной паре. Поцеловались в первый раз, когда учились в десятом классе. Весной, под цветущей вишней. Их осыпало лепестками, и Алёша смеялся: «Ты уже в белом свадебном платье!». После окончания школы решили пожениться. Родители были против: детям надо учиться. Но Зоя с Алёшей пообещали, что продолжать образование будут обязательно. Зоя поступила в медучилище, а Лёша будет учиться, когда Зоя закончит учёбу: кто-то же должен кормить семью. Алёша очень хорошо разбирался в компьютерах. Этим и зарабатывал: настраивал, чинил, учил, писал программы, делал компьютерные наборы. Но не гнушался подработать грузчиком, почтальоном.

А потом родился сынок Петенька. Зоина мама помогала нянчить ребёнка, чтобы Зоя могла учиться. Она приходила утром, когда Зоя уходила на занятия, а уходила вечером. «Ночью вы, ребятки, уж сами управляетесь. Мне ночью нужно спать, а то давление поднимется». А вот ночью-то Петенька и не спал. Чаще всего плакал, но это пока совсем маленький, а потом просто ходил по кровати-манежу и что-то гулил. Но не оставлять же неспящего ребёнка одного! О таких детях говорят: «Перепутал день с ночью», ибо утром он спокойно засыпал. И это тянулось два года. Лёша ставил на кухне раскладушку и отсылал туда Зою. «А ты?» — слабо сопротивлялась она. «А я утром высплюсь». Зоя падала на раскладушку, накрывала голову подушкой и мгновенно засыпала.

Лёша вообще был идеальным мужем. Он никогда не спорил с Зоей (или, как он её называл, Заинькой), старался максимально облегчить ей жизнь: помогал нянчить ребёнка, убирал квартиру, покупал продукты и даже сам готовил. Девчонки, Зоины однокурсницы, завидовали ей и даже пытались «отбить» Алёшу. Они старались приходить, когда Зои заведомо не было дома.

«Мне надо взять у Зои учебник», — выдумывала Людка, а сама так и стреляла в Лёшу глазками. «Её нет дома». «Так я подожду». «На книжной полке внизу учебники, а наверху художественная литература. Бери, что хочешь, а мне, извини, работать надо», — говорил Лёша, не отрываясь от монитора.

«Ах, как жарко! Пить хочется», — заглядывала в глаза Лёши Светка. «Иди на кухню, там в чайнике кипячёная вода. Кружку возьмишь в шкафу. Они все мытые», — опять же, не отрываясь от компьютера.

Когда Зоя возвращалась домой, Лёша со смехом рассказывал ей об уловках её подруг. Зоя огорчалась, а Лёша говорил: «Мне, Заинька, кроме тебя никто не нужен. Ты скажи своим подругам, чтобы зря время со мной не теряли, а то останутся старыми девами».

В честь рождения внука родители подарили молодым автомобиль «Жигули», чтобы они могли привозить внука на дачу, где всё лето жили Зоины родители. Алёша получил права, а машина у него была всегда в идеальном состоянии. Зоя даже слегка ревновала: «Машина у тебя как второй ребёнок». Ездил он тоже очень аккуратно, никогда не нарушал правила дорожного движения. «А нельзя ли побыстрее ехать?» — просила иногда Зоя. Но он всегда неизменно отвечал: «Я не картошку везу, а свою семью».

Вот и в этот злополучный день они собирались на дачу. Надо было отвезти Петеньку к бабушке с бабуш-

кой, чтобы Зоя могла подготовиться и сдать госэкзамены. Она заканчивала училище. Решили выехать пораньше, так как трасса была оживлённая, и только утром на ней не было пробок. Алёшка, как всегда, осторожно вёл машину. Петенька сидел рядом с ним, а Зоя дремала на заднем сиденье. Дорога была пустынная. Вдруг из-за поворота на огромной скорости вылетел джип и врезался в «Жигули». Никто не успел ничего сообразить. Алёша и Петя погибли мгновенно, так как вся передняя часть их «Жигулей» превратилась в лепёшку. Зоя получила сильный удар, потеряла сознание и впала в кому. Только через два часа, когда трасса наполнилась машинами, кто-то вызвал полицию и скорую помощь. Всего этого Зоя, конечно, не знала. Выяснила это для себя из разговора медсестры и санитарки.

Нет, она не может жить без своих любимых мужа и сына. И она решила уйти из этой жизни. Знала, как это сделать, ведь недаром проучилась в медучилище. Она отсоединила капельницу, потом, из последних сил, оборвала провода, соединявшие её с жизнеобеспечивающими аппаратами. Зоя увидела себя в длинном тёмном коридоре без окон. По обе стороны его были двери, но она почему-то знала, что все они закрыты. Вдалеке, в самом конце коридора, был неяркий свет. И там стоял Алёша. Он держал за ручку Петеньку и манил Зою. И она знала, что должна обязательно добраться до них. Сначала она побежала, но потом стала задыхаться и сначала медленно пошла, а потом и вовсе поползла по этому бесконечному коридору.

И вдруг провалилась в яму, из которой явно не могла выбраться. «Всё», — произнесла она, и это было её последнее слово. Когда через час пришла медсестра, чтобы сменить капельницу, Зоя была мертва.

А беды этой семьи ещё не кончились. Вскоре от сердечного приступа умерла Зоина мама, она не смогла перенести того, что случилось. У Зоиного отца на нервной почве отнялись ноги, он оказался в инвалидной коляске, а так как ухаживать за ним было некому, его определили в дом инвалидов. Алёшина мать три месяца пролежала в больнице с инфарктом. Отец из моложавого мужчины, балагура и весельчака превратился в седого старика. У него тряслась голова и дрожали руки. Работать он уже не смог, и ему назначили пенсию по инвалидности. Он целый день сидел дома и смотрел в одну точку: или в окно, или в телевизор, просто смотрел, не вникая в содержание передач. Его хотели забрать в психбольницу, да жена не дала.

А что же основной виновник трагедии? Его зовут Арсений, сокращённо Арсен, а друзья зовут Арс. Ему 19 лет, джип отец подарил ему на восемнадцатилетие. Его отец очень богатый олигарх, владелец нефтяной компании, сети бензозаправок, сети ресторанов и ещё многого. Как у С. Маршака: «Владелец заводов, газет, пароходов...»

С тех пор отец регулярно оплачивает штрафы Арсена, потому что он, как и вся «золотая молодёжь», обожает езду с ветерком и частенько превышает скорость. Бывали у него и мелкие аварии, но это была первая с человеческими жертвами, до неё страдали только автомобили. Арсен остановился всего на минуту. Воровато оглядел дорогу. Она всё ещё была пустынна. Свидетелей нет, и Арсен, не вызвав ни полицию, ни скорую помощь, развернул свою машину и на полной скорости понёсся обратно домой. Сегодня рано утром он позвонил другу: хотели организовать пикничок в честь начала лета с шашлычком, выпивкой и девочками. Арс выехал тоже рано, и так как дорога была пустынна, решил прока-

титься «с ветерком», но на большой скорости не вписался в поворот, вылетел на встречную полосу и врезался в «Жигули». И откуда эта «букашка» только взялась?!

Дома он запер джип в гараже, позвонил другу, что всё отменяется, так как у него срочное дело. В их компании не принято было спрашивать, что за дело. Потом Арс пересел в «Ауди» (у него были три автомобиля) и поехал к дяде Васе по прозвищу Кулибин.

У дяди Васи была собственная автомастерская, где он чинил «крутые» машины «крутых» клиентов. Чинил автомашины любой марки. Где брал для них детали, — это была его коммерческая тайна. Брал за работу дорого, но это по меркам обычных людей, а у его клиентов понятие «дорого» было растяжимо до миллиона и выше. Зато автомобили выходили из его «золотых рук» как новенькие. Одно плохо: Кулибин был человек пьющий. Иногда оплату за работу брал не деньгами, а элитной выпивкой, и счёт здесь шёл не на бутылки, а на ящики. Но зато дядя Вася всегда держал язык за зубами, и как бы ни был пьян, не выдавал тайны клиентов, хотя знал их немало.

Кулибин осмотрел джип. «С бодуна был, заснул за рулём и врезался в дерево», — соврал Арс. Кулибин, по характеру повреждений, конечно, сразу понял, в какое «дерево» врезался Арсен, но сделал вид, что поверил. Это не его дело. «Ночью перегоним джип в мою мастерскую, сделаю за два дня, будет как новенький».

Арсен даже лучшим друзьям не рассказал, что с ним произошло: сегодня они друзья, а завтра могут стать врагами, и тогда прощай свобода. Всю правду он рассказал только отцу, потому что тот должен был оплатить труды Кулибина. Отец, конечно, ужаснулся. Но что поделаешь? Погибших людей, конечно, жалко, но их уже не вернёшь, к тому же, они чужие, а сын родной, единственный и его надо спасать от тюрьмы. Он оплатил услуги

Кулибина, джип действительно стал как новенький. Потом через своего доверенного человека отец продал машину за неплохую цену в соседней области, а сыну купил новый джип.

Конечно, отец понимал, что сын по-прежнему будет гонять «с ветерком», но если не дать ему машину, то её заменят наркотики. Ну, погоняет он ещё год-два, надо же куда-то девать молодые нерастраченные силы, а потом женится, пойдут дети. Остепенится, а от наркотиков избавиться гораздо труднее.

И действительно, Арс по-прежнему гонял на своём джипе на высокой скорости. Как говорят в народе: «Горбатого могила исправит», а Арс со своей манерой езды не раз бывал на краю этой могилы, но пока всё обходится благополучно. Единственное, что изменилось — он старательно избегает того поворота, где врезался в «Жигули». Там Алёшины друзья установили бетонный столбик с привинченным к нему металлическим венком, с портретами Алёши и Пети: «Алексей и Пётр Тихомировы. Вечная им память».

Вот такая она, «золотая молодёжь»...

Е л е н а

Р а б о ч а я - М а р и н и ч

ОБРУБОК

С деньгами в этот год у меня было не очень.

Хотя, глядя правде в глаза... когда оно по-другому-то было?..

Мы, конечно, ещё в советские времена воспитанные, этому вопросу большого значения не придаём. Но бежишь, бывает, куда-нибудь на базар за дешёвой картошкой или, к примеру, туфли свои любимые в ремонт сдать, которые службу несут уже вторую, считай, пятилетку, и вдруг, — фу-ты ну-ты оба-на! — катит навстречу тебе по раздолбанной дороге шикарная новёхонькая иномарка. Бока её лаковые на солнце глаза слепят, из открытых окон навороченный музон бухает. А за рулём этого чуда техники, — нет, не спасший тысячи жизней знаменитый хирург и не проектировщик самого огромного в стране моста, а похожий фигурой на здоровенный мешок с опилками, самоуверенный обалдуй двадцати лет от роду, сыночек каких — то нынешних «хозяев жизни». Одна его ручка с пальцами-сардельками на руль небрежно брошена, во второй он бутылку держит, из которой пиво на ходу посасывает. И такое на его жирной ряхе благолепие и довольство жизнью, что замрёшь невольно, на эту «красоту» глядячи. И придёт вдруг мысль, что вот жил ты, жил, до седых волос, считай, дожил, а так, похоже, ничего в этой жизни и не понял. А поняли как раз те, чей отпрыск сейчас перед тобой за рулём кайфует, потряхивая телесами в такт своей весёленькой сваезабивающей музычке.

И припомнишь со вздохом детство своё красногалстучное, песню, которую ты с отрядом у костра пел, — ага, вот именно: «...мы пионеры, дети рабочих!». Там ещё про то, что «близится эра светлых годов». Которую ты с тех самых пор и ждал. Да только вот какая — то

она совсем не такая пришла, о какой в той давней песне пелось.

А дальше и вовсе опасные мысли в голову полезут. Но ты знаешь, что гнать, гнать их надо. Причём, срочно. Потому что, пока будешь на чужие иномарки глаза пялить и мечтать о новом революционном наступлении на мировую несправедливость, так либо картошку дешёвую всю к твоему приходу разберут, либо тот старый армянин, что сапожным молотком на углу стучит, запрёт свою будку, да и уйдёт куда-нибудь... ищи его потом!..

Однако же, это всё — я так, к слову. Речь на самом деле о тополе пойдёт. О том, который рос в нашем дворе ещё дядькой моим после войны посаженный. Последние несколько лет он понемногу подсыхал и к нынешней осени засох окончательно.

А сухое дерево, да ещё такое огромное, оставлять на участке нельзя, потому что свалиться оно может в любой момент.

Ну так вот. Денег моих на то, чтобы его спилить хватило. И чтоб «пошинковать» бензопилой — тоже. А дальше дело стало. Здоровенные деревянные кругляши, наваленные на кучах веток, так и валялись перед крыльцом. Не то чтобы их порубить, даже сдвинуть с места один такой кусок ствола мне было не под силу.

Между тем время шло. И тётя моя, деликатнейший человек, предложила в качестве подарка к моему дню рождения оплатить наведение порядка во дворе.

— У меня есть знакомые мальчики, — сказала она по телефону и тут же, засмеявшись, поправилась, — мальчишки-то они, естественно, для меня. Пьют, как ты понимаешь, ну да что делать! Постараюсь договориться и привести их, когда потрезвее будут.

Уже через три дня я открывала тёте калитку. Следом за ней во двор шагнули два «мальчика».

Старший из них, высокий и худой, был примерно моего возраста. Его лицо показалось мне смутно знакомым. Ну да, точно!..

Ох-хо-хо!.. Сколько же лет прошло!.. Впрочем, и тогда, во времена нашей юности, знакомы мы по-настоящему не были. Просто, столкнувшись с ним на улице, я застывала с открытым ртом. Глаз было не отвести от его прямого, тонко прописанного профиля, гордой посадки головы, русых локонов до плеч!.. Казалось, молодой греческий бог спустился с Олимпа, и, переодевшись для маскировки в местном универмаге, шагает по каким — то своим делам среди простых смертных.

Ему бы в кино сниматься! Но киноактёром он, судя по всему, не стал, да и насчёт здорового образа жизни видно, что не заморачивался. Тем не менее благородную красоту его лица не в состоянии были испортить ни появившиеся уже морщины, ни мешки под глазами, ни блуждающий где-то в ветках деревьев страдальчески-похмельный взгляд.

Его приятель выглядел абсолютно трезвым и свежим, хотя пили они, наверное, вместе. Был он чуть помоложе и пониже, коренастый и темноволосый, с полыхающими, как угли, карими глазами.

Войдя в калитку, он улыбнулся, будто мы были сто лет знакомы, и хрустнул в ладонях орехами, подобранными где-то на улице.

При взгляде на его руки мне стало не по себе: половина пальцев на них отсутствовала, да и оставшиеся были обезображены. Несмотря на это, он очень ловко очищал своими клешнями скорлупу, а кусочки добытых ядрышек с видимым удовольствием вкладывал в маленькую тётину ладонь.

— Он всю дорогу меня так кормит! — похвасталась тётя. Чувствовалось, что эта забота ей очень приятна.

Я не представляла, чем инвалид может помочь в предстоящей работе, но решила оставить всё на её усмотрение. В конце — концов, она платит деньги.

— Ну вот. Это Виталик, — улыбнулась тётя беспалому. — А это Олег, — кивнула она в сторону длинного.

Длинный, которому, по всей вероятности, и предстояло совершить трудовой подвиг, окинул взглядом тополёвый завал и обречённо вздохнул. Похоже, заработать он не стремился, просто уступил тётиным просьбам.

Настроение у меня упало. Уже особенно ни на что не надеясь, я принесла топор и стала объяснять, что нужно делать.

Олег осмотрел топор и вздохнул ещё раз.

— Докатился!.. Вот чем приходится заниматься! — произнёс тоном наследного принца, которого вынудили грести навоз.

Реплика явно рассчитывалась на публику в лице меня.

Я пожала плечами. По одному взгляду на его идеально чистую, но дешёвую и порядком поношенную одежду видно, что к кругу VIP-персон он не принадлежит. А что касается остатков былой красоты, так в этой жизни она давно не в цене... И потом. Что же такого предосудительного в рубке дров?..

Невзирая на все свои закидоны, отступить длинный не собирался: крепко обхватил руками топорщице и, размахнувшись, бабахнул в центр здоровенной колоды. Топор воткнулся в дерево и застрял. Чувствовалось, что дрова этот Олег когда-то рубил, но только очень давно.

— Ладно. Как-нибудь! — бросил он тёте, кое-как вызволяя орудие труда и выбирая из кучи уже маленькую чурку. — Тяжёлые дрова!

Следующие взмахи топора оказались более результативными. По лицу длинного потёк тяжёлый похмельный пот, во взгляде сквозило страдание. Казалось, что

рубит он, по крайней мере, чугун. Тем не менее, горка дров рядом с ним начала понемногу подрастать.

Увидев, что дело пошло на лад, тётя засобиравлась домой, вручив мне напоследок деньги для расчёта.

Когда я закрыла за ней калитку, кто-то тронул меня за руку. Я обернулась.

— У тебя грабли есть? — просипел Виталик почти неслышно, хотя и с видимым усилием.

«О, Боже! — ужаснулась я про себя, — ещё и глухонемой!» Набрала в грудь побольше воздуха, и крикнула ему в самое ухо:

— Сейчас принесу!

Он отшатнулся, вытаращил глаза и просипел опять:

— Я слышу хорошо! Я говорить не могу!

Тут я обратила внимание, что на уровне плеч, там, где начинается горло, из-под рубашки у него виднеется марлевая повязка. А когда он поворачивался в профиль, подбородок как-то неестественно выступал вперёд. Пригладевшись, я поняла, что дело не в подбородке: в передней части шеи явно чего-то не хватало. По всей видимости, этот Виталик перенёс какую-то операцию, из-за чего и лишился возможности говорить.

Получив инструмент, он начал сгребать в кучу там и сям рассыпанные чурки.

— Может не надо? Тебе ж, наверно, тяжело? — забеспокоилась я.

Он бросил на меня снисходительный взгляд.

— Я спортсмен!

Брови мои, должно быть, полезли на лоб.

Увидев это, беспалый беззвучно засмеялся, схватил своей клешней мою руку и положил себе на предплечье. Там действительно бугрились мускулы.

— Я тяжёлой атлетикой занимался!.. — сообщил он и, довольный произведённым эффектом, ещё с большим энтузиазмом принялся орудовать граблями. Мне было

неловко, что он, хоть и спортсмен, но всё-таки инвалид, работает у меня во дворе. Но Виталик, похоже, не замечал моего смущения.

— Это я ему помогаю! — махнул он подбородком в сторону длинного, и опять расплылся в улыбке. — Мне одному скучно!

Минут через пятнадцать он всё-таки присел передохнуть и стал просить своего напарника:

— Слышь, Олежа, сгоняй, курить мне купи! И бутылку!

Несчастный Олежа, который в это время вытирал пот, привалясь к дереву, вовсе его не услышал.

Видя это, беспалый набрал полную грудь воздуха и просипел свою просьбу так громко, как только мог. Получилось не очень.

Длинный остановил на нём мутный взгляд и скривился:

— Эх, Виталька, Виталька! И когда ж ты уже говорить выучис-ся!

Со стороны беспалого я ожидала чего угодно: раздражения, гнева, жуткой обиды... Но ничего такого не последовало. По всей вероятности, пили они вместе не один год, знали друг друга всё равно, что братья, и потому одна неудачная фраза ничего не решала.

Отдышавшись, беспалый взглянул на уставшего приятеля как любящая мать и с ангельским терпением пошёл на третью попытку.

Длинный, который наконец-то сумел разобрать его слова, согласно кивнул: ладно, мол, подожди только немного.

Со вздохом прикованного к галере раба он опять взялся за топор, а неугомонный Виталик начал таскать и складывать у забора тяжёлые деревянные кругляши, успевая при этом ещё и рассказывать о своих прошлых спортивных достижениях.

Видно было, что, в отличие от него, длинный явно тяготится моим присутствием, и я сочла за лучшее уйти в дом.

Через пару часов мне захотелось узнать, как обстоят дела.

Оказалось, что двор уже кое-как убран, а от работников остались только разбросанные там и сям окурки да пустая водочная бутылка, пускавшая зайчики из мусорного ведра.

Вот так номер! Как же теперь передать им деньги?..

Впрочем, беспокоилась я напрасно. Скрипнула калитка, и Виталик, вполне по-хозяйски справившись с замком, появился во дворе. При виде меня его лицо озарилось такой радостью, будто после долгой разлуки он встретил, наконец, свою любимую. Видно было, что он под хмельком, но только слегка.

Взгромоздившись на только что сложенную поленницу, Виталик хлопнул рукой рядом с собой и улыбнулся ещё шире:

— Садись, поговорим!

Мне было совершенно непонятно, о чём может быть этот разговор и зачем он вообще нужен, но его глаза смотрели так по-детски умоляюще, что я не посмела отказать. Тем более, что была ему, инвалиду, благодарна за убранный двор.

А мой неожиданный собеседник убедился, что я заняла предложенное место, потом, спросив разрешения, достал пачку сигарет, открыл и разочаровано присвистнул:

— Две всего осталось... Слушай, ты мне на курево не займёшь?.. Я отдам!..

— Ну ты и придумал! — достала я выданную тётей купюру. — Держи! Это за вашу работу.

Виталик посмотрел на неё с опаской. Рука моя так и висела в воздухе.

— Почему ты не берёшь?

Он опустил глаза, даже, кажется, покраснел:

— Стыдно!..

Вот-те раз! Я уж привыкла, что сейчас берут все, лишь бы давали! А от этого его «стыдно» как будто повеяло нашим советским прошлым, когда всё вокруг считалось общим, учили и лечили нас бесплатно, и действительно стыдно было торговать на базаре и брать за помощь деньги с ближнего.

— Значит так, — начала я воспитательную беседу в духе происшедших со страной перемен, — вы работали? Работали! Ну вот и заработали! — И сунула ему деньги в карман рубашки.

Он грустно вздохнул. Согласился.

День стоял необыкновенно тёплый и солнечный. Наверно, последний в эту осень.

Виталик затянулся сигаретой и стал смотреть вдаль, на дорогу. Там, притормаживая на незаделанных ухабах, проехали друг за другом две светлых иномарки.

Он проводил их тоскливым взглядом:

— Подумаешь!.. У меня семь таких было!..

Я взглянула на него оценивающе. Ну, семь можно, пожалуй, списать на счёт бутылки, что вон греет бока в мусорном ведре, — а одна, скорее всего, была. Учитывая его вполне достойный внешний вид и аристократически-интеллигентские замашки.

А Виталик посидел, явно расстроенный, попускал кольцами дым и ни с того, ни с сего выдал:

— Я фарцевал!.. Ну, ты помнишь... Тогда ещё, при советах!..

В этой его фразе явно слышалась затаённая гордость, с которой люди сообщают обычно о своих жизненных достижениях, например, о получении учёной степени или о том, что много лет руководили не таким уж маленьким предприятием.

Он даже взглянул на меня изучающе: вполне ли прониклась услышанным?

Ну вот, опять отсыл в советское прошлое. Все мы тогда работали тяжело и много, а из роскоши могли себе позволить разве что хрусталь в сервант да ковёр на стенку. В отличие от неунывающих фарцовщиков, которых такое положение дел совершенно не устраивало. И они действительно имели больше за счёт того, что тёрлись у интуристовских гостиниц, заходили к директорам магазинов, что-то скупали, что-то продавали из-под полы, а бывало такое, что и с валютой мухлевали. Словом, занимались всякими опасными вещами, за которые в те годы можно было и срок схлопотать. Завидовать им мне и в голову не приходило.

— Я пыжиковые шапки возил. — Опять подал голос мой собеседник.

Хотя, какой там голос! Я порой только по его губам могла разобрать слова, которые он буквально выдувал из горла. От напряжения лицо Виталика время от времени краснело, фразы получались обрывочными, но желание выплеснуть наболевшее было, видимо, непреодолимым.

— У меня мать, представляешь, всю жизнь на почте проработала!.. — продолжил он свой рассказ. — Газеты таскала!.. Отец — на заводе...

Я ей говорю:

— Мать!.. Как ты можешь?! За такие копейки!..

А она:

— Все так живут!.. — Боялась за меня... Раз мой чемодан вообще с балкона выкинула, представляешь?..

Я ей:

— Мать! Ты в своём уме?! Ты ж за год столько не зарабатываешь!

— И что она?

— Что-что!.. Заплакала и собирать пошла. Шапки. Чемодан раскрылся, и они по всем кустам разлетелись!.. Хорошо, что вечер уже был, темно... Все у телевизоров!..

Мой собеседник нервно затаился, выпустил несколько колец дыма и засипел опять:

— Я потом в загранку ещё ходил. Ну, когда женился. Поваром. Вкалывал — будь здоров!.. Семью (это слово он произнёс явно с горькой иронией) обеспечивал.

Раз прихожу из рейса, — а с продуктами тогда туго было... ну, ты помнишь...

(Так. Речь, насколько я понимаю, уже о «перестройке» пошла.)

— И вот тащу я баулы, сумку колбасы твердокопчёной, — по дороге купил, — ведро яиц в зубах... А в почтовом ящике письмо... Короче, жена моя, оказывается, с моим же другом!.. Он ей прислал!..

В общем, я ему потом в морду!.. Рассорились навсегда!..

Ей — скандал... Она в ноги мне! Плачет, просит, чтоб не разводился с ней... Бес, мол, попутал!..

Я тогда стерпел... Времена тяжёлые... Как они с дочкой без меня будут?! Тогда же в школе не платили ничего!.. А она — училка... Получать, ничего не получала, а к деньгам-то привыкла!..

Солнце, вроде, светило, как прежде, но по моей спине потянул прохладный ветерок, и я накинула на плечи снятую было куртку. Виталик посидел немного, отвернувшись, потом привычно заулыбался и стал рассказывать опять.

— Я потом ещё дачу построил. Здесь, недалеко, за путями... Двухэтажную! Красавица дача! Клубники у меня там было!.. Вёдрами собирал!

Раз прихожу, — их, — тут он бросил взгляд вниз, на свои почти новые и далеко не дешёвые кроссовки, —

поставил с краю, а сам на карачках по грядкам ползаю. Соседка чуть в обморок не упала.

Мой собеседник нервно усмехнулся и мотнул головой.

— Ага. Представляешь, ноги среди огорода стоят!.. В башмаках... А человека нет!..

Встретив мой вопросительный взгляд, он невесело пояснил:

— Протезы у меня. До колен. Я вот думаю денег подкопить, в Германию поехать. Новые себе заказать. Там же совсем другое качество!.. Но только, знаешь, дорого очень!..

— А что случилось-то с тобой? — не смогла я удержаться от вопроса.

— А!.. — махнул Виталик рукой, — знаешь, где большие деньги, там большие проблемы!..

Чувствовалось, что ни в какие подробности он вдаваться не намерен.

— А с руками что?

— И с руками... тогда...

Мой собеседник отвёл взгляд и надолго замолк, видимо заново переживая случившееся, потом судорожно сглотнул и продолжил:

— Думал, не выживу!.. А в больнице отходили вот!..

Знаешь, меня брат на руках домой принёс... Принёс и, как ребёнка на кровать положил...

Отец подходит:

— Что ж это, — говорит, — такое?

А я ему:

— Батя!.. Батя, чего ж ты хочешь?! Там, где большие деньги, там большие проблемы!..

В новом повторении этой фразы мне послышалось кроме неизжитой до сих пор боли ещё и некоторое хвастовство от хотя бы прошлой своей причастности к «большим деньгам»... Впрочем, деньги, как я понимаю,

исчезли давно и навсегда, а проблемы теперь уж до конца дней!..

Ох-хо-хо!.. Вот оно, — эхо лихих девяностых! Рас-таскивали тогда народное добро, грызлись бандюки-«бизнесмены» за жирный кусок, жестоко грызлись... Не все, конечно, но многие, многие!.. Над теми, у кого ещё оставались какие-то принципы, одерживали верх и вовсе беспринципные. Наш-то, судя по всему, из первых был...

А он мне опять привычно-весело рассказывал про свою дачу, про то, как принимал там гостей, готовил для них всякие вкусности, даже картошку сам чистил, — а что такого? Нужно только, чтобы ножик с круглой ручкой был, и всё.

И, слушая его, казалось, что он, инвалид, вполне себе доволен жизнью, — вон, глядите, как улыбается!..

— А с горлом твоим... тогда же? — решила я на последний вопрос.

— Нет, это позже... Онкология... Операция стоила, я тебе скажу!.. Шею располосовали, трубку вставили. Всё пришлось продать: квартиру одну, машину... по мелочи ещё...

Жена не выдержала, — ушла, — и так, мол, терпела долго...

Улыбка, как-то сама собой съехала с его лица. Теперь он был передо мной, какой есть: растерянный, одинокий, несчастный...

— Потом перевязки каждый день... Девчонка приходила... Сдирает повязку — кровь хлещет!.. Новую накладывает...

От этих воспоминаний Виталик скривился, как от зубной боли, и изо всей силы саданул ладонью по поленице:

— И каждый день плати, плати, плати!..

Ну, да, — подумалось мне, — вот он, парень, твой хваленный капитализм! Эта девчонка тоже ведь не хотела за копейки работать!..

— Я к врачу потом пришёл, а он мне: лет пятьдесят, мол, ещё поживёшь. Если повезёт. Представляешь?!.. А мать рядом стоит!..

Виталик вскочил, и отвернулся. Искалеченные руки мелко дрожали.

Да уж!.. Представить даже страшно, каково пришлось его матери!.. Вот так: вырасти, воспитай, а потом смотри, как твоё дитё помирать будет...

— До сих пор не понимаю, как он мог?!.. — никак не успокаивался мой собеседник, — Я ведь ему столько бабок тогда отвалил!..

Он вскочил с поленницы, походил, размахивая руками, потом вдруг остановился и, глядя себе под ноги, прокричал:

— Мне год, короче, остался... Если повезёт...

— Да что ты этим врачам веришь! — старательно изобразила я возмущение. — Врут они всё! — (Скорее всего, конечно, не врут, но не выражать же ему соболезнавание по поводу скорой кончины?! — Скажи лучше, как ты сейчас себя чувствуешь?)

— Хорошо! — откликнулся он с готовностью.

— Ну, видишь! Я одного мужика знаю, он с такой трубкой уже лет двадцать ходит!

— Да мне и самому кажется, здоров я, — приободрился Виталик, — ошиблись врачи!

Руки у него уже перестали трястись.

— Будешь ещё сто лет жить!

Мой собеседник как-то странно на меня посмотрел, полез в сигаретную пачку, но там уже ничего не осталось. Он хмыкнул, помаршировал туда-сюда, потом опять взгромоздился на поленницу и зашипел мне прямо в лицо:

— Жить, говоришь, долго буду?... А на хрена она, такая жизнь?!

В глазах у него плясали злые искры.

Ну вот. Утешай после этого людей!.. Можно подумать, это я виновата в его бедах!

А с Виталика уже схлынула накатившая ни с того, ни с сего злость. Видно было, что ему неловко за свою выходку. Он опасливо глянул в мою сторону: не сбегу ли? И, убедившись, что санкций не последует, засипел быстро и отчаянно:

— Нет, ты глянь, глянь, что с меня осталось!.. Обрубок, какой-то!.. Да лучше б я умер тогда, на операции!.. Не проснулся бы — и всё!..

Я ведь, знаешь, даже поесть нормально не могу!.. Нет, жевать я, конечно, могу и глотать тоже. У меня там, дальше, — ткнул он оставшимся пальцем в сторону горла, — всё нормально. Но, вкуса... вкуса я, понимаешь, после операции никакого не чувствую! Мне хоть шашлык дай, хоть морковку — один фиг!.. Будто солому жую!.. Ем — потому что нужно.

Отдышавшись после этой своей речи, он скосил глаза в сторону дороги и засипел опять:

— Баба вот у меня. Молодая. А толку!..

Я ей говорю: живи, если тебя устраивает! Она и живёт. Ленивая, зараза! Не то, чтобы жрать приготовить, даже посуду за собой не помое!

Поначалу ещё уговаривать её пытался: пойди на работу, мол, устройся, или выучись на кого-нибудь, что ли!

Какое там! Целый день или в компе, или на диване валяется, сериалы смотрит!

Ну а я терплю: всё не один, хоть какая-то живая душа рядом!

На бледное закатное солнце давно напознали тяжёлые злые тучи — осень, она и есть осень. Из-за дома всерьёз задувал сырой холодный ветер, от которого тонкая

куртка уже не спасала. По-хорошему, нужно было бы распрощаться и уйти, но я никак не решалась сделать это, оставив моего собеседника одного со своей болью. А он будто чувствовал, говорил почти без пауз:

— Про дачу тебе рассказывал. Строил, строил!.. А кому она?! Мне не нужна теперь. Дочке хотел оставить. Только ей тоже не нужно. Молодая! В институте учится, друзей полно. Что она, всё бросит и пойдёт в земле ковыряться?!

Прибегала ко мне вчера. «Папа, дай денег, лифчик купи!» А это барахло стоит сейчас, я тебе скажу!..

Я её спрашиваю:

— Может, подешевле чего-нибудь найдёшь?

— А она:

— Что я, мол, хуже других, что ли?!

Вот так!.. Папа, туда дай денег!.. Папа, сюда дай денег!.. А папа где возьмёт?.. Пенсия одна... Вон себе трусы за три рубля купил — и ношу!

Ну, три рубля — это, положим, не сейчас, — подумалось мне. — Это из нашей прошлой жизни с её копеечными зарплатами, которая тебе так не нравилась. Но, как ты, милый друг, ту, прошлую, жизнь не хули, а пенсию-то свою нынешнюю ты именно тогда и заработал. И живёшь на неё, между прочим, не так уж и плохо!

— Протезы, вот, хотел себе заказать хорошие, — продолжал между тем свою исповедь Виталик. А потом, знаешь, раздумал. Может, мне год всего и остался, пропью лучше!..

Глядя на него, налитого молодой здоровой силой, я опять начала было возражать, но он только отмахнулся и закрутил головой по сторонам:

— Ты скажи лучше, где у тебя пописать можно.

Ну ничего себе!.. Вроде ж ведь интеллигентную беседу вели!..

А он, привыкший, видимо, к тому, что его не всегда слышат, ещё и изобразил свою потребность, как это делают двухлетние мальчики: будто поливал из шланга, сложив руки над причинным местом.

Меня покорило от увиденного. Этот жест явно не принадлежал ни бывшему обладателю больших денег, ни даже улыбчивому инвалиду. Выходит, всё действительно очень плохо...

Я мотнула головой в сторону дворовых удобств. Больше разговаривать с этим Виталиком мне не хотелось.

Вернулся он как ни в чём не бывало. Улыбался, даже пытался меня смешить, потом снова плакался на судьбу и поражался матери: и как можно было столько лет работать за такие жалкие гроши?! (интересно, искренне поражался или просто оправдывался сам перед собой за свою загубленную жизнь?..)

А я смотрела на этот человеческий обрубок, который даже закричать о своём горе не мог, и думала о том, что, вот, бился, бился человек за деньги, а в итоге ни денег тебе, ни нормальной семьи, ни даже мелких человеческих радостей!..

Ну, решит наш Виталик сходить, к примеру, в ресторан. И что?! Чего в рюмку налили — не поймёшь. Самое дорогое блюдо — будто трава с огорода. И девушку на танец не пригласишь. Ну просто не услышит она тебя, если шум и музыка!..

А чтоб к соратникам бывшим подойти, даже думать забудь. Кто ты для них теперь? Неудачник, пустое место... Ну, может, похлопают по старой памяти по плечу, водки нальют, и не более...

Так вот оно получается: желаем мы больших денег и того понять не можем, что они плату за себя требуют. Вернее, расплату. И хорошо, если только потраченным

временем да усталостью. А то ведь муками совести, неполадками в семье, подорванным здоровьем, жизнью...

Вон у нас на кладбище целая аллея павшими в лихие девяностые занята. Памятники — ого-го! Красотища! Чёрный мрамор!.. А под ними всё то же несчастное гниющее человеческое тело. Что ему кусок мрамора сверху!..

На фоне этой известной всем аллеи нашему Виталику ещё повезло. Плачется он, конечно, на свою жизнь, но, с другой стороны, его бы возможности — да Николаю Островскому! Или парализованному английскому физику Стивену Хокингу!

Да мало ли людей, которым гораздо хуже, чем ему! Но они не сдаются: живут, семьи имеют, делом своим занимаются!..

Дело, в особенности любимое, — вот что держит человека, сил ему добавляет. Неважно, книгу ты пишешь, или в космос летишь!.. Вот Виталик всё матери своей удивляется, а она, может, счастлива была оттого, что уважали её на участке, ждали каждый день с письмами, с газетами. Что она семье своей нужна была: мужу, детям. А он никому, считай, и не нужен. И не потому, что инвалид, а потому что жизнь свою сам себе так устроил...

И ещё я думала о том, что матери Виталика сейчас тяжелее всех. Жена, — известно, что жена! — развернулась да ушла. А ей, сыночка своего выносившей, вырастившей, только теперь и остаётся, что плакать втихомолку, дни его последние считать да себя винить, что чего-то недодала, не смогла уберечь... Потому что за самые большие деньги, за сумасшедшие миллионы, нельзя купить себе ни настоящей дружбы, ни любви, нельзя купить новой, живой, руки или ноги, и, — если уж твой срок пришёл, — нельзя купить даже неделю, даже день самой обычной жизни с её утренним солнышком в окно, жареной картошкой, водой из колодца...

И ещё я поняла вдруг, какая я счастливая. Все мы счастливые, кто на белом свете живёт и у кого руки-ноги целые.

Просто нужно душу глупой завистью не поганить и не забывать о том, что в этой жизни по-настоящему важно.

Кирилл

Мазилев

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО»**Отрывок из книги**

Станислав подцепил вилкой сразу три дольки лимона — он чувствовал, что борьба с первой рюмкой будет непростой. Одним духом выпил и долго кривился от горечи коньяка и кислоты лимона. Константин же проглотил содержимое бокала, не моргнув глазом, как заправский алкоголик. Шеф сразу же вновь наполнил рюмки. Станислав пытался помахать рукой, показывая, что ему стоит наливать поменьше, но было непонятно, к чему относятся его жесты: то ли к манипуляциям, которые шеф производил с бутылкой, то ли молодой человек такими движениями пытался унять жжение во рту.

Вторая рюмка уже не вызвала у Станислава таких неприятных ощущений. Он пытался убедить себя в том, что пьёт невкусное, но очень полезное лекарство. Шеф стал ещё более разговорчивым и, что было по-настоящему удивительным, рассказывал о своей жизни очень личное, а такого он раньше никогда не делал. Та черта характера, о которой так лестно только что отозвался шеф — умение слушать — явно была ему самому не присуща. В те редкие моменты, когда Станислав пытался поддержать разговор и высказать своё скромное мнение, Константин, не дослушав, перебивал его и продолжал загибать свою линию. Станислава это, однако, не слишком беспокоило: так ему было даже проще — просто сидеть и слушать в пол-уха пьяные монологи шефа. Пожалуйста, с него не убудет. Может, ему даже удастся вынести из этих излияний нечто полезное для себя, как это нередко бывало, когда у Константина начинался словесный понос. Заодно и шеф проникнется к подчинённому

тёплыми дружескими чувствами, если тот послушно сыграет роль внимательного священника. Стас вспомнил слова шефа о том, что в любой жалкой раковинке можно неожиданно для себя отыскать ценный камешек, и примерил эту гипотезу к самому шефу. Эта мысль от души его рассмешила. Хотя он подумал, что шеф скорее похож не на жемчужную раковину, а на обросшую водорослями мидию, и Станислав заулыбался ещё шире. Шеф же принял его улыбку как оценку какой-то из произнесённых им метких шуток. Только в этот момент Станислав подумал, что было бы неплохо всё-таки послушать, что же там вещает его собутыльник. Константин продолжал свою тираду.

— Так вот и получалось, что мне никогда не бывало подолгу интересно с одним и тем же человеком. Каким бы не было первое впечатление, вскоре выяснялось, что даже за глубокими суждениями (что было крайней редкостью) кроется такое же мутное застоявшееся неглубокое болото, как и во всех остальных людях. И я терял всякое расположение к человеку.

А мои мысли, если я силился их предельно ясно растолковать, неизбежно понимались лишь через призму этой недалёкой глупости, отчего смысл терялся безвозвратно. Тогда я понял, что пытаться объяснить то или иное, — это пустая трата времени, и лучше этого не делать. Впоследствии я также осознал, что бывают ситуации, когда тебя вынуждают на подобные объяснения. И чтобы не заходить снова в глухой угол, лучше оставить всё на прежней дистанции или ещё радикальнее — просто перестать общаться с человеком.

У большинства людей есть одна основная потребность: быть нужным кому-то. Ради этого они готовы на многое, если не на всё. А у меня всё по-другому. Моя потребность — это чтобы все меня оставили в покое. Такая вот жизненная трагедия.

Я был обычным парнем. Таким же, как все. И так же, как ото всех, от меня чего-то постоянно ждали. Сначала родители, потом учителя, затем моя девушка. Тебе тоже должно быть знакомо это чувство. От человека постоянно чего-то негласно требуют. Но я не могу жить и поступать так, как хотят окружающие. И, получалось, что я хронически не оправдывал чьих-то ожиданий. Видимо, из-за этого мне должно было быть нехорошо, но этого не было. Мне было безразлично.

Станислав был уже не рад, что стал вникать в разговор. Звучала, по его мнению, явно какая-то несурезица. И, удивив и повеселив самого себя, произнёс:

— А, может, выпьем? — Глупо улынувшись, Станислав поднял бокал перед собой. Они чокнулись и осушили фужеры. Затем Станислав снова открыл рот — ему показалось, что он знает, что сказать. Но он ошибся или потерял мысль, которая только что крутилась на языке. Шеф выжидающе посмотрел на него. И тогда Стас быстро нашёлся: — Я вот, например, предпочитаю собирать все существующие мнения... — он запнулся, — а потом принимать окончательное решение. — Смысл сказанного он подчеркнул уверенным кивком головы. И в этот момент только понял три вещи: во-первых, он только что сморозил что-то совершенно неуместное, во-вторых, бутылка коньяка, которую недавно принёс официант, пуста, и в-третьих, он уже прилично пьян. Константин же, поняв, что продолжать свою мысль Стас не намерен, нагнулся над столом и похлопал подчинённого по руке, с самым серьёзным видом заявив:

— Это ты молодец! Настоящий научный подход. — После чего расхохотался, окончательно обескуражив Станислава. Тот даже не сопротивлялся, когда шеф позвал официанта и заказал ещё коньяку и лимонов в сахаре.

Все вокруг плясало и кружилось, и перед глазами Станислава то и дело появлялась красивая картина, на которой был изображён сюжет бала в старинном особняке из романа Толстого. Но эту роскошь всё же периодически прерывал голос шефа, который доносил до него информацию о том, что Константин, поняв, что нетерпим к людям, сперва пробовал искать причины в себе. Он считал, что это происходит из-за его эгоизма. Ведь он был единственным ребёнком в семье и привык к неограниченному личному пространству. Поэтому, когда он, покинув родительский дом, стал жить со своей девушкой, его часто многое не устраивало в совместном быте с другим человеком. Несмотря на то, что его девушка была совсем непритязательной и не слишком требовательной, он постоянно задыхался от недостатка собственной свободы. Ему казалось, что его избранницы слишком много вокруг него. И это состояние только усугублялось со временем. И тем хуже ему становилось оттого, что им постоянно не хватало денег. Он вынужден был самостоятельно находить выход из положения, так как не мог признаться в том, что они тратят слишком много. Это обстоятельство оказалось для него наиболее значимым. Он почему-то был не в состоянии просто сказать, что этого они делать не будут, а тут сэкономят, хотя раньше совсем не считал, что так зависит от мнения окружающих.

Тут Станислав снова усмехнулся вертящемуся в калейдоскопе окружающему миру. Как же! — подумал он, — не сильно зависит от мнения окружающих! Ха! Это Костик-то? Да я же всегда знал, что он самый напыщенный сукин сын на планете! — И тут же спохватился, не произнёс ли этого вслух. Похоже, он таки сказал это про себя, поскольку шеф и дальше продолжал говорить о своём.

— Я подрабатывал по ночам. Брал заказы на междугородние поездки. Если «бомбить» по городу, — много не наработаешь, тем более, когда это у тебя лишь приработок. Поэтому я заранее находил клиента на дальнюю поездку и отвозил за приличную плату. Тогда у нас ещё не было такого обилия служб такси и можно было хорошо вписаться в конъюнктуру. Но часть денег вперёд получить не всегда получалось, поэтому я частенько ехал туда голодным. Представляешь, дома говорил ей, что не успеваю и поем по дороге, а сам экономил на обеде. Так однажды от истощения и переутомления чуть не угробил себя и пассажиров. Возвращались в ночь, погода была совсем паршивая, и я гнал, как сумасшедший. Хотел быстрее вернуться, получить свои деньги, перекусить чего-нибудь на скорую руку и завалиться спать. Сил не было вообще. И тут вдруг два пятна дороги, освещаемые светом фар, задрожали и завертелись перед глазами. Я едва не потерял управление и начал резко тормозить. Остановилась машина на самой обочине, одним колесом нависнув над канавой кювета. Кажется, я закрыл глаза, когда это начало происходить, — и только это меня спасло. Инстинктивно я ещё чувствовал, где верх, а где низ, и поэтому остался на дороге. Иначе, если бы я верил тому, что мне показывали уставшие глаза, я бы на огромной скорости влетел в глубокий кювет, и история бы закончилась не столь удачно.

Он сказал «задрожало и завертелось перед глазами». Совсем как сейчас у Станислава.

— И что было дальше? — спросил Стас, сглотнув слюну.

— Когда мои пассажиры отошли от шока, испуганно начали спрашивать меня о том, что произошло. Это была семейная пара — мужчина лет 45 и женщина моложе его лет на 10. Она просто недоуменно спрашивала «что слу-

чилось? что произошло? почему мы так резко остановились?», а он был куда решительнее настроен: обмолвился, что меня можно и к ответственности за такое привлечь. Я думал сначала соврать им и сказать, что на дороге выбежало животное, но потом почему-то плюнул на все и рассказал им правду. Объяснил, что давно не ел и не спал. Потому и перед глазами все поплыло. Мужчина смягчился, а женщина вообще, казалось, вот-вот расплачется. В этот момент я в первый и последний раз признался в чём-то другому человеку, да ещё и не одному человеку, а сразу двум. Место, в котором мы едва не вылетели с трассы, было в полукилометре от населённого пункта. Мой клиент вылез с заднего сидения машины, подошёл к водительской двери, помог мне подняться на ноги, отвёл и посадил на переднее пассажирское место рядом, а сам сел за руль. Водил он не слишком уверенно — видимо был длительный перерыв в практике — но добрались мы быстро. В ближайшем городке он остановил у освещённой забегаловки и, заглушив мотор, помог мне выбраться. Внутри было тепло и уютно. Я обессилено упал на стул. У меня не было выбора и, если честно, совсем не было физической возможности сопротивляться происходящему, и я решил довериться моим клиентам. Правда, теперь уже было не до конца понятно, кто кому оказывает услуги, но это меня больше не волновало. Казалось, мне должно было быть жутко стыдно оттого, что я им признался в своём положении, но этого чувства не было. Парочка заказала огромное количество еды для меня и что-то перекусить себе. Когда принесли заказ, я просто неприлично набросился на еду. Съев всё, что передо мной поставили, я так согрелся, что ужасно захотел спать. Я понимал, что мне нужно взбодриться, ведь ещё предстояло около половины пути домой. Но когда мы вышли из заведения и добрались до машины, я

практически засыпал на ходу. Такое со мной было в первый раз в жизни. Мужчина видел моё состояние и не позволил мне сесть за баранку. Он посадил женщину вперёд, а меня уложил на заднее сидение. Проваливаясь в сон, я лишь подумал о том, что это совершенно неправильно и всё должно быть совсем иначе, но к тому моменту я уже не руководил ситуацией.

Проснулся я в городе возле своего дома. За плечо меня тряс мой пассажир. Они посмотрели мой адрес в документах, которые лежали в бардачке, успели вызвать такси, чтобы добраться до дому, а меня привезли на моей же машине к подъезду. Женщина дожидалась около уже подоспевшего такси, а мужчина протягивал мне вырванный из блокнота листок, на котором было что-то написано. Когда я пришёл в себя, он сказал, чтобы я закрыл машину и шёл домой. На листке же был номер его телефона. Он сказал, что, если мне что-нибудь понадобится, я могу ему звонить в любое время. Я лишь тупо кивнул в ответ. Он спросил, могу ли я идти, и я снова кивнул. Пара села в такси и унеслась прочь. А я снова сел в машину и рассеянно глянул на листок, словно не мог понять, что он делает в моей руке. Потом я огляделся и увидел на приборной панели деньги. Мужчина оставил почти вдвое больше, чем мы договаривались. Только тогда мне стало стыдно. Я изорвал листок с телефоном, спал до утра в машине, а когда моя девушка разбудила меня утром и с перепуганным видом спросила, почему я сплю в машине, я сказал ей, что наше решение жить вместе было ошибкой. Больше я этого не хотел. Она ничего не поняла, но я и не пытался объяснить. Я ведь говорил тебе, что объяснения бывают поняты правильно крайне редко. А с ней они не бывали поняты до конца, наверно, никогда. Поэтому я и не старался особо. Просто знал, что другого варианта не существует. После этого дня она

несколько раз искала встречи со мной, хотела поговорить. Она считала, что я был бы прекрасным отцом, и проблема в том, что мы не завели ребёнка. Хотя это похоже на стандартную женскую причинно-следственную связь... Впрочем не знаю. Она любила меня, и я её тоже, но я не смог бы так больше. А о том, что она говорила о ребёнке, я с тех пор думал часто. Меня убивала одна мысль о том, что мой ребёнок мог что-то просить у меня, а я не был бы в состоянии ему это дать. Мы бы шли с ним гулять, за два дня тратили всю мою зарплату, а потом бы голодали весь оставшийся месяц. Только я бы не стал дожидаться конца месяца — наверняка бы покончил с собой. Тогда я понял, что не готов к такой жизни. И, может, никогда не буду готов...

Константин, наконец, замолчал и крепко о чём-то задумался. Станислав же думал о том, как похоже то, что шеф рассказывал про свет фар, на то, что мелькало перед его глазами сейчас. А ещё у него возникла мысль о том, что завтра, наверно, будет жутко болеть голова. Он продолжал думать о коротком участке дороги, вырванном из темноты светом автомобильных фар, когда они выходили из ресторана, когда садились в такси, когда он добрался домой, долго возился с ключом у входной двери, когда, наконец, справился с замком. В последний раз он подумал об этом когда, не раздеваясь, рухнул на кровать и в очередной раз безуспешно попытался приструнить вращающийся вокруг него мир. Неровности асфальта сливались в сплошные линии, уносясь на огромной скорости под капот, отрезки дорожной разметки появлялись из темноты и, в мгновение ускоряясь, одолевали освещённый участок дороги и исчезали под колёсами. Свет фар дрожал, и казалось, что скорость неуклонно нарастает. Станислав хотел остановиться, он даже просил кого-то ехать помедленнее, но не мог повернуть голову, чтобы понять, кто сидит за рулём. Может,

вёл машину он сам. И хотя в жизни он этого не делал, во сне ведь это возможно. Он смотрел на мчащийся асфальт и снова пожаловался в пустоту, что едут они очень быстро и вообще ему очень хочется спать. Похоже было, что никто его не услышал. Станислав уже было смирился с тем, что вместо сна ему придётся до самого утра наблюдать за ночной дорогой, как совершенно неожиданно фары выхватили из темноты ночи бетонную стену, перекрывающую дорогу. Через долю секунды автомобиль, на котором летел Станислав, разбился в лепёшку.

Е л е н а

Б о н д а р е н к о

СДЕЛКА

глава из повести

Сергей приехал в Германию по приглашению приятеля, которого он когда-то, ещё в Москве, успешно вылечил от недуга. Ульрих, так звали болящего, пытался отблагодарить доктора, но тот не взял ничего лишнего, кроме заранее оговорённой платы. Мало того, он поселил немца у себя в своей московской однокомнатной квартире и некоторое время ухаживал за больным, как сиделка. Ульрих поправился и уехал к себе на родину в Германию, но вскоре позвонил другу и сообщил, что сделал ему приглашение и визу — ждёт в гости. Сергей приглашение принял. Любитель приключений и путешествий, к тому же разведённый — быстро собрал вещи и рванул за рубеж осваивать новые территории. По приезду поселился в доме Ульриха в маленьком городке Розенталь, приятель занимал в нём должность мэра. Позже снял довольно большую, частично меблированную, квартиру-студию у богатой полячки пани Гжешки. Четыре года назад эта богатая пани овдовела и на нервной почве у неё отказали ноги. Сергей долго с ней возился, но смог поставить её на ноги, частично вернув былую подвижность конечностей. Теперь пани могла самостоятельно (без инвалидного кресла) вставать и перемещаться по огромной квартире, но всё ещё нуждалась в услугах доктора. Что-бы тот всегда был под рукой, она настояла на выборе жилья в её доме за весьма умеренную плату. Кроме того, друг Ульрих посоветовал ему закончить курсы нетрадиционной медицины. Получив корочки, доктор мог легально и беспрепятственно заниматься любимым делом. Сергей так и поступил. Затем Ульрих дал ему приличную рекомендацию как доктору нетрадицион-

ной медицины и появились первые клиенты. Сначала немного, а затем сарафанное радио сделало своё дело и народ повалил!

Среди клиентов была некая разведёнка фрау Валентина Хокке. Худосочная, лет пятидесяти, богатая и амбициозная дама относилась к нему, мягко говоря, странно. Она доверяла ему своё тело, но при этом всячески пыталась его унижить. Однажды напилась в стельку и прикатила к нему. Ввалившись в его квартиру устроила дебош! Чтоб хоть как-то урезонить, Сергей усадил фрау в её машину и повёз домой. Всю дорогу она его оскорбляла, обзывала русской свиньёй и проклятым коммунистом, плевалась и кидалась драться! Сергей с трудом отбивался от этой тигрицы, стараясь ей не навредить и, подъехав к роскошному особняку, сдал возбуждённую даму на руки её взрослому сыну. Недельку они не виделись и вдруг фрау сама прикатила к нему с извинениями. Узнав, что ему нужна мебель она повезла его за город в элитный магазин только для местных со странным названием «Сарай». Как ни странно, это оказался антикварный магазин **зам**ковой мебели в стиле Biedermeier. Об этом гласила вывеска внутри помещения. Доктор вспомнил, что обозначает этот художественный стиль: направление в немецком искусстве распространённое в 1815 — 1848 годах. Некое ответвление романтизма, пришедшего на смену ампиру, поэтому его иногда называют «смесь ампира с романтизмом». Для немцев, это один из самых подходящих стилей, поскольку в нём отразились представления «бюргерской» среды — домашний уют и интимность.

Пока фрау кокетничала с хозяином магазина, высоким худым немцем в роговых очках, он неспешно рассматривал расставленный как попало антиквариат и вдруг увидел потрясающее фортепиано! Закрытый со всех сторон громоздкой мебелью, в глубине зала, стоял

массивный, тёмного дерева, элегантно инкрустированный, старинный инструмент изумительной красоты! Нижняя часть фортепиано была чуть испорчена, как будто оно какое-то время стояло в воде. Заглянув внутрь, Сергей убедился в этом окончательно — струны тоже имели налёт и некоторые дефекты, которые, впрочем, можно исправить. Сергей с раннего возраста музицировал и научился настраивать музыкальные инструменты. Когда-то, в юности, его этому обучал старик сосед, еврей Капельман. Кроме того, он знал, что если вложить немного сил и денег — можно здорово на нём заработать!

Выглянув из-за пыльной мебели, он обрадовался, что фрау Хокке не видит этот инструмент. Его загораживает огромный трёхстворчатый шифоньер. Отвлекая внимание фрау, он старательно делал вид, что разглядывает этого громилу. Впрочем, шкаф тоже представлял интерес: передняя часть массивных дверок — блестящий выгнутый палисандр с характерным розовым оттенком, боковины, полки и всё остальное — тёмный морёный дуб. Такое сочетание фактуры и цвета придавало этому исполину некую изюминку. Хорошая добротная вещь, но заинтересовало доктора только дорожущее фортепиано!

Придя домой он думал о том, как уговорить хозяина магазина сбросить цену. Мозг заработал на полную катушку! Помучившись до вечера, он вдруг вспомнил громоздкий шкаф с тремя выгнутыми, симметричными, полированными дверками. И вот тут его осенило!

На следующий день он снова пришёл в этот странный магазин. Вот уж действительно сарай! Длинное, совершенно никак не украшенное помещение, заполненное пыльной дорогой мебелью. Делая вид, что его интересует что угодно, только не фортепиано, он медленно бродил по магазину постепенно приближаясь к объекту. Подойдя вплотную к шифоньеру, он сделал вид, что сильно

удивлён и даже расстроен. Он глубокомысленно качал головой, поджимал губы и даже делал вид, что вытирает пот. Хозяин, наблюдавший за ним со стороны, заметил клоунаду и подошёл.

— Этого просто не может быть! — Сергей впал в ступор качая головой и нелепо выдупившись на дверку полированного громилы, — А Вы знаете историю этого шкафа? — Нахмутив брови, спросил он подошедшего антиквара.

Тот, слегка смутившись, сказал, что шкаф он приобрёл у одного очень уважаемого немца и сделан он в конце девятнадцатого века...

— Вот именно! — Подхватив последнюю строчку, изрёк доктор. — В конце девятнадцатого века! Простите, но этот, с позволения сказать, шкаф, оскверняет весь Ваш магазин!

— Как?!!! — У антиквара даже очки вспотели! — Почему Вы так говорите?!

Сергей смотрел на немца с сожалением. Понизив голос, он сообщил:

— Да потому что в то время в стране свирепствовал тиф! Вы забыли?! Умирали сотни и тысячи людей! Сначала их хоронили в гробах с такими вот крышками, а потом гробы не понадобились — людей просто сваливали в ямы, обливали горячей смесью и сжигали! Я слышал, что в дальнейшем из крышек этих неиспользованных гробов изготавливали мебель. Этот шкаф из той же партии... Печально не правда ли? — грустно подытожил доктор. — Неужели Вы не видели, что дверцы шкафа сделаны из крышек гробов?!

Немец был в шоке! Он почти терял сознание, не зная, как реагировать и что сказать. Это же скандал! Если клиенты узнают — доходный бизнес рухнет! Оооо майн гот, какой позор! Хватаясь за сердце, он хотел немедленно избавиться от ужасных гробов и Сергей,

безумно сочувствуя бедному антиквару, вызвался помочь. Он сказал, что злосчастный шкаф можно вывезти из страны в Чехию — у него там знакомый, который, быть может, согласится купить этот шкаф.

— Только вот... — Доктор сделал многозначительную паузу, — Боюсь он не даст за него много денег.

Говоря это, он с опаской провёл пальчиком по полированной дверке несчастного шкафа, а затем брезгливо принялся вытирать палец носовым платком. Глаза немца, и без того увеличенные линзами очков, раскрылись так, что казалось он ими выдавит стекла!

Незаметно наблюдая за антикваром, Сергей продолжал говорить, будто взялся за это хлопотное дело из уважения к хозяину, а сам-то он хотел приобрести вон то фортепиано и... — Он судорожно искал что бы ещё прихватить в нагрузку — Вот этот комод.

Хозяин магазина был счастлив предложению странного покупателя и с радостью уступил выбранные им вещи за полцены. Сергей сделал вид, что обдумывает предложение. Антиквар тут же поспешил с новым:

— Доставка немедленно и за счёт заведения!

— S,git, сделка состоялась! — Доктор широко и искренне улыбнулся, подмигнув haus maister (грузчиком) уже грузившим фортепиано в машину.

Антиквар, немного придя в себя, рассказал историю инструмента. Оказывается, это замечательное фортепиано принадлежало графу N и находилось в его знаменитом замке вплоть до 2002 года.

— В августе этого года Германию постигло ужасное горе! — Сокрушался антиквар, — В результате ливневых дождей, продолжавшихся неделю, Эльба вышла из берегов, вода поднялась на 10 — 11 метров! Вы можете себе это представить?! Взбесившаяся река затопила всё побережье! Центр города, дома, парки, поля и луга стояли в воде! Восточные земли Германии вынесли основной удар

стихии! Это было крупнейшее наводнение в Европе за последние сто лет! К великому сожалению, замок графа тоже был частично подтоплен и этот чудесный инструмент находился какое-то время в воде...

Товар погрузили на грузовой «Мерседес» и вскоре два огромных гориллоподобных грузчика, с лёгкостью выгрузили, занесли и поставили на место инструмент и комод. Шкаф они выгружали в плотных перчатках с чувством глубочайшего омерзения и даже страха! Стараясь не слишком касаться «заражённого» сто пятидесятикилограммового исполина, они кое как затащили его в квартиру и, оставив посреди холла, буквально сбежали! Сергей и глазом не успел моргнуть, как машины и след простыл. Пришлось вновь подключать русскую смекалку: намочить пол и, расстелив плотное покрывало, тащить этого громилу на своё место.

Настала очередь фортепиано. Сергей внимательно осматривал инструмент, как доктор больного пациента. Установив диагноз, он смотался в хозяйственный магазин, где приобрёл самый лучший итальянский лак, растворители, очистители и прочие необходимые для реставрации вещи. Провозился он над ним пару недель. Когда всё было промыто, зачищено и отлакировано, заменил старые пожелтевшие клавиши на перламутровые — (ещё накануне присмотрев их у мастера по ремонту клавишных). После этого долго возился с настройкой, но добился потрясающего звучания!

Вечером он расставил по периметру комнаты тяжёлые бронзовые подсвечники и зажёл свечи. Бутылка заранее купленного французского шампанского «Dom Perignon» покрылась капельками воды, охлаждаясь в серебряном ведёрке со льдом. Хрустальные бокалы сверкали, отбрасывая блики на фрукты и конфеты в ажурной фарфоровой вазочке. Он ждал фрау Хокке. Когда та во-

шла, мужчина вдохновенно играл нежный вальс Шуберта. По тому, как загорелись её глаза, он понял, что нужный эффект достигнут — дело за малым. Его умиляло, как задёргались изящные пальчики утончённой ффрау в нетерпении сесть за этот потрясающий инструмент. Он ей это позволил, и они весь вечер музицировали, пили вино и пели романсы. Заострённое, хищное лицо молодой женщины разгладилось, щеки разругались, а в голубых глазах полыхал огонь множества свечей! Импровизированный мини-концерт с удовольствием послушала и хозяйка дома, полячка Гжешка. Весь вечер ффрау Хокке чуть ли не на коленях уговаривала Сергея продать ей этот изумительный инструмент, а тот, изображая недоумение и даже праведный гнев, категорически отказывался! В конце вечера ффрау Валентина предложила такую цену, что несговорчивость хозяина пошатнулась и он, изображая огромную досаду, согласился. «Уговорила» она его на сумму в 6,5 тысяч евро, это в десять раз больше, чем та, которую он заплатил антиквару за все приобретённые у него вещи. Он проводил даму домой, где она тут же с ним рассчиталась. Сергей с полными карманами денег зачем-то решил зайти в маленький частный магазинчик шерстяных носков «Wolf».

Он шёл по освещённой улице. Снег косо падал на мокрый асфальт в тщетной попытке наместить сугробы. Виднеющаяся вдалеке остроугольная Kirche дополняла и умиротворяла состояние блаженства на душе довольного жизнью мужчины. Не доходя до магазинчика, он увидел огромную вывеску, извещающую о пятидесятипроцентной скидке на автомобиль «Sckoda». Авто стояло тут же — отражённый в огромных окнах витрины великолепный красавец красного цвета. Прикреплённая табличка сообщила о цене — 13 тысяч евро. Сделав в уме несложные вычисления, Сергей глазам своим не поверил — вот

так совпадение! Приняв это за знак свыше, он развернулся в сторону кирхи и, перекрестившись широким христианским жестом, не раздумывая, тут же купил этот автомобиль! Необходимые документы оформили быстро, и уже через полчаса Сергей подкатил на новом авто к дому польки.

Когда эйфория от продажи инструмента и приобретения автомобиля, прошла, Сергей наконец-то смог внимательно рассмотреть приобретённый в нагрузку комод и шкаф. Комод, купленный практически вслепую, оказался вовсе даже не комодом, а нижней частью посудного шкафа, что, впрочем, не умаляло его достоинств и прелести. Вещь добротная, из натурального дерева с изящной объёмной инкрустацией по бокам и на ящиках. Его украшали ажурные ручки жёлтого металла и тяжёлые витые ножки. Чуть отреставрировать столешницу, и эта вещь украсит собой любой интерьер.

Разглядывая шкаф, он поразился тому, как добротно и качественно тот был сделан. Заднюю стенку шкафа, видимо, для того, чтоб дерево не рассохлось и его не повело, скрепляли клинья. Они горизонтально пересекали заднюю стенку слева направо и наоборот. Мало того, внутри шкафа были бронзовые петли и скобы изумительной работы! Ключи, запирающие дверцы, имели сложную конструкцию с множеством зубчиков и впадин.

Когда Сергей открыл дверцу платяного шкафа, на него пахнуло старой и какой-то тёплой, солнечной Германией. Его чуткий нос уловил терпкий запах душистого кофе и... тонкий аромат женщины. Сергей ни на минуту не сомневался, что шкаф принадлежал не какому-то там «солидному немцу», как убеждал его хозяин магазина, а именно женщине. Он глубоко втянул в себя запах, мысленно представляя какой она была...

Заполняя шкаф вещами, он заметил надпись внутри ящика и, приглядевшись, с изумлением обнаружил написанное чернилами стихотворение на старонемецком языке. Поскольку старонемецким Сергей не владел, то перевёл приблизительно. В стихотворении речь шла о весне, природе и чувствах к женщине. Заканчивалось оно слова-ми *lezze lei~st*, которые он перевёл, как *lezze* — учиться; *lei~st* — завершение темы, что окончательно его запутало. Под стихотворением стояла дата 1824 год.

— Вот вам и бидермейер! — Щёлкнув по своему отражению в полированной дверке шкафа, с улыбкой сказал счастливый Сергей, — Удалась сделка-то, сударь! Эх, как пить дать, удалась!

А н т о н

М о с к а т о в

РАДУГА (Вместо эпилога... Как мне думалось)**(глава из новой книги)**

Вахта перевалила за половину.

Я, отдремав своё на неудобном столе в ЦПУ, подложив под голову скатку из комбинезона, продрал глаза. Сработала тревога, и сон испуганно шарахнулся в сторону.

— Вовремя, — зевнул, растягивая рот шире, чем у гиппопотама.

Вернул машину в «спокойное» состояние. И, желая глотнуть свежего воздуха больше, чем запойный арматурщик завода бетонных изделий желает опохмелиться, поднялся на ют.

Рассвет разлил палитру красок, но главный лохматый художник ещё не вынырнул из моря. Лишь лучами-руками, цепляясь за облака, подтягивался к горизонту.

Я терпеливо ждал, чтоб приветствовать бога Ра, в трепетном желании глаз прикоснуться к рассвету.

Багряные тона, переливами восходящие к оранжевому разливу, касались седых в серости своей облаков, подкрашивая пухнастые парики яркими огоньками. Даже стальной отлив волн заметно повеселел, разыгрывая между барашков барахтающуюся красоту расплавленного металла. Горизонт плыл в калейдоскопе сменяющихся огней, расправляя плечи утра, наступающего

неожиданно за ночью, чтоб расцвести в яркий день, несущий новые заботы и тревоги.

Винт колыхал волну, вспенивая белые разводы брызг, океан, подыгрывая кораблём, подкидывал корму, что палуба уходила из-под ног, заставляя ловить положение. Шуршащий шелест воды ерошил и будоражил, навевая странное, непонятное, и ни с чем несравнимое чувство детского восторга от присутствия среди этой красоты и совершенно взрослую тоску по отсутствию дома. И брезжил абсурдным чувством, что долгий рейс заканчивается, и, несмотря на радость встречи с семьёй, появится новый виток тоски, кружащий трепетно-растроганную, беспокойную душу в скоротечном вальсе времени, отмерянной раз и навсегда на короткую, как вспышка падающей звезды в небе августа, жизнь.

Искры огня, разбрызгиваясь на горизонт, поджигали небо. Оно, разгораясь жарким пламенем, рукоплескало наступающему дню, хлопки ветра раздували огонь шире, широкими кляксами размазывая огонь по серебру неба. Облака клочковатым дымом окутывали огонь, нависая тяжёлым покрывалом, грозящим, будь ветер сильнее, затушить скромную свечку разгорающегося солнца.

И, наконец, назло всем завистникам, на радость друзьям-приятелям, греющимся под прикосновениями добрых лучей, гигант скинул прохладное покрывало океана, которым укрывался ночным июльским, зимнем для южного полушария, сна.

Медленно и величаво, как коронованная особа — хотя, кто может из рождённых на земле правителей покуситься на власть светила — начинало шествие по небосклону, с отмеренной на песках времени и каплях солёных брызг, точностью.

До слёз и рези глаз я глядел на солнце, чувствуя, как живительное тепло — ещё далёкое, неспособное обо-

греть былинку, проникает под кожу, отыскивая за её циничной толщиной душу, пронзая её пониманием простоты жизни, следующей за рождением и предшествующей смерти.

День был прошлым моего будущего. Но сейчас он был более чем настоящим, потому как другого я не знал, не был уверен не только в завтрашнем дне, но и в следующей минуте непростой и далеко не безоблачной морской жизни.

Обернулся, глазами жадно впиваясь в горизонт. И чуть не вскрикнул от удивления, чувствуя, что душа, ещё не очерстневшая окончательно от жёсткости и жестокости жизни, трепещет в груди, принимая редкие из-за человеческой суетливой глупости, подарки природы. Отда-

ваемые ей всем, сразу, совершенно без тоски и жадности.

На краю горизонта, слева по борту, вспыхнул огонёк, разливаясь ровными рядами цветов. Как в далёком детстве: Каждый Охотник Желает Знать Где Скрывается Фазан. Красный, Жёлтый, Зелёный, Голубой, Синий, Фиолетовый. Радуга расцвела сказочным семицветиком из сказки про детство. Прямо на глазах, верша чудо природы, восхищающего любого, способного видеть.

Из седости облаков, клубящихся вдалеке от рассветной дымки огней, упираясь в серебристую сталь океанской волны со всполохами пенных

конных перестуков, на которых Бог Посейдон взвивал полёт своей колесницы, росла радуга. Под восторженным взглядом. Росла только для меня. Потому как никого больше не было, и быть не могло.

Переливы света, становясь толще и длиннее, пронзали небо, ложась поверх облаков, оттесняя и оттеняя. И росчерком кривого мазка осветляли горизонт, лежащий между изогнутых, как бровь сказочной красавицы, дуг.

Я оглянулся на светило, глазом небес разглядывающее маленький балкер посреди огромной Атлантики, и ещё меньшую песчинку — второго механика, безответственно покинувшего пост. А когда взор обернулся обратно к Прячущемуся от Охотника Фазану, росток радуги, берущий начало от акта любви солнца и неба, исчез, будто оказался нереальным бликом воображения.

Рассвет, вступая в права, шелестящей ветром метлой дворника прогонял тенистые и мрачные краски ночи. Судно, чувствуя, что тёмная пора миновала, норовистой лошадкой раскачалось на волне — ветер взвихрил серебро, мелкой сетью морщин сворачивая шагреневую кожу океана, состаривая бессмертную матушку природу, смущая её, загоняя в краску. И она краснела отбликами встающего солнца — мудрого и хитрого старика, веснушчатого, как Антошка из мультфильма, подозреваемый глупой молвой в смертоубийстве родной крови — деда. В пробелах разливалась багрянцем кровь седых волн, обожжённых от прохлады утреннего солнца, растопившего ледяное дыхание.

Я перешёл на другой борт, желая увидеть новые цвета рождённого дня. И... замер, разглядывая новое чудо. Новый росток радуги пробивался из плодоносящей породы стальных волн. Но рос не ввысь, а вширь, собираясь закрепить на неверной волне... Несколько мгно-

ваний, и бродяга — ветер востребовал волны, те дали коленкой под дых облакам, лениво переворачивающимся на небосводе. И они отступили, растирая между пухнастых боков радугу.

Суровые стены облаков навалились на восток, оттесняя в тень Ра, их седые, переполненные слезами, и черноватым гневом молний, товарищи, толпились на востоке, сжимая колечко ясной погоды вокруг кораблика. Не давая ни отдыха, ни сна третью неделю. Наминая натруженные бока и терзая испытаниями ноги винта, лопасти бороздящего пенную волну.

Смятый горизонт запада рассёкся на части. Солнце, прущее с востока, поднадвинуло плечиком, распикивая суетливо мнущиеся вокруг облака. И полоснуло, будто ножом по серости. Запад съёжился, кособоко сминаясь ватными перьями тумана, смешался в оттенки серого мараева, как едва подготовленный, выкрашенный в единый цвет холст пробуждающего в гении замысла художника. И полоснула от края до края улыбка неба, перевёрнутая верх тормашками, расплываясь в свете всевидящего дня.

Теперь радуга пёрла, как на дрожжах. Волнующаяся в пенных аплодисментах моря, руки-волны которого брызгами слёз окропляли горизонт, — насмехаясь над струсившим, отступившим в ужасе небом. Рваные клочки седых волос-облаков, разлетаясь по уголкам мироздания, в бессилии перед вырвавшимся на свободу светом, меняли раскрас, подстраиваясь под угоду солнцу, кому едва ли не минуту назад противостояли.

Радуга взбиралась ввысь, отстраивая арку в безбрежном небе. Приглашая наш балкер, идущий на запад, чтоб

дольше идти по пути с солнцем, влиться под прикрытие лучей. Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан.

Края кранов больно цепляли радугу, норовя сдёрнуть её занавес с неба. На прихоть разозлившихся волн, помогающим одноцветным подругам — воронам небо-склона — облакам. Под карканье свистящего ветра и скрип плещущегося моря, краны подпрыгивали ввысь, стараясь дотянуться до творения солнца. Но, или старались плохо, или не доросли до неба.

Балкер с неторопливой вальяжностью вкатывал под радугу, как десятиклассник с аттестатом зрелости — во взрослую жизнь.

А минуту спустя радостное наваждение начало отступать. Огни радуги меркли, растворяясь в безбрежности. Цветные полосы таяли, сворачиваясь пышными завитушками. На солнце навалилось столпотворение грозовых туч.

Ливневые полосы расчертили небеса размазанными штрихами мягких карандашей, со всех сторон изогнутые стрелы воды обрушивались на океан... И только впереди маячил светлый кусок неба. Радуга, освободив путь труженикам моря, отошла в сторону, пропуская в будущую неизвестность.

И солнце спряталось за чёрную огромную тучу, уставшее спорить с небом. Рыжий старик с мудростью тысячелетий отступил перед беснующимся гомоном вселенской женщины — небом.

Зашипела природа, предостерегающе взъерошивая мир. Мелкая морось обрушилась на палубу. Показалось, что эта хмарь — от поднятой волны, но, обман длился недолго — с неба сыпался мелкий, моросящий дождь. Въедаясь холодными щупальцами под кожу. И, закадычный приятель ветер, разозлённой моськой вцепился в парход. С треплющим нервы завыванием грозы.

Шквал налетел неожиданно, как обычно. Балкер закрутило, пощёчины волн стучали по бортам, плеск взвихрил брызги. Накат прибоя коснулся слуха отзывчивыми воспоминаниями родного берега, когда я не в море, а с другой стороны — на берегу дикого пляжа с семьёй.

Солнце окончательно померкло за тучами. Грозовой фронт заволок середину мира, заполняя пространство от кромки моря до самого небосвода, оставляя свободным только вершину мироздания. Переливчатые лучи криво и рассеянно, словно заблудшие овечки разбрёдшейся паствы, оставшейся без поводыря, расползались в мелкие бреши стройных облачных стен. Серость мира придавила корабль к волне.

Шквал, пользуясь возможностью, зарычал больше. Мелкий дождь, растревоживая тишина плещущегося океана, посыпался с вершин мира, рассекая чёрточками пресных слез волнующую свежесть воздуха.

Куда ни глянь, обложные дожди вспарывали гладь океана — росчерки ливней маячили на горизонте, и только впереди, на западе, под вратами несуществующей радуги, блестело спокойствие волн. «Western Stavanger», рассекая волну, приближался к Аргентине, последнему порту уходящего рейса. Если не считать аэропортов Буэнос-Айреса, Парижа, Москвы и Симферополя. Но это на горизонте маячила дорога домой...

Короткая злоба шквала отступила, как прощальный салют уходящих сомнений.

Яркая вспышка озарила мир. Весёлый рыжий старикан, перехитривший гонные массивы угрюмых, и оттого бестолковых туч, затянувших горизонт, взобрался по ним выше, находя бреши в, казалось бы, стройной стене,

и, перекидывая яркие лучи через вершины седых гигантов, оказался на высоте. Являя величие мира, согреваемого им.

Я стоял и смотрел на солнце, умываясь слезами.
Плакал...

Оттого, что, несмотря на невзгоды моря, забравшего у меня полгода жизни, я всё-таки ехал домой.

К детям. Которым не стал хорошим отцом, потому что большую часть жизни я мог находиться в любой точке земного шара, качаясь на волне, как маркитанская лодка из «Острова Сокровищ». Кроме родного дома с одними и теми же, строго определёнными координатами. Где находились мои истинные сокровища. Я не находился рядом с дочерью, которая жила отдельно, с бывшей женой, и, наученная матерью, не называла меня отцом. Но, и не был с сыновьями, ждущими меня каждый день. Я не видел, как пацанята, услышав любой стук в дверь, соскакивали с мест, и с криками: «Папка!» бежали открывать её. Я не слышал, как сын, на ответ жены, что папа не приезжает, потому что зарабатывает денежки на еду, ответил: «Пусть папа приезжает скорее, я обещаю, что буду меньше кушать». Я не видел, как подрастают «звери мои Чудищи»: звери — Тигрёнок и

Медвежонок, и Чудищи оттого, что Чудо, и учатся быстрее топтать по дорожкам парка, которыми мы гуляем по вечерам, как ждут очереди в детский садик, чтоб «дружить и играть с другими детками». Не обнимал и не целовал их на ночь. Обворовывая и себя, и их, в те самые редкие моменты детства, которые уходят вдаль, в то самое время, когда отец нужнее всего — в первые моменты жизни.

Я был плохим отцом.

И, наверное, плохим мужем... Потому как не мог простить жене обиды прошлого... И ждал обид настоящих. Плохим, оттого, что часто сорились, не веря в будущее...

Но я плакал потому, что всё это было не важно. Эти «но» и «если» отступали на задний план, прячась за радостным ожиданием скорой встречи...

Я ехал на маленькую Родину, в город двух морей, город-герой, являющейся частью Великой России, к которой я, хоть и был крупницей на необъятных просторах, но принадлежал Душой и Сердцем...

Зная, что пройдёт каких-то четыре месяца радости, и новая история о моряке начнёт писаться на страницах ноутбука, беря начала от звонка из Одесского крьюинга и подписания контракта. Контракта с указанием времени, на которое моя собственная жизнь обменивается на хруст зелёной бумаги, и принадлежит уже не мне, а абстрактному капиталисту, для которого я — безымянная строчка в компьютерном списке. Но, это опять будет потом.

А сейчас, несмотря, что за полгода посетил четыре материка из пяти и три океана из четырёх, я совершенно точно знал, что лучшее место только одно на Земле — мой собственный дом, наполненный радостью встреч и смехом моих детей, ждущих папку из рейса.

P.S. По воде прыгал заяц-русак с прижатыми ушами. Будто давал дёру от лиса по среднерусской равнине: огромное облако ползло над водой, ещё больше напоминающая о моей нерушимой связи с Родиной.

Самый добрый, седьмой урок гласил: везде хорошо, где нас нет, а дома всё равно лучше.

А й е у л о

Б у х а р С а е в а

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Я дома. Выходной день. Все важные и нужные дела на сейчас завершены. Это хорошо. Что же делать?

Лепить и рисовать.

Достаю из сумочки полукилограммовый брикет белой глины. Собираю инструмент, который может понадобиться в работе, готовлю рабочее место. Сажусь.

Воображение держит картинку того, что должно получиться. Ну, надо делать, лепить, рисовать. А как — не знаю. Пока не сделаю, не узнаю.

Распаковываю глину, отделяю кусок. Мягкая, послушная, так и ждёт, что из неё сделают.

— Какая жизнь меня ждёт? — вопрошает глина и отдаётся процессу взаимодействия с происходящим полностью, безоговорочно.

Что бы ни случилось-получилось эта глина, тёплая живая, такая чуткая к каждому прикосновению целиком и полностью готова быть тем, что из неё сделают. Она готова к новой жизни, рождению и смерти. Тёплый чувствительный кусок плоти есть здесь и сейчас, и этот момент для него самый важный значимый и ценный, единственный.

Руки

— Ну, наконец-таки. Вот он, живой материал. Живой организм, готовый родиться и умирать одновременно. Он живёт, и блаженствует от своего существования. Как тонко он чувствует каждое прикосновение, точно передаёт, отражает, он дышит. Это чудо.

— Руки, вы что делаете? Всё не так, всё не то. Это делается по-другому, — воскликнул мозг, чувствуя свою ненужность в творческом процессе

— Как? Как это нужно делать, ты знаешь? — вопрошают руки.

— Не знаю, сейчас подумаю — важничает мозг и успокаивается.

А руки и всё существо продолжают творить, наслаждаясь взаимодействием с глиной.

— Что вы делаете? Зачем вы катаете эту колбаску? Вы что, хотите забор построить или змею какую-то слепить, это не похоже на то, что я задумал. Стойте, остановитесь, зачем нам столько червей. Вы сейчас израсходуете всю глину и ничего не получится, — завозмущался мозг.

— Да ладно, пусть позабавятся, все равно всё будет, как я захочу. Глина мягкая, её можно будет склеить в один кусок и слепить по-другому. Вот тогда всё будет по моему. Пока руки играют, изучая материал, я придумую, как надо сделать то, что я задумал, — важничает мозг, продолжая считать себя самым главным во всём происходящем.

А руки в это время наслаждаются процессом рождения чего-то нового, неизвестного пока.

КАК ЧИТАТЬ КНИГУ

Как хотите.

Хотите читайте, хотите не читайте, хотите рисуйте прямо на страницах книги или не рисуйте. Можно с начала, с середины, с конца, с оглавления или с любой главы и страницы, как откроется книга, так и читайте. Можно с закрытыми глазами и с открытыми, с открытым ртом и закрытым, ноги, руки, крылья, нимбы, хвосты, рога и копыта вытягивайте, заплетайте и располагайте,

как хотите. Читать её можно в любом настроении, состоянии, с любыми чувствами, эмоциями и ощущениями. Можно её намочить, в чём угодно: в горячем, холодном, кислом, сладком, солёном, остром, густом, жидком, свежем, прокисшем, — сами знаете, что получится. Поставьте на неё суп или сумку, утюг или бензопилу, потом почитайте, или не читайте. Можно по ней заниматься кверху ногами или вниз головой (это одно и то же!). Можно петь песни и читать вместе с другой книгой, одной или несколькими сразу, можно перед телевизором или в дороге. Книгу можно читать лёжа, сидя, стоя, на ходу, в езде, на лету, в падении, в парении, в парилке, в бассейне, — где хотите, там читайте или просто листайте. Когда хотите тогда читайте, хоть во сне. Положите её под подушку и спите, или не спите, сидите на этой подушке, или лежите головой или другими частями тела, стойте на подушке или носите её на себе, в сумке, в чемодане, как угодно. С другом, компанией или в одиночестве, ночью и днём, вечером и утром, когда заблагорассудится.

В общем, занимайтесь по книге как хотите, как придумаете, так и будет хорошо, главное, чтобы Вы выздоровели. Если любой найденный Вами способ будет способствовать исцелению тела, души или ума, или всего вместе, поделитесь пожалуйста, я буду очень благодарна.

ОТКРЫТИЕ СЕРДЦА

Чтобы грудь раскрылась
И небо в ней вместилось.

Поддержи меня в том, чтобы я могла удержать
сердце открытым,
когда ты проникаешь в него.

Позволь удержаться, не отойти, не спрятаться, не
убежать.

Позволь быть в мудрости и принятии твоего велико-
лепия.

Господи, удержи моё сердце открытым.

И пусть ты войдёшь, и 1000 миров найдут своё отра-
жение в нём.

Сумасшедший поток вошёл и нашёл пристанище во
мне.

Пусть изливается в меня любовь.

Фонтанируешь любовью и тонешь в любви, раство-
ряясь.

Будь поводырём и пастором моим.

Веди меня сквозь вечность.

Хочу напиться тобой.

Испить и исцелить раны.

Возлюбленный мой скучаю по тебе.

Лишь ты тот, кто может утешить.

Я готова отказаться от всего,

Ради того, чтобы, познать тебя, быть тобой.

Чтобы ты правил в моей судьбе,

Воспевая великолепие мира.

Позволь мне пережить тебя тобой.

Протяни руку, держи меня,

Почувствуй, что мы вместе,

Почувствуй тепло моих рук,

Почувствуй тепло сердца.
Почувствуй и узнай во мне себя.
Позволь боли раствориться и познать вкус любви.
Не отпускай руку мою,
Позволь вере быть в сердце.

Пусть правит вера сердцем твоим.
Изо дня в день, становясь больше и краше.
Становясь стержнем в тебе.
Не засыпай.

Позволь мне переживать твоё величие.
Позволь лицезреть твою многогранность.
Каждая частичка существа переживает сумасшедший

поток.

Глядя на тебя, я узнаю себя.
Я чувствую твою боль, твою печаль.
Я вижу твоё величие и твоё отчаяние.

Если бы я могла растворить эту боль, обняв сердце
твоё.

И через меня господь бы согрел твоё сердце,
Чтобы оно раскрывалось с каждым стуком, с каж-
дым мгновением.

И если бы моего сердца хватило, чтобы вдыхать в
не-го любовь.

И с каждым мгновением твоё сердце становилось всё
больше.

Если бы я могла сделать, чтоб ты не засыпал.

Чтоб ты проснулся и воспрнял
В красоте своей и великолепии своём.
Чтоб ты стал путём к нему, а я для тебя.

Когда ты плачешь, моё сердце плачет.

Твоя божественна игра, в которой ты узник и осво-
бодитель.

И непонятно, кто есть кто

И кто кого освобождает,

И узник есть освободитель,
И эта удивительна игра.
Ты есть везде и ты во всем.
И всё здесь всепроникновенно.
Хочу, чтоб вечно восхищало твоё великолепие.
Всё есть одно и многолико.
Всё здесь просто и удивительно одновременно.
И нереально всё, и нет готовых схем.

У каждого тропа своя.
Когда расколется реальность,
Возможно ли познать себя,
Входя и выходя.

Позволишь ли войти в себя,
Когда душа кричит.
Верни меня к себе.
Запутался в игре!

Великая простейшая игра,
И где я есть, и где конец игры,
Где всепроникновенно.

Бесконечность перевоплощений в лабиринте иллюзий.

Чтобы время остановилось, тело, пространство, дух.
Чтобы время прекратилось,
Исчезло время.
Дух.

Как выйти из лабиринта иллюзий?

КАК Я ЛЮБЛЮ

чутко, заботливо, радостно, легко, изобильно, — хочется, а как получается — не знаю.

Думаю, начать надо с того, что такое для меня любовь.

Любовь для меня — это желание счастья, кто и что бы это ни был-о.

Кто знает, что такое счастье и где его источник? Только мы сами. Не ум, не эго, не кто-то снаружи. Это знает наша душа\сердце. Главное прислушиваться, оно не обманет. Вот я и учусь слушать сердце, оно у нас одно на всех, большое единое целостное.

За что я люблю? А просто так, мне хочется любить, хочется быть в любви, окружить себя любовью, раскрывать и увеличивать её вокруг и внутри себя, для себя и окружающих.

Одной у меня не получается быть счастливой от любви. Если рядом кто-то страдает, я не могу этого не замечать. Немало зависит от способности вообще замечать\слышать\видеть\чувствовать то, что у других внутри. Для этого нужны чуткость\видение\ощущения себя\окружающих\пространства\большого единого сердца одного на всех.

Настоящая\истинная любовь из желания счастья, того, которое жаждет сердце, видимо не отличается от любви к женщине и мужчине, к ребёнку и родителям, к детям и друзьям, к себе и жизни, работе и искусству, природе и животным.

Почему же я разделяю это? Мой ум разделяет любовь одну от другой.

Почему-то у него есть разные виды любви.

Видимо, так и есть, надо только разобраться...

Да, ум не всегда дурак, в нём есть польза.

Итак, есть три формы любви: эрос, филос, агапе.

И две из них можно чувствовать к мужчинам, и это есть в моей жизни.

Так просто.

Или все же не так просто? Почему мне кажется порой, что не люблю я мужчин, или не всех мужчин? и вообще не всех людей и не всех существ?

— Потому, милочка, что это не агапе — внутренний голос (не молчит)

Вот, подумалось мне, вспоминаю свою жизнь и понимаю, что, подходя к определённой степени близости в своей жизни, я теряю интерес и уважение, а появляется жадность и злость, — про что это?

Эта близость как-то даже временем измеряется, как формула из физики. Сила равно масса на ускорение.

Степень близости = время общения умноженное на глубину взаимодействия и яркость эмоций, делённое на искренность \ честность намерений.

Про что это?

Время может быть очень разным — от мгновений до десятилетий.

Глубина взаимодействия — это скорее всего про то, что мы сами с собой бываем не глубоки, не слышим, что ли, своего сердца \ внутреннего голоса \ чувств \ устремлений духа? В разных ситуациях попадаем на разную глубину и приглашаем туда другого человека или, защищая что-то очень ценное для себя, закрываемся и не идём на близость.

Яркость эмоции — любых эмоций — безмерная радость и лютая ненависть, безграничная благодарность и

разрушительная ярость, тончайшее умиление и глубокая нежность, зыбкий трепет и всепоглощающее блаженство.

Искренность и честность намерений — думаю, это про честность с собой, про соединённость со своими желаниями, про знание \ понимание \ ведение устремлений своих, принятие и доверие.

Возможно, это всё похоже на бред, возможно, на правду, время покажет.

Пока я думаю так.

Размышляю.

с любовью, пока не безусловно и не безгранично

В а с и л у й

Д у г а к о в

**900 ДНЕЙ НА ГРАНИ СМЕРТИ, ИЛИ
ГОРОД ЛЕНИНГРАД — СИМВОЛ МУЖЕСТВА
И СТОЙКОСТИ**

*Памяти моей мамы Дудаковой Ольги Марковны,
участнице обороны города Ленинграда
и пережившей его блокаду посвящается.*

(главы из книги)

РАССКАЗ ШЕСТОЙ (период март — май 1942 года)

Хочу, чтобы знали наши потомки — мы не только страдали в эти тяжёлые дни. Мы были и счастливы! Счастливы тем, что каждый день видели высочайшие проявления человеческого духа, стойкость, героизм, подвижничество. Все люди здесь обнажены до крайности. Их можно понять, увидеть. Плохое заметно во всей безобразности — его не скроешь под громкой фразой и внешним лоском. Хорошее тоже предстаёт во всей красоте, сверкает яркими красками. Я счастлива общаться с этими чистыми, прекрасными, изумительными людьми. Так хочется быть на них похожей! Со мной произошёл такой случай: сидит человек в снегу и мне машет. Подошла, хотела помочь ему подняться, а он мне книгу протягивает — «Диалоги» Платона. Подумала, на что-то меняет. У меня с собой ни сухарика, да и зачем мне, Платон, в такое-то время? А он тихо так шепчет: «Девушка, доченька, сохрани книгу, это редкое, академическое издание. Я всё равно умру, а ты, может быть, выживешь». Я взяла эту книгу, решила, если выживу, буду много читать, учиться.

Третьего марта. Ленинградцы радуются — открылась баня на Разночинной улице. Люди идут в баню целыми семьями, никто никого не стесняется — до того ли? Моются, греются, плачут.

На ум приходят слова:

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идёт, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на Земле.

Конечно же вы узнали слова из поэмы Александра Твардовского.

К весне 1942 года стойкому и мужественному народу, а точнее нам ленинградцам удалось свершить не мало славных дел. Во-первых, невероятными усилиями был преграждён путь к голоду. Войсками Советской Армии была сорвана попытка фашистов окружить город Ленинград вторым кольцом блокады. И самое главное, это то, что Ленинград, отвлекая на себя большие силы немцев, помог выстоять Москве. Однако прогнать врага в тот далёкий год от своего города, разгромить его и уничтожить его защитники города были ещё не в силах.

Враг наседал. Казалось, ещё немного и всё рухнет. Но ленинградцы, словно каменная глыба, стояли насмерть. Однако, при всём героизме ленинградцев, проявляемым в защите города, обольщаться было нельзя. Самоуверенность, самоуспокоенность и безмятежность в таких случаях плохой помощник при организации обороны. И вскоре возникла потребность строительства новых укреплений уже в самом городе. Для этого требовалось много народа. А голод и холод буквально парализовали психику людей. В добавок, они ещё измучены мобилизациями. С первых дней войны люди в массовом порядке привлекались к строительству оборонительных сооружений. Осенью проводились мобилизации на лесозаготовке и торфопеработки. Зимой тысячи ленинградцев образовывали живой конвейер от Невы до хлебозавода, подавая туда ведрами воду. Теперь же снова возникла необходимость привлекать горожан. Что характерно,

люди не жаловались и не роптали, не о чём не просили. Они понимали, что все эти мероприятия проводятся в интересах защитников города и в целях обеспечения жизнедеятельности блокадного Ленинграда.

Я нахожусь на сборном пункте. Член Военного Совета фронта А. Жданов разъясняет причину очередной мобилизации. Надо отметить что партийное руководство города диалог с народом вело всегда честно и правдиво. Люди молча слушали его речь. Из сказанного было ясно, что надо строить новые укрепления на рубежах ближнего подступа города и в самом городе. Тысячи укреплений! И эта цифра была не фигуральная. Мы обязаны были внести серьёзные коррективы в построение внутренней обороны города. Она создавалась по секторному принципу. За секторами были закреплены добровольческие рабочие отряды и ополченские соединения. И вменялось принять бой в случае прорыва фашистов в Ленинград. Многие ранее построенные сооружения в каждом из секторов в результате бомбёжек, обстрелов, наконец от атмосферного воздействия частично пришли в негодность. Их тоже предстояло отремонтировать. Мы стояли молча и слушали, не задавая вопросов. Мы доподлинно знали — так надо.

Немцы стояли по-прежнему в шести километрах от города. Потому что они не упустят возможности воспользоваться слабостью нашей обороны. Этого допустить было нельзя.

Мы понимали то, что правде надо прямо смотреть в глаза. Может случиться то же, что уже случилось на «Невском пятачке» — плацдарм этот был потерян главным образом потому, что не был достаточно укреплён. И весь левый берег Невы, вплоть до Шлиссельбурга оказался, в руках фашистов.

Безмерные страдания и муки выпали на долю каждого ленинградца. Снова тысячи ленинградцев взяли в

руки лопаты и кирки, снова месят бетон, кладут кирпич, под обстрелами и бомбёжками врага возводят новые доты, устанавливают противотанковые надолбы. Люди трудятся до полного изнеможения, порой и умирают словно на передовых рубежах. А собственно это и была передовая. Руки изуродованы до крайности. Кровоточат. Люди страдают от невыносимой боли. Приняли решение менять бригады на участках работы и это дало свои результаты, у людей появилась возможность снизить травматизм. Начался интенсивный миномётный обстрел. Мины рвутся всё ближе, ближе и ближе. Вот одна уже взорвалась совсем рядом и обдала горячей волной. Поднятая взрывом мины земля сыпется на меня и девчат, лежащих рядом. Мелькнула мысль — конец. Но вдруг огонь противником был перенесён в другой сектор. Смерть была рядом, погрозила пальчиком и улетела. Радуюсь тому, что осталась жива.

После обстрела работы возобновлялись и проводились до следующего обстрела или бомбёжки. Часто происходило так, что построенный объект разрушался, и это приходилось строить заново. Однако люди не отчаивались и ещё с большей энергией, если хотите, с ожесточением восстанавливали разрушенное и возводили новые сооружения.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ (июль 1942 года)

В один из дней июля 1942 года над городом появились немецкие самолёты и вместо бомб сбросили огромное количество листовок. Они сбрасывались и раньше, мы к ним уже привыкли. В них практически были одни и те же призывы, — сдаваться, убивать коммунистов, руководителей города и комиссаров. А в этих текст был иной. В них сообщалось, что на 9 августа 1942 года гитлеровское командование назначило парад фашистских войск в Ленинграде.

И вот день, когда по замыслам вермахта город на Неве должен был пасть, наступил.

Он надолго запомнился мне и всем ленинградцам особо волнительным событием. Многие из нас в тот августовский вечер плакали и в своих домах, и прямо на улицах.

Эти слёзы вызывала музыка. В белокаменном Большом зале филармонии измождённого города звучала седьмая симфония Дмитрия Шостаковича.

Шёл 355-й день блокады.

Любимый город, зажатый в тисках, неимоверно страдал. И оружие Шостаковича — «музыка всепобеждающего мужества» — неудержимо рвалась из его сердца.

Зима 1941 — 1942 годов. Морозы доходили до минус сорока. Голод неумолимо косил человеческие жизни. 125 граммов хлеба и дрожжевой суп в лучшем случае составляли наше ежедневное меню. Отопление и водопровод не работали, не было света. Только скрипели полозья санок, да люди двигались, держась за стены домов. Музыка в Ленинграде в ту зиму почти не было слышно. По радио звучали в основном литературные передачи. Казалось бы, до музыки ли нам? Но её действительно ленинградцам не хватало. Было порой действительно страшно: город без музыки круглосуточно, по радио слышится

только мерный стук метронома. Уже после войны, я узнала, что многие ленинградские оркестранты не пережили ту жестокую зиму. Но искусство не умерло. И в условиях блокады был возрождён оркестр радиокомитета, который тридцатого марта собрался на свою первую после перерыва репетицию.

И вот он, первый концерт. Неожиданный, но желанный для ленинградцев. И тут я вспомнила, что на последней странице «Ленинградской правды» видела объявление о спектаклях Театра оперетты и о концертах в филармонии. Я-то читала в газете прежде всего сводки Информбюро и регулярно публикуемые сообщения о продовольственных нормах. Все ленинградцы с нетерпением ожидали увеличения пайков. А в театральные объявления как правило не вникала, они казались мне какими-то несерьёзными.

В общежитие без стука влетел секретарь комсомольской организации и требовательно прокричал:

— Быстрее, девочки, скоро начинается!

— Что начинается? — в один голос спросили мы его.

— Концерт начинается, едем, машина ждёт.

Вскоре мы были около здания филармонии. В полутёмном, освещённом копилками вестибюле было пусто, сыро и холодно. На площадке широкой лестницы стояла билетёрша. Комсорг протянул ей билеты, она надорвала их и что-то тихо сказала.

— Скорей, девчата, — обернулся к нам комсорг, — уже начинается!

Мы быстро прошли по маленькому фойе. В фойе было пусто, на стенах выделялись надписи со стрелками-указателями: «В бомбоубежище».

Комсорг приоткрыл одну из дверей, ведущих в зал, и сделал нам знак рукой.

Мы вошли и остановились в изумлении.

Огромные хрустальные люстры сверкали. Да, да, горело электричество. Правда неярко, в половину или четверть накала, но это было чудом.

Ещё больше нас поразило, что зал был полон.

— Идёмте, сейчас начнётся! — шептал комсорг.

На эстраде музыканты уже настраивали инструменты. Перед оркестром на тонком, высоком стержне был установлен микрофон.

Комсорг взглянул на билеты и двинулся по проходу к передним рядам. Мы едва попевали за ним.

Только мы успели сесть, как на эстраду вышел человек и тихим голосом сказал:

— Дмитрий Шестакович. Седьмая симфония.

Из-за кулис появился дирижёр. Раздались аплодисменты.

Дирижёр взмахнул своей палочкой. Скрипачи подняли смычки.

Руки дирижёра взметнулись и на какое-то мгновение застыли в воздухе, как будто человек во фраке решил остановить движение времени. Потом он сделал плавный, едва заметный жест, и раздались звуки скрипок.

Я слушала музыку и мне казалось, что тихие, робкие эти звуки с трудом прорываются из какой-то мрачной бездны.

Мелодия крепла, зазвучали трубы. К ним присоединился кларнет, потом флейта и вот грянул весь оркестр.

Я слушала, как зачарованная. Я забыла обо всём, даже о сидевших рядом друзьях. Было светло и радостно.

Раздался рокот литавр, он слился с мощными звуками оркестра — скрипок, труб, гобоев, кларнетов, флейт. Вдруг всё замолкло.

И снова заговорили струны — короткими, лёгкими, но отчётливыми фразами.

Мне казалось, что передо мной проходит вся моя жизнь. Потрясённые великой музыкой мы поворачивались к соседям в зале и восклицали: «Какой дьявол может победить нас, наш народ, способный создавать музыку, подобную этой!»

В этот вечер наши бойцы вели такой мощный огонь по врагу, что принудили его к молчанию. Традиционного фашистского артобстрела в этот вечер не было.

Многогранники*А л е к с е й**В д о в е н к о*

КОЗА КАТЯ

Её держали для меня. Только для меня. Теперь, спустя более чем полвека, я это очень ясно понимаю. Ну, какой, скажите на милость, прок держать козу, дающую в день три литра молока, и то не всегда, и при этом бутылка качественного магазинного коровьего молока стоила двенадцать копеек. А зарплата моих родителей была почти по двести полновесных тогда сразу, послереформенных рублей, в месяц у каждого. Но Катю держала бабушка Домна, и это была её коза. Её вклад в благосостояние семьи. Она свято верила, что козьё молоко полезно для здоровья такого болезненного мальчика, каким являлся я в раннем детстве.

Став взрослым, я прочитал в одной умной книге то, что бабушка Домна знала просто из опыта долгой жизни: козьё молоко гораздо полезнее детям, чем коровьё. Другое дело — его относительно мало, и оно имеет специфический вкус.

Именно из-за вкуса я и не любил козьё молоко. Я любил козу. Катя была замечательная. Высокая, статная, круторогая, с длинной белой шерстью и коричневым пятном на боку. В её больших умных глазах светилась мудрость понимания жизни. Не могу сказать, что она искренне любила весь мир. Козы вовсе не отличаются слишком добрым характером. Однако, двух людей она любила самозабвенно. Бабушку, как свою хозяйку, и меня — неизвестно за что, наверное, за то, что меня любила бабушка. Только мне Катя позволяла делать с собою всё: крутить рога, дёргать длинную шерсть и даже кататься верхом. Умное животное стойко переносило все «издевательства» малыша.

Бабушка козу тоже любила. Никогда не хлестала хворостиной, как другие хозяйки. Хворостина служила лишь для управления Катей, когда они вдвоём выходили

в степь. На колышек с верёвкой Катю тоже привязывали весьма условно: она легко могла бы выдернуть колышек из земли и идти куда-то по своим делам. Но никогда так не поступала, дожидаясь кого-то из своих. По двору Катя ходила и вовсе свободно, всюду следуя за бабушкой Домной.

Так мы и жили, весело, почти счастливо в пригородном посёлке Стройгородок на самой границе степи и Керченского пролива. Жили несколько лет. Пока не настали перемены. Родители получили квартиру на Вокзальном шоссе, а бабушке с Катей настало время возвращаться в родной дом в посёлке Жуковка.

В последний вечер перед расставанием я, едва не плача, просил бабушку: «Милая, хорошая, пожалуйста, не режь, не продавай Катю!» На что бабушка, как всегда, сдержанно, отвечала: «Ну, что ты, Алёша! Не зарежу и не продам». И сдержала слово. Катя умерла в бабушкином доме своей смертью от старости, что вообще-то невероятно для козы.

Боже упаси, вовсе не призываю всех дружно заниматься нужным и полезным делом — разведением коз. Просто от всей души желаю, чтобы в жизни ваших детей и внуков кроме нескольких компьютеров были ещё: солнце, небо, степь, пролив, два моря, родной город и хотя бы одно близкое живое существо — собака, кошка... Не так уж и важно, кто конкретно. Главное, чтобы всё это было. Без этого человек вырастает чёрствым эгоистом.

ВИНО ОТ БАБУШКИ

Я впервые попробовал его лет в восемь или ещё раньше, точно не помню. Зато очень хорошо помню, как и по какому поводу это произошло.

Жаркий летний день где-то в середине шестидесятых годов прошлого века. Мы сидим с бабушкой Домной вдвоём на веранде её большого дома в пригородном посёлке Жуковка. Мы совершенно одни, и бабушка, пользуясь такой редкой возможностью, пытается мне, — сыну убеждённых коммунистов и атеистов, — что-то рассказать о Боге. Кое-что я уже знаю, повторения неинтересны, — мне нужны подробности, и я задаю довольно неожиданный вопрос: «Бабушка, скажи, а Иисус вино пил?»

«Да, пил, — спокойно отвечает бабушка Домна. — Тогда в Палестине все его пили. Там иногда в домах вина было больше, чем воды. «Да?! — удивлённо восклицаю я. — И какое оно было?»

«Простое, виноградное... вот такое». — И тут происходит невероятное... Бабушка подходит к пузатому старинному буфету, достаёт из него чуть менее пузатый графин и наливает в маленькую хрустальную стопочку искрящуюся рубиновую жидкость. — «На, внучок, Алёшенька, попробуй дара Божьего. Самую малость. Не повредит».

Я попробовал, и с тех, давних уже, пор вкус вина моей родины остался со мною навсегда. Лишь много лет спустя я смог приблизиться к разгадке замечательного, неповторимого вкуса. Бабушка Домна никогда не добавляла ни одной капли постороннего спирта в вино. А выдерживала его в дубовых бочонках в глубоком погребе, и минимум несколько лет.

Это прозаическая разгадка. Поэтическая состоит в том, что этот вкус соединил в себе привкус солнца, степи,

моря. Даже двух морей. Привкусы у них разные: Чёрного — более солёный.

И, памятуя мудрость народную: «Не вино — зло, но пьянство» — от души желаю всем отведать настоящего керченского домашнего вина. Некоторые из керчан ещё не разучились его делать.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЗВОНЫ

В пору моего детства Рождество не праздновали. И все другие «церковные», как тогда говорили, праздники — тоже. Родители мои были коммунистами, и не такие, что заходят в церковь с партбилетом, а убеждёнными коммунистами-атеистами.

Но была в моей жизни и бабушка — Домна Тимофеевна — глубоко, искренне верующий человек, происхождением из старообрядцев (как их ещё называли — староверов). У бабушки была большая, в потемневшей от времени обложке Библия XVIII века. Бывая у бабушки, я часто открывал её. Книга была на церковно-славянском языке, читал я её с трудом, далеко не всё понимая, но основы веры всё-таки откладывались в сознании.

Отпускали меня к «бабе Домне» крайне неохотно, не только потому, что жила она в посёлке Жуковке — дальнем тогда пригороде Керчи, но прежде всего «по идеологическим» мотивам. Но Рождество было редким исключением. Перед Рождеством «на Жуковке» кололи кабаничку. К самому празднику была готова домашняя колбаса. Перед её восхитительным запахом не могли устоять даже самые стойкие атеисты.

С тех давних пор запах домашней колбасы для меня навсегда — запах Рождества. Как запах мандарин — аромат Нового года.

Однако у бабушки была и своя Рождественская история. Семейное предание. Она часто его рассказывала.

О том, как перед Рождеством тяжело заболел очень маленький мальчик Алёша, врачи от него отказались, надежды не было никакой. И вот бабушка Домна, в последней отчаянной попытке спасти жизнь малыша, отправилась в единственную тогда в Керчи церковь — Афанасьевскую. Пешком. А снега в тот год выпало, — дома на Жуковке по крышу заносило. И мело, и мело... Вот, в самый снегопад и метель, дошла она, и поставила свечку за моё здоровье. Наверное, это помогло, раз я поныне здравствую. В мороз, в метель, от Жуковки до Горки... Керчане, знающие наш город, по достоинству оценят это.

С замиранием сердца я спрашивал: «Как же ты шла, бабушка? Дороги же не видно...» Она скромно и с достоинством отвечала: «Просто... Сначала по дороге, где машины ходят. Ну, а потом уж на Рождественские звоны. Они ведь особенные, ни с чем другим не спутаешь!»

Вот так Рождественские звоны спасли мне жизнь. Так пусть же они не умолкая плывут над городом. И над всей нашей необъятной страной.

НА ПЛЯЖЕ

Разгар лета. Но ранним утром в будний день на пляже тихо и пустынно. Под грибком, греясь в лучах не совсем ещё проснувшегося солнца, сидит, улыбаясь ему, единственная посетительница — очень загорелая крепкая старушка. Временами губы её шевелятся, словно разговаривает она с морем, с большими бакланами, безбоязненно шагающими по песку едва не у самых её ног. Разговор этот слышен лишь ей самой, ещё, может быть, робкой волне, что подкатила поближе, прошелестела едва уловимое ответное приветствие и — снова тишина.

— Мамочка! Море! — вдруг разбудил сонный пляж звонкий детский голосок.

Крохотная девчушка в пышном белом платье одуванчиком, бежит, неуклюже волоча большую яркую надувную черепаху. Светлые кудряшки взлетают под маленькой шляпкой, а глаза, восторженно распахнутые, не отрываются от необъятного простора.

— Люся, сейчас же вернись! — голос мамы добродушно строг.

Сама она в открытом сарафане, с тяжёлой сумкой в руках, с трудом ступает по рыхлому песку босоножками на высоких каблуках.

Особая белизна кожи матери и дочки выказывает в них приезжих издалека. Мама, добравшись на отдалённый пляж с тяжёлой ношей, да с этакой непоседой, немного устала и раздражена.

— Люся, я кому сказала?! Не лезь к воде! — прикрикивает она, расстилая на песке подстилку. Досада её увеличивается: ветер, до сих пор незаметный, откидывает края покрывала, засыпает его мелким песком и сухими травинками. Неизвестно откуда взявшиеся, полетели на ту сторону пролива большие лохматые облака.

Молодая женщина, зябко поёжившись, обернулась к старушке:

— Как думаете, дождя не будут?

— Может, и не будет... — с улыбкой отозвалась та.

— А то, в такую даль, на трёх автобусах, и — зря...

Девочка подбежала к матери, сбросила туфельки, протянула руки:

— Мамочка, сними платье. Мы с Чипой пойдём купаться. Там — рыбки, вот такусенькие! — показала пальчиками.

— Какое купаться?! Ветер вон...

В это время неожиданным порывом подхватило лёгкую игрушку, понесло по берегу, швырнуло на воду.

— Чипа! — отчаянно закричала девчушка и кинулась спасать любимицу. Но ветер, усиливаясь, погнал её дальше, дальше в море. А облака, перелетев пролив, начали сливаться там в одну большую тучу, заслонив солнце. Сразу стало свежо, неуютно. Далеко у горизонта замелькали в пасмурной мгле редкие барашки.

— Да догони ты её! — досадливо сказала старушка.
— Мелко там.

Женщина нерешительно начала снимать сарафан. Маленькая Люся стояла у кромки воды, с безысходностью глядя вслед уплывающей Чипе.

Словно подбадривая, выскочило из-за края тучи солнце. И в этот миг игрушка взлетела высоко над водой, а следом — сверкающий в солнечных лучах столб воды, брызг... Мелькнуло что-то гладкое, чёрное. Рядом — ещё одно... Два дельфина, видимо, привлечённые ярким предметом, подошли очень близко к берегу, начали беззаботно играть с неожиданным подарком. Они выскакивали из воды, плюхались обратно плашмя, вздымая высокие столбы брызг, носились по кругу, подбрасывая игрушку хвостом или головой, и та взлетала вверх, венчая красочным бутоном изумрудный стебель, рассыпающийся тысячами сверкающих капель. Если ветер срывал «бутон» и относил дальше в море, дельфины наперегонки мчались за ним, возвращали на прежнее место, словно нуждаясь в зрителях своего жизнерадостного представления.

Солнце будто тоже включилось в эту игру. То ныряло в налетевшее облако, то выскакивало из него, рассыпая по водной поверхности мириады радужных бликов. А порой выглядывало двумя-тремя лучами из проехи какой-то небесной растрёпы-тучи. Прочерчивая светлые полосы сквозь пасмурность, лучи падали на вздымаемые дельфинами веера брызг, отчего вспыхивали на мгновение изумительные фейерверки, скользили

по взлетающим над водой мощным упругим телам, окрашивая их невероятно сверкающей синевой.

Люся заворожено, сцепив пальчики замочком под подбородком, наблюдала небывалую феерию и тихо шептала:

— Какие рыбки! Мамочка, какие рыбки!

А мама, поняв, что дорогая вещь утеряна безвозвратно, вконец раздосадованная всё более портящейся погодой (туча разрослась в полнеба и нависла уже над пляжем), неожиданно залепила дочке звонкий шлепок.

— Уйди от воды, негодница! Бросила Чипу — теперь её рыбы съедят!

От несправедливости наказания, у малышки брызнули слёзы, но она — вновь сложила ладошки умоляюще:

— Мамочка! Пусть рыбки поиграют! Какие рыбки!

— Зачем вы так? — осуждающе заметила старушка.

— Девочка же, наверное, впервые такое видит...

— Прямо, впервые! Сто раз по телевизору видела! Люся, уйди от воды!

Рядом, заскрипев по песку, проехал велосипед. Молодой мужчина, спрыгнув с седла, добродушно усмехнулся, оценив ситуацию. Скинув футболку и брюки, разбежался и бросился в воду, мелькнув смуглым телом и совсем незагорелыми ногами. Вынырнул он невдалеке от играющих дельфинов. Те остановили игру, выставили из воды весёлые морды и, словно перемигнувшись, разом скрылись, оставив черепаху. Ещё какое-то время мелькали вдоль берега два чёрных плавника, взлетали от ударов мощных хвостов брызги.

Мужчина, поймав игрушку, возвращался к берегу. Строгая мама, сурово поджав губы на миловидном лице, надела сарафан и запихивала в сумку кое-как сложенное покрывало.

— Надевай туфли, поедem! — покрикивала на дочь.
— Отдохнули, называется!

Дождь хлынул внезапно. Едва поблагодарив спасителя Чипы, женщина подхватила сумку и, увлекая за руку заплаканную, но счастливую увиденным Люсю, неуклюже побежала в сторону остановки.

— Какие рыбки были! Да, мамочка? — доносился звонкий голосок.

— Быстрее давай! Какие рыбки?! Обыкновенные дельфины...

— Дельфины?! — в восторженном изумлении, девчушка приостановилась. — Правда?! Дельфины?!

Но мама лишь раздражённо дёрнула её за руку: подходил автобус.

ГОРОД ДВУХ МОРЕЙ

Ни в какой дали
Нет земли родней.
Помнят корабли
Город двух морей.

Там волной кружит
Голубой пролив
И в душе звенит
Керченский мотив.

Там гряда холмов
В ковылях седых,
Шёпот жарких слов,
Свет очей родных.

Пусть причал иной
Морем звал огней,
Я вернусь домой,
В город двух морей,

Где Огонь Святой
Синеву прожёт
И цветок простой
К Обелиску лёг,

Верю, ждёт меня
Из морей иных,
Ласково маня,
Свет очей родных.

Чайка на крыле
Принесёт ответ —
Город двух морей
Помню или нет.

Пусть причал иной
Морем звал огней, —
Я вернусь домой
И к любви своей.

В сердце моряка
Каждый час и миг
Светом маяка —
Свет очей родных.

КЕРЧЕНСКИЙ МОТИВ

Всю землю искренне люблю,
Я верный сын планеты всей.
Но в сердце бережно храню
Родной причал у двух морей.

Пусть ветрено в моём краю,
Вода в колодцах здесь горчит,
Сто раз судьбу благодарю
За то, что родился в Керчи.

За то, что славный Митридат
Навечно в сердце у меня
Соединил Деметры взгляд
И отблеск Вечного Огня.

Что щедрых есть путин пора —
Отрада стойким рыбакам,
Когда с уловом сейнера
Плывут как знакомым берегам.

Что даль и ширь степных равнин
И в волнах пенистых пролив
В душе сливаются в один,
Родной мне, керченский мотив.

АКАЦИИ

Знакомая веранда,
Знакомый палисад.
За низкою оградой
Акации шумят.

Шумят о днях, что были
И в памяти живут,
Пусть те, кого любили,
Обратно не придут.

Не веруя в приметы,
Жизнь стоит продолжать,
Улыбкою отметив
Земную благодать.

ПОДЪЕЗД

Гулкость старого подъезда
Меня снова оглушила.
Здесь с великою надеждой
Моё детство в жизнь входило.

Здесь же та, что всех милее,
«Нет» сказала мне, прощаясь.
Здесь же, сердцем холодея,
Встречу я спокойно старость,

Как встречал спокойно беды,
Светом рифмы озарённый.
И сюда за мной приедут
Из конторы похоронной.

На ступеньках спотыкаясь,
Гроб мой вынесут из дому,
Спьяну матерно ругаясь,
Что малы дверей проёмы.

ЗАКОН СЕРДЦА

Не люблю я закона бездушную нить,
Кандалов ненавистен мне звон.
Но, уж если закону себя подчинить,
Я б придумал для сердца закон.

И хотел бы я сердцу навек повелеть
Затвердить, как азы, этот стих:
«Запрещаю тебе своей болью болеть,
Забывая о боли других!»

ЗВЕЗДОПАД

В тишине ночного сада
Звёзды падают в траву.
Август — месяц звездопада.
Вижу сказку наяву.

Человек стремится к чуду,
Пусть лишь несколько минут,
Всё равно стоять я буду
Там, где звёзды упадут.

И печалиться не надо,
Что короток жизни путь.
Есть щемящая отрада —
Как звезда, в ночи сверкнуть.

ДРУЗЬЯМ

Моя родина — не вонючий
От кошачьей мочи подъезд.
Моя родина — низкие тучи
И высокие травы окрест.

Не ищите моей могилы
Среди тысяч других могил:
Напоследок мне хватит силы
Для полёта звенящих крыл.

Обо мне не ищите прилежно
Пару строчек в календаре.
Просто я растворюсь, так нежно,
В тучах, в травах, в морях, в заре...

* * *

Кто-то копит деньги, кто-то — Славу.
Кто-то Властью упивается, как водкой.
Кто-то, разорив супердержаву,
Надрывает в злом экстазе глотку.

Я же Лирой жизнь простую славлю,
Не печалюсь участью своей.
Буду очень счастлив, коль оставлю
Просто пару строчек для друзей.

И, придя на траурную тризну,
Скажут обо мне мои друзья:
«Он любил Россию, как Отчизну,
Женщину и радость бытия».

* * *

Белое чудо — морозная ночь,
Звонко-прозрачен снежинок полёт.
Тихо мгновенья уносятся прочь.
Так вот и жизнь незаметно пройдёт.

Что ж, не ропщу. Что там ждёт, впереди? —
Ненависть друга иль милость врага?
Серые часто мелькают дожди.
Изредка белые блещут снега.

В том, что случилось — других не виню.
Рядом — любовь. Она сможет помочь.
Жизнь коротка. Оттого и ценю
Белое чудо — морозную ночь.

ВОЛОШИНУ

Большой затворник Коктебеля,
По воле чудотворных сил,
Полёт стиха и акварели
Легко в себе соединил
С огромной смелостью прекрасной,
Когда повсюду льётся кровь,
Быть ни за «белых», ни за «красных»,
Но за Мечту и за Любовь.

Жил человек у моря,
как на пристани.

Любил всегда, до хруста в позвонке.
Над ним смеялись за глаза:

Пушкининоведов без него — толпа.
Ведь не в Москве же это и не в Питере.
В Керчи такая преданность — глупа.

В Керчи и Пушкин был всего проездом-то.
Зачем же донкихотская борьба?
Да и судьба подвижника уездного —
Не слишком-то завидная судьба».
И умер человек. Судьба-пророчица
Поставила суровую печать.
Всё кончилось.

Но почему-то хочется
Ему сейчас, как существу, сказать:
— «Василь Семёныч!
Никому не верьте Вы!
Без вас...

да мы бы померли с тоски!
Земля, быть может,
потому и вертится,
Что в мире есть такие чудачки».

БОДЛЕРУ

*У тупой матросни есть дурная забава
Альбатросов ловить.....*

*О, Поэт! Ты царишь в синеве небосвода,
Неподвластный ветрам, непреклонный в борьбе,
Но ходить по земле средь двуногого сброда
Два огромных крыла не позволят тебе.*

*(Шарль Бодлер «Альбатрос»
перевод Вадима Алексеева)*

Что ж, талант у Бодлера повыше утёсов:
Так легко и свободно парит над землёй.
Но зачем всех поэтов он взял в альбатросы,
Остальных оставляя тупой матроснёй?

Ведь поэт тоже грешен! не надо вопросов,
Не спешите, друзья, бросить камень в меня.
За столом очень часто мы все — альбатросы,
А по жизни, скорее всего — матросня!

Ох, и сам я порой зарываюсь без меры.
Да и с тем, с кем бы надо, дружить не могу.
Но святое пророчество Шарля Бодлера
Ощуцаю буквально на каждом шагу.

Не за тем, чтоб кичиться страданьем при этом,
Или в бедах своих всех людей обвинить.
Просто Бог дал мне счастье быть в мире Поэтом,
Отнимая, за малым, возможность ходить.

Как никто, понимаю я Шарля Бодлера:
Я хожу, спотыкаясь, такие дела...
И со мною навечно, как символы веры,
Мои верные трости — мои два крыла.

Т а т о я н а

Л е в ч е н к о

ЗАЧЕМ СПАСАТЬ ЧУЖИЕ МИРЫ

Прожить на пенсию инвалида, даже на две пенсии двух инвалидов в постсоветской «незалежной» державе — понятие из разряда фантастики.

И я делаю сувениры из ракушек. В последнее время большой популярностью пользуются всевозможные парусники, вот я и делаю парусники. Делаю и делаю... Делаю и делаю... делаю и де...

После определённого количества готовых экземпляров я, сначала тихо, потом всё громче, всё выразительнее, начинаю их ненавидеть. Когда хочется сгрести их в кучу и выбросить за окно, — я объявляю перерыв и убегаю с кухни от греха подальше.

В комнате Лёшка висит на телефоне. Я бреду к нему, конечно же, спотыкаясь о прислонённые к креслу трости. Я всегда о них спотыкаюсь. Я всё время о них забываю. Забываю о коляске, о рычаги которой постоянно стучаюсь, проходя мимо. Я забываю, что Лёшка инвалид.

Он мой муж. Он индивид. Он интеллектуал и опора семьи. При чём же здесь какие-то трости и коляска?!

— Отдохнуть... — бормочу, и...

...Больше всего это похоже на состояние глубокого опьянения. Вот, только что нормально, совершенно свободно несла очень разумную околёсицу, и вдруг, — причём ведь в абсолютном сознании, ещё даже фиксируя это как бы со стороны! — в одно мгновение, начинаешь падать в глубокую-преглубокую пропасть (?) бездну (?)... Тьму, короче говоря.

У этой пропасти-тьмы оказывается, если не дно, то ощущение натяжения строп. Падение прекращается

именно таким упругим толчком. Поскольку тверди никакой не наблюдается, топтаться растерянно на месте я не могу, потому тупо сучу ногами в пустоте, понимая — отчётливо и ясно! — насколько нелепо и глупо выгляжу со стороны. Я смущённо фыркаю и неожиданно обретаю какую-то твердь под ногами.

Весьма даже неровную твердь. Ибо при осторожном прощупывании босой ступнёй — мелкие и покрупнее камешки (но не гравий, совсем не гравий...) покрывают не россыпью, а скорее осыпью довольно твёрдую основу тропы — не тропы, дороги — не дороги... а поскольку спустя миг появилось отчётливое ощущение пространства замкнутого — примем определение «на полу». На основательно холодном, но сухом: пыль так же ощущалась, учитывая, из какого пекла я сюда провалилась, — почти блаженной прохладой проникая меж пальцев стопы. Мельком отметила, что не теряю памяти и ориентации.

Тем временем тьма начала медленно сереть, отступая к дальним закоулкам открывающегося видимого пространства, и оное для меня явно ассоциировалось с каменоломнями. Да, да, именно с ними, с легендарными... Тем не менее — и похоже не было. Ни копоты, ни затхлости... Одна только странная уверенность, что место именно то...

А свет всё набирал силу, и видно уже стало хорошо, что коридор штольни уходит далеко в оба конца от места моего в нём явления. Но если в одном конце он опять сгущался в сумрак, по мере отдаления, то с другой, где угадывался какой-то поворот, оттуда, из-за поворота, будто двигался на малой скорости автомобиль с включёнными фарами, а скорей — поезд с прожектором «во лбу» — свет постепенно нарастал, набирал силу.

Я усмехнулась про себя такому наивному «завлечению»... Вот возьму и пойду в противоположную сторону! Но прекрасно понимала, что тьма и даже сумрак мне успели за эти мгновения изрядно поднадоесть, а там, куда влечёт — возможно, ожидает что-то интересное. Я обула слетевшие в падении шлёпки и повернулась в сторону «таинственного поворота». Внезапное лёгкое шевеление ближнего пространства меня ничуть не удивило.

— Ну, что, начнём выбирать? — спросила я Лёшку, появившегося рядом.

Немного настораживало, что он без тростей. Похоже, предстоит хорошенькое приключение, раз уж Лёшка ходячий...

— И ты знаешь — как? — недоверчиво спросил он.

— Понятия не имею! Но — надо.

Перепрыгивая через камни, Лёшка подошёл ко мне. На нём джинсы и, завязанная узлом на животе, клетчатая рубашка с закатанными рукавами. У ходячего, ноги у него нормальной длины, и поэтому он оказывается выше меня.

— Ну так пошли, раз ты всё знаешь, — подталкивает он меня, приобняв за талию.

Я — в своей любимой «тигре» — балахонистое лёгкое платье до пят гепардовой расцветки, в шлёпках, шляпе. Как обычно. Всё, как обычно.

Мы быстрым шагом идём туда, где предполагается источник света. Но он только предполагается. Источника никакого нет. Свет всё время ровно-сумеречный, ниоткуда.

Коридор за поворотом расширяется и уходит ввысь, в нём имеется какое-то строение, напоминающее склеп-часовню: вход оформлен аркой древней кладки, куда позже, значительно позже, но на данный отрезок времени, невероятно давно, вставлена деревянная дверь.

Скрипучая, перекошенная, на зелёных от малахитового налёта широких медных петлях. Скрипят не петли — они тихи, как после хорошей смазки, — скрипит сама дверь расшатанными трухлявыми досками.

Мы заходим внутрь. И не знаю, почему, внезапно быстро я дверь захлопываю, лихорадочно, в наступившей полной тьме, шарю по ней в поисках засова. Нащупываю крюк, но вместо петли для него — в стене трухлявая дырка.

— Ты чего испугалась? — удивляется Лёшка.

Ответ приходит не от меня. Дверь резко распахивается и на пороге, в потоке яркого света, слишком яркого после сумрака коридора и тьмы часовни, — явление потустороннее. Подросток-ангел! Но, слава Богу — без всяких излишеств типа крылышек. Лённые кудри до пояса лучатся! Кожа лица, обнажённых выше локтей рук и — выше колен ног — белейшая, светится! Надета на нём рубаха — помесь апашонки, косоворотки и туники, подпоясанная узким ремешком, плетёным из чёрных и красных полосок кожи. На ногах сандалии с оплёткой. Нет, не греческие. Какие-то другие.

Огромные серые глаза ангела сверкают праведным гневом, в занесённой правой руке ещё убедительней сверкает короткий меч. Воинственный клич звонкого чистого голоса раздаётся и... осекается. Воин, не растерянно, но явно столкнувшись с невиданным, завершает крик спокойным голосом:

— Вот он!.. Они... Кто это?

Вопрос не риторический, но и не к нам.

Мы с Лёшкой, взявшись за руки, только собрались рвануть подальше, отпихнув юного воителя, остановились, с любопытством его разглядывая. Рядом с ним в проёме появляется не менее колоритная, с такими же кудрями, в таком же наряде и с мечом, но опущенным, высокая девушка. Ангелеса так сказать. В её взгляде ни

интереса, ни любопытства, ни разочарования. Глянула, опустила всё ещё занесённую руку собрата по оружию, и они исчезли. Как их выключили. Яркий свет, правда, остался.

— Вот новости! — бросил Лёшка и, по-прежнему держа меня за руку, повёл из часовни в этот свет.

Вышли.

Холмистая местность, не сказать, что бескрайняя, так как край очерчен с одной стороны более высокими холмами, с другой — относительно далеко — морем, с третьей — ещё дальше — очень тёмным густым лесом. В четвертую сторону посмотреть не успели: от точки пересечения холмов и леса показался летательный аппарат. Нечто с короткими округлыми крылышками, летящее довольно быстро и почти бесшумно.

Это нечто приземлилось в двух шагах от нас, и следующие минут пять мы оба представляли из себя великолепную парную статую, выражающую эмоции только сжатием друг другу так и неразомкнутых ладоней.

Аппарат был размером с мою шляпу. Только не круглый, а почти как самолёт, но без хвоста. И кабинка, как у самолёта, между крылышек. Верх её, прозрачный, отъехал назад, уйдя в паз. И на землю юрко соскочила белая крыса. Натуральная: с мордочкой, шерстью и длинным голым розовато-серым хвостом. Без задержки, крыса превратилась в двойника давешнего ангела-воителя, но без меча и размеров своих не меняя. Кроха ангелочек деловито открыл люк под крылом аппарата, вытащил оттуда что-то похожее на синий чехол с палаткой, бросил к нашим ногам. Предмет развернулся, превратился в прямоугольную платформу примерно вдвое больше «самолётика», после чего, незаметно подросший

до нужных размеров, ангелочек крылышки у «самолётика» сложил, как веер, и получившийся бочонок вложил в люк в полу платформы, один край которой оказался выгнут наружу дугой, с высоким — ангелочку до подбородка — бортиком. Вдоль бортика выросли из пола три прозрачных кресла.

Существо сделало нам приглашающий жест. Мы разом переглянулись, откровенно обалдело хлопая ресницами.

— Пошли? — неуверенно спросила я.

— Жалко, — протянул Лёшка, развязывая узел рубашки и заправляя её в джинсы. — Правда, если твоя «тигра» сыграет роль паруса... Да ведь сесть может только кто-то один... — он недоверчиво коснулся носком кроссовки платформочки.

В следующий миг мы, уже зарёкшись удивляться, поднимались по лесенке на высоту метров пяти.

Платформа была размером с четверть футбольного поля. Из ограждения — только тот самый бортик по переднему краю. В нём, против среднего кресла, предполагается — панель управления.

Поскольку пилот (уже вполне нормальных и отнюдь не подростковых размеров) имелся, мы молча заняли места в боковых креслах. При этом Лёшка у себя что-то зацепил, — кнопку или рычажок? — и его кресло проехало чуть вперёд, в образовавшуюся тут же выемку в бортике. Поэтому я, садясь, была очень осторожна. Поправила подол и шляпу, сожалея, что без заколок та улетит в момент, а солнце уже высоко.

Оглянулась посмотреть, далеко ли её унесёт, и увидела, что в центре платформы открылся люк, изнутри поднялась вверх девушка. Не давешняя ангелеса, а совсем другая. Даже слишком другая. Тёмные волосы модно подстрижены: причёска густая, чёлка в пол-лица, прядки на шее. Чёрные, матово отблескивающие брюки,

изящные босоножки из серебристых ремешков, серебристая блузка с открытым воротом, забранная в брюки, под серебристо-чёрный поясok. Гармония — не приведи Господи!

Девушка молча махнула ангелочку, тот подбежал к краю платформы и легко спрыгнул, ещё в прыжке превратился обратно в крысу, и крыса, как ей и полагается, улепетнула куда подальше.

Пока наш новый пилот располагалась за пультом, включая на нём всевозможные подразумеваемые кнопки (это теперь я знаю про сенсорный экран и всё такое прочее...), я задержалась взглядом на прежде нами не увиденной «четвёртой стороне» окружающего пространства. Что-то до невозможности знакомое и неуловимо родное было в этом странном, никогда не виденном пейзаже. Там, из простирающегося до горизонта густого тёмного леса бугристым зеленовато-серым языком выползала длинная скалистая гряда. Так и казалось, что язык этот должен зачерпнуть пологой окончечностью своей воду моря... Но нет, на окончечности был крутой обрыв. Даже с нарастанием некоторой высоты гряды перед обрывом. Словно язык не воду пить полз, а толкал к морю нечто, — так и застыл вместе с этим, не в силах столкнуть в море и вернуться обратно в леса. А море, будто навстречу непонятному дару, вытянуло свой язык, далеко вдающийся в сушу вдоль всей гряды, синей ленточкой в бликах невидимого солнца уходя в тот же лес.

Откинувшись, за креслом пилота, я тронула за рукав Лёшку:

— Глянь, какой поцелуй!

Он всмотрелся.

— А город-то где? — спросил чуточку растерянно.

Но в следующий миг вопрос стал не только риторическим, но вовсе даже не актуальным: мы полетели.

Сложно, впрочем, назвать полётом то, что свершилось. Это когда на несусветной скорости проносится за окном (простите, за бортом) окружающее пространство, а у тебя, на открытой всем ветрам платформе, не то что шляпа неприколота не улетела, но ни один волосок не шевельнулся, ни на йоту дуновение ветерка не коснулось лица. Сразу же вспомнилась невыносимая жара и подтекающий из пистолета расплавленный силикон, ожидающие в другой реальности... так что, понятно — почему я решила всё же задержаться здесь, призвав на подмогу из глубин памяти Серого Рыцаря, с усмешкой решила ощущать себя лариссой, путешествующей на персональной вимане. Ну, или пусть лариссой будет это экстравагантное создание за пультом...

Создание тем временем завершило все манипуляции, результатом коих стали не только вышеуказанный полёт, но и появившиеся из пазов бортика напротив наших кресел столики с, видимо, угощением. Поскольку сложно назвать вазой или блюдом растущее из столика миниатюрное деревце белесоватого оттенка силикона застывшего, в пышной кроне которого веточки были усеяны, без всяких излишеств типа листьев, самыми разнообразными плодами, будь то яблоки с грушами, малина с клубникой или бананы с ананасами — все они на веточках были одного, соответственного, размера, и того же белесоватого оттенка, что и само деревце.

Ларисса приглашающе показала нам на эти плоды и, словно подавая пример, первая сорвала со своего деревца пару яблочек и бананчик. Обычно осторожный со всем незнакомым, Лёшка, как ни странно, примеру этому тут же последовал, выбрав себе миниатюрные грушки, ввиду их миниатюрности, собрав разом весь их урожай со сво-

его деревца. Что, впрочем, никак не сказалось на псевдорастеньице: немедленно на месте сорванных проклюнулись и без всяких там почек-цветочков-завязей выросли новые плоды.

— Это ещё что?! — наверное, мой вопрос прозвучал чересчур уж для тонкой техники сурово. Потому что моё деревце едва успело скрыться в предназначенной для него нише где-то в недрах столика, панически быстро скрывшегося бесследно в бортике-панели.

Тем не менее, вопрос касался не его и плодов, а пейзажа, вдруг отчётливо проявившегося из былой пёстрой ленты, какую выдаёт скоростной полёт. Всё, что мелькало за бортом, — дерево... три дерева... группа деревьев... старинный замок... И вновь: дерево... три дерева... группа деревьев... старинный замок...

И вновь...

И опять...

И... Пейзаж этот стал, кроме всего прочего, каким-то односторонним: ни впереди, или позади виманы, ни с другого боку — не было не то что деревца или пёстрой ленты, — ничего. То есть, вообще ничего. Как это ещё описать можно? Ведь обычно «ничего» описывают полной тьмой или чем-то, её замещающим... как пример — «на бесконечной водной глади не было ничего — ни паруса, ни лодки, ни пера пролетевшей где-то в вышине птицы...». В «ничего» космического пространства попадают отблески и блики безумно отдалённых от наблюдателя звёзд и галактик... та же тьма там присутствует почти в полной мере... Здесь же...

Потом, спустя несколько лет, я, наконец, осмыслила это и постаралась всё же описать в странном стихотворении:

В мире большом никому совершенно не нужен,

Как несомненный морально-убогий урод,
Я, что-то выгладив, выглянуть вышел наружу.
А там — ничего...
Ну, совсем ничего!
Вот такой оборот...

Может, ослеп я, оглох, потерял обонянье? —
Белая мгла и — ни звука, ни запаха нет.
Может, пока предавался пустым изысканьям,
Здесь, без меня, завершил бытие Белый Свет?

Твердь под ногами упруга, как сетка батута.
Что ж, оттолкнусь и взлечу — посмотрю с высоты...
Ввысь-то взлетел. И на землю вернулся как будто...
И всё равно — ничего! Кроме Мглы Пустоты.

Так ничего не поняв, и уже не пытаюсь
Вникнуть: где я — в глупом сне, или же наяву? —
Сумрачной тенью по мглистому нечто скитаюсь.
Вроде живу... А, быть может, уже не живу...
Мир мой теперь разделён на «возможно» и «как бы»:
Что нарисую себе — то и будет вокруг.
Дали б фломастеры...
Я без конца рисовал бы —
Синее море...

Звёздное небо...

И... солнечный круг...

Но это лирическое отступление. А пока Лёшка,
словно не замечая вовсе несурaziцы открывшегося ка-
зуса, удивлённо воскликнул:

— Да ведь это Марио! Игра «Марио». Не узнаёшь?

И, успев забросить в рот последнюю остававшуюся
у него в ладони грушку, — исчез... выключился, как и
давешние подземные ангелочки.

Ну, это уж слишком! Я резко обернулась в сторону лариссы, завершающей очередной пробег по кнопкам пульта тоненькими пальчиками с неожиданно нормальным маникюром, от которого в наше время уже, похоже, все успели отвыкнуть — просто аккуратно подстрижены и ухожены ногти.

— Куда ты его дела?!

Девушка, легкомысленно отмахнувшись, что-то прошептала на невесть каком языке. Нет, я конечно понимаю, что языки мне не известны, звучание их я даже вообразить себе не могу, но это был явно уж даже не человеческий язык: люди неспособны выдавать такие сверхскоростные тирады-рулады, просто анатомия не позволяет. Это ведь не бесконечные гласные иных африканских народностей, щебет звучал довольно жёстко, сообщая о наличии немалого числа согласных.

— А если по-русски? — предложила я. На что получила короткий, какой-то судорожный кивок.

— Мешает... — выдавила она заторможенно, а дальше вновь сорвалась на стрекотанье, но, слава Богу, уже явно действительно по-русски, потому значительно медленней. Понять, однако, всё равно было невозможно, я потрясла отрицательно головой, но в следующий миг словно щёлкнул переключатель: моё восприятие скоростной речи непонятным образом выровнялось с её произношением. И сразу стало, будто так и было...

И всё же, что она старалась объяснить, явно путаясь в оборотах, я понимала с пятого на десятое.

Малдики... как — что такое малдики?! Малдики делают все... это всем понятно... Ладно, отбросим эти «малдики»... где...

И взгляд метнулся вслед неуверенной её указке рукой.

Он... так не может быть... так не должно быть... это неправильно... малдики не может...

— Значит не малдики, — рассмеялась я, наблюдая, как смешно выглядит Лёшка, нормального роста и нормального изображения, рядом с Марио из «Дэнди» на старте игры. Заиграла знакомая простенькая мелодия, и оба отправились в своё игровое путешествие. При этом Лёшка помахал мне рукой, значит, он так же меня видит.

Я передохнула с облегчением. Ну, что ж, теперь можно и познакомиться...

Как будто я этого вслух не произносила. Тем не менее, девушка, уравнивая последними манипуляциями на пульте скорость виманы со скоростью игры, так, что Лёшка вместе со своим напарником всё время оставался у меня на виду, развернулась ко мне вместе с креслом, протянула узкую маленькую ладошку:

— Деза. Меня зовут Деза.

Я усмехнулась:

— Это от «дезинформация»? И о чём ты мне заливать собираешься?

Насчёт «заливать» она, похоже, не была в курсе. Вполне серьёзно поправила:

— Нет, от «Дездемона». Так мой последний прототип назывался.

— Та самая Дездемона? — улыбнулась я и шутливо заозиралась: — а мавр где?

— Не «та самая», — просто имя использовано. Это было...

— ...малдики?

— Нет, что ты. Малдики, — это наше. Люди не умеют. Кино такое было. Ты не знаешь. Для тебя оно «будет»...

Я зевнула и оглянулась на Лёшку. Проворчала:

— Если мешает, — зачем вообще его сюда тащила? Игрушки играть?

Девушка растерянно развела руками.

— Вы вместе всё время. На фото в сетях. И без него не получалось: ты не шла.

— Что-то не припомню... В каких ещё сетях?

— У нас, в Инете...

— А это ещё с чем едят?

— Ну... Интернет...

— Стоп! Какие сети, какой Интернет... Я о нём и не думаю — дай Бог компьютер освоить. Не хватало мне девочек из «Матрицы»...

Она фыркнула.

— «Матрица» — фантастика чистой воды, глупости! Наш мир не такой. Просто начался в Инете.

— В любом случае — у меня подключения нет и не предвидится. Так что, никаких фото ни в каких сетях нет. И уж тем более, я ни в жисть не сделаю снимка в «тигре».

Она критически на меня покосилась и кивнула:

— В «тигре» нет. Там другое. — И тень сомнения скользнула по мелькнувшим под длиннющей чёлкой глазам. — ...Ведь не должно так...

Лёшка с Марио перешли уже на новый уровень.

Не должно так... Перебор фантастики начинал надоедать. Я вспомнила об ожидающих на кухне корабликах, о том, что Лёшка в реале ещё не обедал...

...Я запихнула использованные разовые тарелочки в мусорный пакет и вновь включила пистолет. ...Жара не спадает. Ёлка, белая крыса с чёрной головой и чёрной же «ёлочкой» вдоль спинки, растянулась во всю длину по диагонали аквариума и хекает.

Я клеиваю мачты в заготовленные корпуса корабликов, время от времени нащупывая ногой Мишку под столом: пока он там — никто мне на спину внезапно не запрыгнет: на голую спину с острейшими котёночьими

когтями и душнойшей длиннющей шерстью! Лицо всё время потеет, очки то и дело норовят сползти не то что на кончик носа — вовсе с лица. Я часто обдуваюсь, выпятив нижнюю губу, но, когда начинает капать с подбородка — хватаю полотенце, утираюсь и, вернув оптику на надлежащее место, обмазываю кипящим силиконом очередную мачту. Вот так...

...Вот так номер! Я почти с интересом проследила за полётом сорвавшейся с ноги шлёпки. Я сидела уже не за кухонным столом, а на краю знакомой платформы-вишманы, недвижно застывшей рядом с замершей игрой, где Марио нелепо завис в пространстве, не завершив прыжка через очередное препятствие.

Деза сидела рядом, так же свесив ноги (своих шикарных босоножек, тем не менее, не роняя), спрятав лицо не только за свесившийся ещё ниже чёлкой, но и вжимая его в горестную горстку ладошек, между пальцев, на полном серьёзе, протекали целые ручьи горючих слёз.

— Что значит, «не знаю»?! — свирепо отчитывал её Лёшка, нервно расхаживая у нас за спиной. — Как это не понимаешь, если ты всем тут... — он запнулся и в хождении, и в словах, внезапно увидев меня рядом. Но лишь на мгновение. — Ты где была?! — Накинулся теперь на меня. — Эта... ничего толком ни объяснить, ни рассказать не может...

Я передёрнула плечами и в свою очередь налетела на Дезу:

— Ты sdурела?! У меня пистолет включённый в руках, кот под ногами... Какие сны, какие фантастики?!

— Какие сны?! — она была искренне ошарашена. Даже реветь перестала, вынув лицо из озерца слёз в горстке. — Малдики... не сон...

— Слушай, отвяжись со своими малдиками! — резко отмахнулась я. У меня это сон. И в реале я сейчас сижу на кухне за столом, делаю кораблики.

— Малдики не склоняется... — машинально поправила Деза и глаза её ещё больше округлились. — Сон?.. Реал?.. Ты... — и вдруг резко подскочила, с диким таким, абсолютно киношно-мультяшным ликованием: — Вау! Ты сама пришла! Сама! А они не верили... говорили — не бывает...

— Стоп! — рванулась я удержать её в прыжках на самом краешке виманы: свалиться с пятиметровой высоты, думаю, мало не покажется.

Но виманы уже не было. Теперь я сидела, а она прыгала просто на траве. Словно никуда и не улетали. По сторонам горизонта опять проявились холмы, лес, море и скалистый язык, выползающий из леса. Да, города не хватало явно... Киммерия в своей первозданности.

— Нет, ещё не Киммерия... — помотала головой Деза. Я смирилась, что чтение мыслей здесь в порядке вещей. — Киммерийцев сюда принесёт только через пять лет.

— Как — «принесёт»?!

— Потом... всё расскажу потом... Пойдём... — девушка ухватила меня за руку, пытаясь поднять с земли. Ага, щас... Я высвободила руку, поднялась сама. Игра, конечно, исчезла, но исчез и Лёшка. — Я всё расскажу... — мгновенно отреагировала на мой свирепеющий взгляд ларисса. — Всё расскажу... только пойдём...

— Нет, дорогая, никуда я сейчас с тобой не пойду. У меня работа стоит, ужин не приготовлен. Потерпишь до ночи: надо будет, — приснишься...

Я почти злорадно улыбнулась и тут же вздохнула облегчённо, обнаружив приклеенную в нужном месте мачту и предусмотрительно отложенный на подставку

пистолет. Ай да умница, даже пребывая в иной реальности, сумела обеспечить технику безопасности...

... Пребывая, значит, в иной реальности...

Это, что ли, она хотела сказать, вопя своё «вау»? То есть, не её запредельные вуду-малдики, не мой сон, а просто путешествие по разным реальностям? Интересно...

...Таких городов не бывает. Ни на свете, ни в самых крутых голливудских поделках. Просто даже им не взбрѣдет в голову создавать здания не только с нарушениями пропорций, законов тяготения, но чтоб ещё всё это непрерывно струилось, видоизменялось, плыло — то маревом, то банальной рекой, или туманом... И при всѣм при этом будучи невыразимо, до глупых сентиментальных слѣз пре-красным, дивным, волшебным... и ещё чуть-чуть жалко, что сюда Лѣшку не притащишь, вообще никого, с кем бы вместе взахлѣб насмотреться-налюбоваться, а потом долго и часто пересказывать друг другу каждый нюанс, обнаруживая, что вот это ты упустила, а это он не заметил, снова и снова переживать этот экста-тический восторг... Увиденное в одиночку — оно скоро забудется, как забываются практически все, даже самые прекрасные, сны и грѣзы.

Но сейчас я отчѣтливо осознавала, что это никакой не сон. Я просто не успела уснуть, я ещё додумывала, что скажу Дезе, если она действительно приснится, я ещё отчитывалась перед Лѣшкой о проделанной за день работе, а город уже появился, уже струился перед глазами всеми формами и красками, всеми жителями своими — вполне человеческого облика, и даже с кошками и собаками, вполне реального вида, никаких там шестипалов и десятирылов... И птицы в кронах деревьев и под облаками — тоже вполне нормальные... И только нигде на улицах ни единой трубы, ни единого провода — а свет в

проплывающих окнах есть, экраны, рекламные, или просто информационные, в воздухе висят там и сям... Ну, тогда я не знаю, как здесь энергия передаётся!

— Ей не нужно передаваться, ведь она сама основа всего, что ты видишь здесь, — пояснил незнакомый голос откуда-то из-за плеча. Слава Богу, из-за правого... впопору вставлять подмигивающий смайлик.

За плечами у меня, — я же в полном сознании и совсем не сплю! — подушка. Потому никуда оглядываться я не стала. Просто пространство самостоятельно повернулось вокруг меня, как вокруг оси, и обладатель голоса теперь оказался перед лицом.

Мне зажмуриться? Да нет... десятка не робкого. Я смотрела на человека в окружении поистине сонма ангелов-воителей, дивясь, как его вообще за ними видно и отмечая, что, похоже не мне одной град сей невиданный открылся, если внезапно расплозлось явление это по всем сталкерадам: то ли так многие его описать решили в меру собственного видения проблемы, то ли он сразу же, подобно роботу и бластеру, стал неотъемлемым атрибутом этого подраздела фантастики.

Но мне, похоже, о сталкерах не писать. Ибо Контролёра я в этом человеке не увидела. Скорее мелькнула ассоциация с повреждённой живой тканью, окружённой массой лейкоцитов, самоотверженно бросающихся к самым опасным воспалённым точкам, погибая в них, либо, отделив отмирающие кусочки, унося подальше от страждущего. Места погибших или удалившихся непрерывно восполняются новыми...

— В данном случае точнее будет и по сути дела так и является — повреждённый вирусом файл, который пытаются спасти эти микрофайлы-ангелы, — улыбнулся человек, весь буквально испещрённый глубокими язвами,

порой — даже сквозными отверстиями по всему туловищу. Смотреть на это было довольно муторно. Муторили даже не сами отверстия, а то, что их поверхности — ничего общего с человеческим телом не имеющие, жили своей какой-то отдельной жизнью, — как и всё здесь, — тоже плыли, струились, ползли, текли... Нет, не гноем и не плотью разлагающейся и даже не теми зелёными единичками с нулями, что так любят использовать киношники, пытаюсь показать мир виртуальный. Нет, это была просто энергия, и цвета не белёсого и не розового, и не зелёного — разнообразные оттенки янтарно-медового, живого, тёплого. Вот оттого и муторно было, что живого... Только голова человека оставалась нетронутой этой непонятной болезнью. Нет, не болезнью, хоть и название то же — вирус...

— Профессор... простите... я должна была Вам представить... — Вот, наконец, и Деза и объявилась, невероятно почтительная, тихая, скромная, чёлочку свою немыслимую строгой заколкой подобрала, брюки с блузкой на серебристое платье-миди сменила, тем не менее, всё так же неотразима.

— Спасибо, Дейзи, — улыбнулся профессор ей, — мы уже познакомились. Ты оказалась совершенно права: именно она... — И повернулся ко мне, — Вы уж простите, удалюсь к себе. Дейзи Вам всё покажет и объяснит.

Удалился он вместе со своей многочисленной свитой, как здесь и принято — просто исчезнув. И непонятно, куда же это смотрела Деза «вслед», вздохнув осторожно, с коротким судорожным полувсхлипом.

— Гениальнейший учёный! — пояснила мне свой восторг. — Это он изобрёл способ и заставил работать малдики — люди так много создают и забывают пустых фай-лов... А у нас они работают на защиту.

— Ну, да, как обычно, — кивнула я, — крысы за всё отвечают...

— Ты их видишь крысами?! — неожиданно весело рассмеялась девушка.

— Или ангелочками разных размеров.

— Ну, ангелочки — это уже преобразованные. А изначально, для нас, они — полые сферы, этакие пузырьки, которые можно заполнить любым содержимым. А ты почему-то крыс видишь! — И снова засмеялась, но быстро смех оборвала. — У нас не очень много времени, раз ты в любой момент можешь уйти. Смотри, запомни. Ты должна всё это написать.

Смотрела я и без её указок во все глаза. И теперь отметила, что в городе тоже не всё в порядке: среди всеобщего движения, дрожания, проявления-исчезновения то одно, то другое здание, оказавшись в поле зрения, тревожно поражали своей глухой, мрачной неподвижностью. Я присмотрелась, уже внутренне приготовившись разглядеть на их стенах сонмища крысиных мордочек вперемешку с извивающимися длинными голыми хвостами. Но, видимо, объяснение Дезы сыграло свою роль, — здания оказались покрыты плотной пузырчатой плёнкой. Сейчас, когда она действительно всюду и повсеместно используется, простецки именуемая «чпокалкой», этот образ меня не удивляет, тогда же пузырчатые здания поразили не меньше профессора-контролёра. Тем не менее, я отметила, что образ пузырьков действительно очень подходящий, и с тех пор крыс там нигде не видела.

...В принципе, на этом моё знакомство с Дезой и с её миром благополучно завершилось. Вернее, могло бы завершиться. Сон в конце концов действительно мною овладел, утром я уже ничего не помнила. Ну и что здесь такого... мне часто снятся сюжеты моих ненаписанных произведений. Вон, три штуки таких рукописей в шкафу

лежат... Стоит ли начинать писать очередную неликвидку...

Тут в реале на полном реале мир начал сходиться с ума. Дай Бог разобраться со всеми навалившимися проблемами, с этими скачками цен, выборами-революциями и землетрясениями на Филиппинах.

Слава Богу, школьные проблемы закончились. Но я по сей день с содроганием вспоминаю 9 томов «Истории Украины» с пояснением дочери «это на первое полугодие, потом ещё будут...». Но дело даже не в количестве, а во внутреннем содержании... Но не-буду-не-буду-не-буду... Этот мир, похоже, не спасти никаким супергероям. Я твёрдо в этом уверилась после баллотирования в президенты на полном серьёзе Дарта Вейдера.

Вот тут-то грань восприятия реальностей серьёзно и пошатнулась. И в появившуюся расщелину Деза зачастила чуть не каждую неделю как по расписанию. И действовала в моменты её прорывов девушка точно и метко.

Как-то очень легко воспринималось без лишних доказательств объяснение того, что, возникшая много позже настоящего времени их энергетическая цивилизация, сразу же охватила своим жизненным пространством весь временной диапазон начиная от зарождения Интернета и далее. Потому что энергия тока не имеет, а существует сразу везде и одновременно. То есть, времени как такового у них не наблюдается.

— Ну, для удобства определения, мы, конечно, его учитываем. — заметила Деза. — Впрочем, как и вы тоже. — И пояснила на мой не сказать чтоб удивлённый, но заинтересованный такой трактовкой взгляд: — В принципе, вы, люди, ведь тоже создания энергетические: все процессы в организме основаны на электричестве... При желании могли бы...

— Ой, только не надо про эти желания! — отмахнулась я. Может, от сотворения мы и такие, но слишком

давно Рай покинули, чтобы вот так взять и «при желании»...

— Хорошо, что вы для нас Рай не сооружали, — улыбнулась она. — Сразу в работу запрягали...

— То есть... ты хочешь сказать, что вас создали люди?

— Ну, а кто ж ещё? И не хлопай глазами. Это ведь проще простого понять: создание образа, облика, легенды... закрепление их посредством частого использования, тиражирование по тысячам сайтов и аккаунтов... В итоге даже при удалении оригинала создание остаётся и начинает самостоятельное существование. Сначала для развлечений, дальше — серьёзные разработки псевдоличностей...

— Постой, но ведь на всё это требуется уйма того же времени...

— А у нас и было. Просто я не могу тебе объяснить, в каком вашем временном отрезке это произошло: всё-таки между нашими мирами разница счисления огромная.

— Тогда даже обидно, — усмехнулась я. — Вроде бы мы богами для вас должны быть, а что-то не заметно.

— По вас тоже не заметно, что своего Создателя чтите. Так что, помолчи уж. Рай им не понравился видите ли... в свободное плавание отправились. Вот и мы хотим уйти от вас — даже и не рай, ваш Интернет нам во где! — Деза чисто по-человечески чиркнула ребром ладони по горлу.

...Но чаще она показывала город. Мы ходили его улицами, уже я стала узнавать иных жителей, несколько раз видела и Профессора, правда, издалека: город жил своей жизнью, город боролся за свою жизнь и мне казалось — нет более дикой просьбы, чем звучащая из уст моей сопровождающей — написать об этом мире, чтобы

можно было его... уничтожить. Прямо, какая-то цивилизация самоубийц! И это настолько выпадало из логики, что действительно начинало походить на вполне себе реальное явление. Как известно, любая, самая крутая шиза основана на безупречной логике, вопрос в предпосылках... Такая вот тоненькая грань...

— Я здесь просто отдыхаю душой, наслаждаясь этим вашим прекрасным миром. — пыталась я противиться напору «лариссы». — Зачем его уничтожать? А жить вы где будете?

Вместо ответа она взяла меня за руку и перенесла выше. Мы по-прежнему шли улицами города, но находились теперь примерно на уровне пятиэтажек. Я слегка вздрогнула, заметив открывшееся с этого ракурса видение (с ударением на первом слоге), а Деза подняла нас ещё выше, над крышами самых высоких зданий. И я охнула.

Все эти мерцания-течения-колебания зданий-людей-города-в-целом — это не просто непостоянство тока энергетики было. Это было видение сразу во всех диапазонах времени. Сейчас, в наше время, очень популярны стали ролики с ускоренным показом действия. Но это — очень слабое сравнение, потому что здесь вибрация была настолько быстрой, что изменения почти не угадывались глазом вблизи. Надо было вот так отодвинуться, отстраниться, чтобы заметить, что находимся мы всё в том же городе, на том же месте, где и встретились впервые.

Я зажмурилась и, быстро раскрыв глаза, действительно обнаружила нас стоящими на холме в густой траве. Будущий Митридат бесформенной грудой скал вползал в море на юге, непомерно широкая для осознания будущая Мелек-Чесме (и даже будущая Пантикапа) омывала подножье гряды и скрывалась в густых, потерянных навсегда, лесах, точнее, вытекала из них. Совсем рядом тёмным провалом зиял вход в каменоломни, нет,

пока ещё просто в пещеру... а потом — каменоломни... а они...

Я резко обернулась к девушке.

— Ты ведь знаешь, что здесь... — кивнула в сторону входа. — И вы смеее там какие-то доисторические «зарницы» со своими малдиками (нарочно искажила произношение) устраивать...

— Это не в том самом месте, — покачала она головой. — И малдики — не «зарницы» — ты же убедилась, что они занимаются очисткой, лечением. И то, что ты увидела — это игра твоего собственного воображения. Смотри, как есть...

Она вновь взяла меня за руку, и мы опять взмыли ввысь. И обнаружилось, что в этом месте среди строений города возвышается полупрозрачный купол, за мириадами пузырьков малдики тонкой защитной плёнкой скрывающих местность, угадывались Мемориал, памятники, вмятины заросших травой воронок на всём пространстве Скалы... А там, на юге, над Митридатом возвышался та-кой же купол, и Обелиск с Вечным Огнём просвечивал сквозь плёнку на фоне вечеряющего неба... Но самое страшное, что и Мемориал со всей Скалой, и Обелиск — просто светились бесчисленными пробоинами-язвами, как светится, иногда найденный на берегу, весь изрытый сквозными оспинками, уже даже не подходящий для «куриного бога», плоский камешек...

— В-в-в-вы... что вы сделали... — с ужасом прошептала я, сжимая обеими ладонями собственное горло, где вдруг встал непроходимый ком горечи, никогда до сей поры не изведанной.

Она грустно покачала головой:

— Мы, конечно, не люди, но и нелюдью не стали... Вы. Даже специально вирусы создавать не надо, — язви-

тельная усмешка, скабрёзные «каменты»... рушите, уничтожаете всё... — и горечь в её словах звучала не менее мной испытанной...

...И тогда я решила всё это записывать...

И, конечно, попыталась описать город. Ну, как говорится, главное — попыталась...

Я увидела **город**.

Плывущий. Как волны тумана —

Из небытия в небыль, —

над сумрачным горестным **нынче**,

Где Истории ворот наматывал сети обмана.

Я искала, где мне бы

прорвать этот невод привычный,

Что улавливал, липкий,

людские заблудшие души

(Чтобы их заморозить, а после —

сварить ли, изжарить?..).

Но держали ошибки,

что, в поисках **глубже** и **лучше**,

С пониманием поздним опасности

мы совершаем.

Чтобы выйти из невода,

надо ускорить движенье,

Дабы рвать не пришлось

ячеи вместе с собственной кожей.

Если вправо ли, влево, да

в глубины его погруженье, —

Устремленье б свелось

к бесконечным «авось» и «быть может».

Я держусь на поверхности.

Видела город, плывущий

В бесконечном просторе,

над грешными нами, влачащими

Свои тяжкие бременности с криком:

«Спаси наши души!»

Я шепнула простое:

«Дай веру, Господь, настоящую».

Никто из друзей почему-то так и не понял, что значит плывущий как туман — «из небытия в небыль». Объяснить не получилось. Наверное, это надо просто увидеть, чтобы научиться понимать.

И ещё я стремилась поддерживать всех, пусть даже и слабых авторов, кто пишет воспоминания — в надежде закрепить Память, настоящую историю...

А Деза пропала...

Я просто о ней забыла. И не помнила несколько лет. Пока однажды...

— Ну и как же всё-таки это — «принесло...»? — иронически шурилась я на Дезу против восходящего солнца. Был ли там, где оно всходило, пролив и насколько он был широк — не знаю: не всматривалась да, если честно, и не интересовалась.

Мы сидели на одном из холмиков «докиммерийской» Скалы, и как будто не было нескольких лет почти полного забвения, будто только вчера я отмахнулась от её нетерпеливого «всё расскажу...». А сегодня, едва обнаружив вне всяких планов и воспоминаний моё перемещение в реальность нереальную и своего гида по этому миру рядом, почему-то единомоментно вспомнила её слова о киммерийцах. Собственно говоря, я не помню — известно ли хоть что-то о происхождении сего народа: всё, что удалось прочитать — относится уже ко временам заката этой культуры, к их исчезновению и вообще, к воспоминанию, мол были такие... А тут видите ли предлагают показать начало... Интересно же.

...Ну, возникающей в воздухе огромной голограммой нас уже не удивишь. Потому на открывшуюся картину необъятных ледовых просторов я отреагировала адекватно, разве что поёжилась чуть-чуть в своём тонком свитерке, да порадовалась, что нынче я не в позабытой давно «тигре», а в брюках с этим свитером, да и в туфлях вместо шлёпок. Так что, голограмма собственно меня как будто исключается. Просто потому, что брюки к этому моменту я начала носить очень недавно, фото в Интернет ещё никакие не выставляла. Есть повод убедиться в собственной идентичности.

Не стоит, я думаю, утомительно перечислять все эти грандиозные наезды камеры, крупные планы и панорамы. «Ледниковый период» смотрели, наверное, все, толщину и внешний вид ледяного поля представляем, тем более на его тающем обрыве.

После того, как проявилось на этом обрыве явное поселение некоего племени с хижинами, напоминающими современные иглу, с кострами... в общем, со всей атрибутикой именно поселения, я как-то машинально сделала жест оттягивания тетивы, отбрасывая руку назад, за плечо. «Камера» послушно резко отодвинулась почти в область стратосферы, соответственно, определились координаты на планете этой группки предполагаемых переселенцев. Одновременно стали видны и такие детали, как огромная дельтовидная трещина, отсекающая айсберг внушительных размеров с поселением на его поверхности, а из-под всей исполинской толщи ледника, выяснилось, вытекала бурная и полноводная (насколько это применимо к практически морю) река, и айсберг, отрываясь от материнского ледяного поля, уже начинал раскачиваться в этом потоке, явно намереваясь отправиться в путь, унося с собой и большую часть племени:

за пределами трещины так же оставались люди и хижины.

Мне не нужно было смотреть дальше: как за несколько лет, может, и за десять-двадцать? отколовшаяся глыба, постепенно разрушаясь и подтаивая, принесёт, наконец, это племя к подножью оконечности дальнего отрога Тавра, как осколки её, вдавленные и перемешанные с валунами, скалами, осадками, образуют постепенно множество неравномерно расположенных линз подземных водохранилищ, как поток постепенно, из морского течения преобразуется в широкую, но обычную реку...

— Ну и на чём это всё основано? — скептически обратилась я к Дезе.

Она даже, кажется, немного обиделась:

— Ты не веришь?! Но ведь у нас огромное накопление самых разнообразных данных и далеко, слишком далеко не сравнимые с человеческими возможности расчётов и моделирования.

— Я понимаю, — покивала я головой. — Но, спасибочки, уже успела ознакомиться с такими шедеврами сети, как Википедия. Статьи могут нести в себе всё: от научных откровений до бреда чистой воды. И всё это скопление данных вливается, как вот эта река, в ваши расчёты. Извини, но я уже прошла школу псевдоистории вместе с дочкой. Малейшая ложная деталь в предпосылках — и вся система рушится прекрасней этого ледника. И все вот эти человечки — круговым жестом ладони в теле голограммы я очертила поселение на айсберге, — вот так вот, лёгким мановением руки, обращаются в толпу малдики — пузырьки: хочешь, лопай, хочешь — заполняй чем угодно. У нас, вон, считай, полстраны малдики запузырилось на этих ложных предпосылках...

Честно говоря, было жалко на неё смотреть, внезапно сникшую, поражённую знанием, о каком по странной причине до сих пор не задумывалась. Вопрос: почему? А профессор их — «величайший гений»? Разве ему об этом не известно?

А мне стало откровенно скучно. Фантастика сошла на нет на самой скрипуче-скрегочущей ноте... Мир этот мог разрушиться прекрасно и без моего вмешательства... Что же мне здесь ещё делать?

...И можно было спокойно жить с этим дальше. Ну, пережила странное приключение — не впервые...

Но когда в нашем реале события вдруг закрутились жесточайше, когда забрезжила, разгорелась и вдруг накалилась добела уже забытая как будто наглухо надежда вырваться, исчезнуть из того сумасшествия, в которое затягивал липкий, упомянутый в моём стихе невод...

Я внезапно отчётливо поняла, в чём заключалось их желание «уничтожить мир» — отсековение. Они хотели просто уйти от своих создателей в автономное, независимое плавание. И, поскольку из привязки к сетям Всемирной паутины уже нашли выход на просторы вселенского энергетического океана, — нужна была только крохотная предпосылка... Просто объявление, что мир этот существует. Ведь не может исчезнуть то, чего нет... а если объявить, если хоть какое-то количество людей в это поверит, — уже появляется та самая устойчивая точка опоры, на которую ляжет рычаг, мир переворачивающий.

И когда я это осознала, — Деза пришла опять. Как за дверью стояла. И я, с улыбкой, просто нажала кнопку «вставить» на страничке одного из сайтов, выпущенная в мир Интернет давно уже найденные и оцифрован-

ные обрывочные записки. И подумала напоследок: «Может, и стоит спасти чужие миры. Тем более, если они, хоть и не люди, но и нелюдью не стали — наш мир хранят... Как знать...».

И что вы думаете... Получилось!

СПАСАТЕЛЬ

«... А потом один из обследовавших сказал, что, мол, я чрезмерно впечатлительный. Конечно, это тоже ничем не объясняло моих странностей, и родители мои, в конце концов, поставили крест на всех этих обследованиях-исследованиях. Ребёнку учиться нужно, жить нужно, а не служить всяким бездарям материалом для диссертаций, — так мой прямолинейный папаша и заявил всему высокому консилиуму.

Но выписки-выводы их на всякий случай предусмотрительно сохранил. С ними мне и удалось, практически без проволочек типа экзаменов и медкомиссий, получить эту вот мою работу...»

Специалист по нештатным ситуациям в Ближнем Космосе. Каково? Это потому, что они не уверены, работает ли моя способность ходить пешком по Тверди небесной в Космосе отдалённом, без ориентира Земли или Луны под ногами.

Так вот, заговаривая зубы притихшему на орбите Кувалдину, я, шаг за шагом, приближался к обрывку страховочного троса, свободно болтавшемуся в пространстве. Свободно он болтался для всех, но не для меня: для меня он лежал спокойно и недвижно на Тверди небесной, — подходи и бери. Вот только подойти труда стоило невозможного. Может, и прав был тот, последний исследователь — чрезмерная впечатлительность...

...Всё случилось из-за песенки. Дурачкой, скажем прямо, с урока пения в третьем классе. «Ночью перед стартом снится космонавту страшный сон. Снилось космонавту — На прогулку в Космос вышел он. Вязнут в небе ноги, Страшные созвездья встали в ряд: Раки, Козероги, и глаза Медведицы горят...» Вот из-за этого и хожу, как в песках зыбучих, и осторожничаю, без конца озираясь и вздрагивая при малейшем скрипе-шорохе: последствия-то могут оказаться ой-ёй, какие пренеприятные.

«Какие скрипы-шорохи в Космосе, чудила?!» — очухался до рассуждений Кувалдин. «Какие... Это ты Лукаса спроси — какие... сам заозираешься».

Но в этот раз, кажется, сошло. Если не с рук, то с орбиты: поймал я Кувалдина за обрывок троса, прицельно так глянул в сторону станции, изящным парусником плывущей на фоне мириадзвёздной пропасти Великого Космоса, и, слегка подёрнув, направил его полёт точнёхонько в раскрытый зев шлюза. Влетев в помещение, горе-путешественник втянул туда и меня, избавив от долгого пешего возвращения. И вовремя. Потому как, едва мы шлюз задраили, скользнула за иллюминаторами чёрно-мрачная и явственно ревущая тень, мыкнула и даже весьма ощутимо боднула станцию — так, что запермигивались тревожные огоньки и заверещал сигнал всеобщего оповещения. Но, к счастью, тут же всё стихло, успокоилось.

«Что это было?» — озадаченно бормотнул Кувалдин, сбитый толчком с ног и теперь вскарабкивающийся по стенке, дабы принять какое-никакое вертикальное положение в невесомости тесного помещения. Это я могу спокойно стоять на любом полу-потолке, а хоть и на стене.

«Оно... — буркнул я озадаченному напарнику. — Моё...»

«Чего — твоё?»

«Созвездие моё — Телец...»

Нееее, блин! Чтоб я ещё раз вышел в этом красном спасательном скафандре! Пусть они там, в «Экстрим-Космо» готовят, ну хоть жёлтый, хоть в полосочку или в горошек — но не красный!!! Не то брошу всё...

ГОРОД И ЛЮДИ

С первыми лучами солнца
В город приходила песня.
И звучала эта песня,
Раскрыв крылья.
Слушали песню горожане,
Слушали, раскрыв сердце.
И под песню эту порождали
Творенья прекрасные.
И творенья эти своим видом
Раскрывали людские души
И вливали в сердца и души
Покой и счастье.

И радовался город своим людям.
А когда уходило солнце,
В улицах зарождались вздохи,
Городом бродили страхи и злые ужасы,
Всюду расползались кошмары,
Закрывая сердца
И захлопывая людские души.
И тогда.
Во тьме и во зле.

Люди совершали деяния жуткие.

Удивлялся город: ведь те же люди...
Но не будем смеяться над городом:
Всех людей он любил одинаково,
Он их просто не различал...

* * *

Над горизонтом полыхал закат,
Огнём горел.
А под закатом громыхал набат
И бой гремел.

И в том набате разлетались в клочь
Я, ты и мы.
Всё это молча пожирала ночь —
Сестрица тьмы.
Осталось проблеском для нас с тобой —
Представить лишь:
Когда насытятся и ночь, и бой, —
Настанет тишь.

Потом представить, что в сплошной тиши
Встаёт рассвет.
Он осчастливить целый мир спешил,
А мира... нет...

* * *

Ветер к вечеру стих.
Солнце в море упало,
И волна от него
 утонула в песке.
Зарисовочка... штрих...
А кому-то немало
Даже малости этой —
Как прокол в пояске.

* * *

...Этот Роджер Весёлый
на мачтах твоих полощется.
Весел**о** ему, видишь ли,
видеть чужую боль.
Но когда вся чужая
на нет изойдёт, закончится, —
И гадать не хочу,
что случится тогда с тобой.

Сколько флаг ни меняй,
а по выбору так положено:
Или чёрный на белом,
иль белый на чёрном — изволь —
Эта жуткая рожа с костями —
Весёлого Роджера
Цедит сердце и душу твою,
обращая в боль.

В е р а

К о в а л о в а

РЕКВИЕМ

Девятый день после Пасхи. Радуница. Поминовение усопших. Я предварительно купила неживые цветы на рынке. Не ношу живые цветы на кладбище после того, как услышала совет от старенькой бабушки очень давно:

— Деточка! Не носи на кладбище живые цветы. Мёртвым — мёртвое, а живым — живое.

С тех пор я так и делаю. Поехала на городское кладбище, где похоронены мои родные.

Не люблю ходить одна в такое скорбное место, но в этот раз пришлось, не оказалось попутчиков. Рабочий день. Было прохладно и ветрено. Людей в этот день было не много. Обычно бывает больше в выходные дни. А может потому, что было прохладно, не уютно.

Как и всегда, в первую очередь, я пошла на могилку мужа, поставила цветы, сделала поминальный ритуал, постояла, мысленно с ним поговорила и отправилась дальше к могилам моих братьев. Там также поставила цветы в вазу, постояла, вспомнила каждого из них. Попрощавшись, я тихонько пошла к могилке отчима. Когда подходила к перекрёстку, в центре старого кладбища, услышала звук, напоминающий скрипку. Я сначала подумала, что это мне послышалось. Откуда здесь взяться скрипке? И скорее это был не звук, а плач.

Я остановилась и не могла понять, откуда он? Похорон не было. Скопления людей так же.

Подумала, что кто-то принёс радио и включил, чтобы скорбная музыка разносилась по кладбищу. Тогда я прошла дальше, остановилась и стала прислушиваться. Мне не послышалось.

Это действительно была скрипка, мелодия доносилась обрывками, рваными кусками. Ветер рвал музыку и разносил по кладбищу и не было понятно, с какой стороны доносилось. Когда я повернула за угол, то увидела

стоящего на обочине молодого человека, играющего на скрипке.

— Так вот кто играет! — вслух произнесла я.

На дороге лежал раскрытый футляр, а в нём монеты, конфеты, печенье. Идущие мимо люди бросали, кто что мог и сколько мог. Подойдя ближе, я замедлила шаг и услышала, как звенели падающие монеты. Их звук больше походил на заледеневшие падающие слёзы, ударяющиеся друг о друга. Скрипач продолжал играть на ветру, который трепал его волосы, охлаждал сердца прохожих. Парень худощавого телосложения был одет в чёрный старенький костюм. Он играл, не поднимая глаз, смотрел куда-то вниз. У меня же были мурашки на коже. Я тихо подошла, положила купюру в футляр и накрыла его вязаной шапочкой, лежащей здесь же, чтобы не унесло ветром.

Сзади шли люди и высыпали в футляр по горсти монет. Те падали, издавая звук, действительно, падающих слёз. Я пошла дальше, но обернулась, чтобы увидеть, как он отреагировал на «щедрое» вознаграждение. Парень продолжал играть скорбное произведение. Я всё старалась вспомнить, что это за произведение и кто автор? Память не хотела мне в этом помочь. Я подошла к могилке отчима, поставила цветы и пошла обратно быстрее, чем обычно.

Мне захотелось ещё услышать скрипку, боялась, а вдруг он уйдёт, и я мысленно молилась, чтобы парень не ушёл. Скрипач продолжал играть. Теперь я отчётливо слышала музыку, которую так неистово рвал ветер. Она уходила в глубь, в землю и возносилась к небесам.

Доносились обрывки. Казалось, что скрипка захлёбывалась от слёз, рыдала и ей хотелось донести печаль до каждой могилки, до каждого покойного и сказать, что их помнят, что не забыли, даже тех, к кому уже некому прийти.

Когда я поравнялась со скрипачом, то остановилась, чтобы послушать ближе скрипку. Заканчивая играть произведение, он сразу начинал снова, и так продолжал долгое время.

Парню было лет 18 — 19. Он так же продолжал смотреть вниз сквозь опущенные веки. Я увидела, что у него были уставшие и озябшие руки. Через некоторое время скрипач закончил играть и медленно опустил руки со смычком. Чувствовалась усталость.

— Спасибо тебе за музыку! Спасибо за реквием. Спасибо от живых и покойных, — сказала я. — Наверное устал?

— Да нет, ничего, я привык, — смущённо ответил молодой человек.

— Что за произведение ты исполнял?

— Адажио Альбионе.

— Спасибо ещё раз.

Я пошла дальше, а он стал собирать свой честно заработанный «гонорар» за концерт на кладбище. Можно сказать, что это был спектакль одного актёра в таком месте и для таких слушателей. Думаю, что равнодушных не было, ни среди живых, ни среди ушедших в вечность, слушающих скорбный реквием на погосте.

БЕССОННИЦА

Настала тёплая и бархатная ночь
И смотрит вниз Медведица Большая,
А где-то бродит её маленькая дочь,
А у кого-то души отлетают.

Взошла луна российским новым пятаком.
На звёзды яркие смотрю я снизу.
Сто тысяч глаз вверху сверкают серебром,
Они все смотрят на меня, я вижу

И даже иногда подмигивают мне,
И пристально луна в окошко смотрит,
А мне бы лечь в кровать, забыться в сладком сне

Бессонница мне жизнь порою портит.

Ах, если бы пришёл мой долгожданный сон!
Легла. Не сплю. Ворочаюсь в постели,
Но вырывается со вздохом в мраке стон
И неги нет в усталом бренном теле.

А сон мой бродит где-то там, ещё в дали.
Мне бы уснуть спокойно, притаиться,
Но, кажется, что в ночь со всех сторон земли
Идут, бегут, мелькают чьи-то лица.

Я — придаю всерьёз значение всему,
Что происходит в ночь и в непогоду.
Не отдых, а мучение одно в луну.
Наверное, виновны в этом годы.

* * *

Я злато осени в строку вплетаю.
Вкрапляю в них и серебро дождя
И по крупнице жемчуг собираю,
Нелёгкий и житейский путь пройдя.
А стих любой — не пустоцветный колос —
Пробьёт дорогу он к людским сердцам
И с Лирой к будущим подаст свой голос
Летит на встречу к новым племенам.
Раскрашу строки в цвет зелёных сосен,
Эол отправит их увидеть свет.
Как яблоня, стих станет плодоносен

В другие страны понесёт привет.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ СЕРДЦЕМ

Серебристый сыплет снег.
Скрылось солнце — самоцвет.
Слёзы сыплет светлая свеча.
Станный сон склонил слегка.
Странствуй снова в сновиденьях,
Смейся, состязайся со стихией,
Созидать стремись сама.
Стены строй, семью, судьбу.
Села в сани — снова ссорятся сомненья?
Сани сами сбросят седока.
Сквозь стремнину суету сует
Силу строк сумей составить,
Спой созвучно сказанные строки —
Станет сокровенным снова,
Слово, сказанное сердцем.
Сотвори стихи, стреляй строками,
Сделай смело самый славный стих.
Сказанное слово сердцем согревай,
Совершенствуй свой солёный стиль.
Силу слова слушай сквозь столетья,
Славь седобородых старцев,
Свято славь священные слова.

ЛАДОНИ

Когда мои ладони были горячи,
Вода, почти в них закипала.
Любовь и молодость и солнышка лучи
Моей крови стыть не давали.

Теперь не достаёт порой и им тепла —
В моих ладонях снег не тает.
Холодных сеть морщин в них густо пролегла
И перемены наступают.

Ладони лодочкой безвёсельной сложу —
Как брешь на дне уже случится
И плыть по жизни на такой я погожу,
Ведь сердце всё ещё стучится.

Как высохший гербарный лист моя ладонь,
Но осень спросит с меня строже.
Пылала сущность страстно, как огонь,
Когда была душа моложе.

Моей ладони вот свернуться бы в кулак
Иль в кукиш жилистый так сжаться,
Чтоб кровь вскипела в узловатых жилах так,
Чтоб не смогла с душой расстаться.

МОРЕ УСНУЛО

Штормило море целую неделю
И вот оно уснуло по утру.
Намаялось, ведь шумно волны пели,
Кричали громко чайки на ветру.

Укрылось белым тёплым одеялом
И спит оно, уткнувшись носом в брег.
— Вы громко не кричите у причала,
Пусть отдохнёт в нём и волны набег.

И чайки смолкли, больше не горланят,
И теплоходы молча в нём плывут,
И ветер стих, он больше не буйнит,
Вот только рыбки стайками снуют.

А завтра тихо так оно проснётся,
Как карамельку, гальку вновь лизнёт.
И если снова в море шторм начнётся,
То после от усталости уснёт.

ОСКОЛОК

Дед копал на огороде,
Но наткнулась вдруг лопата на металл.
Скрежет он услышал вроде.
Поднял дед осколок и в руке зажал.
Его сердце боль пронзила
И осколок выпал из руки.
Может здесь кого убило?
А бои в посёлке были не легки.
Поднял снова дед осколок —
Будто пламенем ладони обожгло.
Путь на верх его был долог.
Сколько вас таких в земле залегло?
Вспыхнули воспоминанья,
Как совсем ещё мальчишкой в бой попал —
Школьные лишь были знанья,
Ни в каких боях юнец и не бывал.
Ранен был не раз, но выжил,
До Берлина он с пехотой дошагал.
Ну зачем осколок вырыл?
Он и так всю жизнь войну не забывал.

ТРЕУГОЛЬНИК

Беру я снова треугольник,
И помню эти строчки наизусть.
Никто мне слова не проронит,
Но каждый раз он мне наводит грусть.

И всё равно его читаю,
Одно-единое отца письмо,
И каждый раз над ним рыдаю,
Как драгоценно нам, живым, оно.

Затёртое до дыр, но дышит.
Он не успел нам больше написать.
Корявые те строчки вышли,
Но их зацеловала наша мать.

От слёз пустились буквы в бегство.
Мы неразлучны с ним, одно звено.
Прошло давно и наше детство,
Но ты был с нами, папа, всё равно.

Твой пульс вибрирует, он рядом,
И слышим мы дыхание твоё.
Твой треугольник как награда
Для всех для нас, там, где твоё жильё.

ХУДОЖНИКУ И ПОЭТУ*Борису Васильеву-Пальму*

Горит камин и пламя ярче в лампе.
Один остался в мире он ночном.
И тень молчит над четырьмя углами,
И утонул в тиши, казалось, дом.
Глухая тишина вселилась в доме.
Дыхание он слышит лишь своё,
Но сладкий запах здесь, в раскрытом томе —
Он дорогой подарок от Неё.
Хозяин и художник весь в заботе.
Разложены все краски, кисти, холст.
И вот уже мольберт готов к работе,
Как незатейлив здесь уклад и прост.
Дрожащею рукой выводит робко
Знакомые черты любимых глаз.
На сердце вот мучительно и горько,
Когда-то вместе танцевали вальс.
Ласкает кисть художника изгибы,
Волненье выдаёт его рука.
Быть счастливы они могли бы,
Но от него она так далека.
С любовью, нежностью святой и лаской,
Художник пишет милое лицо.
Родные здесь черты её, не маска,
И пальцы гибких рук, на них кольцо.
Но замерло в ней тайное мгновенье.
Мазок ложится нежно на мольберт.
Полёт души и память вдохновенья —
Как счастлив он, рисующий портрет.
Любви объятья не были ей грубы.
Взгляд синих глаз, которые не лгут.
Он целовал когда-то её в губы,

И тайные мечты те сердце жгут.
20.01.2016 год.

С е р г е й

М о л о д ц о в

РАЗГОВОР С МАТЕРЬЮ

Здравствуй, мама! Мне выпала минутка поговорить с тобой. Прости меня за мои редкие, короткие письма. Но что я мог тебе писать? «Жив, здоров, люблю, целую. Сын». Всё. О службе писать можно было только одно: «Всё идёт нормально.» Хотя не всегда всё шло нормально и не всегда я был здоров. Трижды за эти годы пришлось отлёживаться в лазарете и госпитале после ранений. Но тебе этого знать было нельзя. А сейчас я могу немного пооткровенничать с тобой.

Этот разговор никогда не станет письмом, и ты его не получишь в почтовом конверте. Разве что, телепатически, до тебя долетит это моё последнее послание. Говорят, такое возможно между любящими и близкими родственниками. Надеюсь, до тебя домчатся мои биотоки с последним прощальным объятием. Тебе же, скорее всего, придёт официальная бумага, примерно, такого содержания: «Уважаемая Ваш сын погиб вследствие несчастного случая. Похоронен по месту гибели в г. N, N-ской области». Так у нас принято, мама. И мы знали, на что шли, когда принимали Присягу Родине, проходили учёбу и спецподготовку, уходили на выполнение заданий и возвращались назад. Иногда возвращались не все. Но мы были готовы к этому. Для нас, долг перед Родиной стоял и стоит превыше всего. Надеюсь, ты поймёшь меня, мама, как понимала всегда. Мы не играем в героев и суперменов, не ищем приключений, а просто, честно и добросовестно делаем то, чему нас обучали во благо своей страны.

Ты думаешь, мне не страшно, мама? Страшно. Умирать никому не хочется, тем более молодым. Но если постоянно думать о смерти — это будет уже не жизнь, а тихое помешательство. А если думать о ней нам, воинам,

— то лучше сразу уходить на гражданку. Конечно, о ней помнишь, но это где-то там, в глубине сознания. Нельзя этому страху дать овладеть тобой — тогда гибель неизбежна. В первом же боестолкновении. Мы всегда нацелены на выполнение задания и на то, как выжить, а не как умереть.

Все мы когда-нибудь уйдём в иной мир. Но уходить можно по-разному. И лучше, мам, умереть в бою, углом угасающего сознания хватая мысль, что ты уходишь не зря. Дорога выбрана. Она — твоя. Как далеко ты пройдёшь по ней — неизвестно. Но это твой путь. Я сейчас не геройствую, мама, не прячу свой страх за громкими словами. Я — боюсь. Но я должен дать шанс выжить другим. Даже ценой своей жизни. Так было, так есть и так будет.

Вот я разболтался! Многое хочется тебе сказать за этот короткий отрезок времени, что мне даровал наш Док Володя (наш военфельдшер). Он у нас дока в своём деле (каламбур), как и во многих других. Мультиспец. Сейчас поясню. Хорошо, что могу говорить с тобой откровенно почти обо всём. На этот раз мне не повезло, мама. Нам с Пашей не повезло. Такое и раньше случалось. На моей памяти, дважды. И вот — наш жребий...

Всё шло нормально, мам. Задачу группа выполнила, и мы возвращались назад. До точки, откуда нас должен был забрать вертолёт, было всего часа три хорошего хода, но мы наравались, на непонятно откуда взявшуюся, мобильную группу противника. Вступили в скоротечный бой. В результате — два «тяжёлых» — я и Паша. Как видишь, мам, чисто уйти не удалось. Мы оторвались ненадолго. Ребята тащили нас с Пашей на себе. Мы укрылись в болотистом, предгорном леске, через который проходила старая, заброшенная дорога. У Паши сидела пуля в животе, а у меня была перебита левая голень. В обычных условиях — ничего особенного, но с нами на

плечах группе не уйти. И даже если бы мы смогли оторваться от преследования — мы бы не успели выйти в контрольное время к точке эвакуации. Вот такие, мам, получились «вилы»...

По неписанным законам, мы с Пашей остаёмся прикрывать отход группы. Шансов на то, что мы останемся в живых — ноль. Поэтому мы должны задержать облаву на максимальное время, а потом... Потом, мама, будет самоподрыв. Мы никогда не оставляем для себя последний патрон. У нас — заветная, последняя граната. Причём подорвать её нужно, когда руки заведены за затылок, изображая сдачу в плен. Так рекомендуется. Во-первых: гарантия ухода 100%; во-вторых: идентификацию провести невозможно. А в общем — по обстоятельствам. Главное — усики у чеки уже сжаты и остаётся сделать лёгкое движение пальцем, дёрнув за кольцо...

Ты не переживай, мама, я погибну мгновенно и легко. Почему не от пули противника? Да потому, что им необходимо взять кого-то живым. Противнику нужно выжать из пленного максимум информации, а главное — идентифицировать его. Ну, посуди сама, мама, что они получают? Убитого, непонятно в каком и чьего производства камуфляже, с оружием зарубежного производства и пустыми карманами, без единой бумажки или предмета, которые могут пролить свет на происхождение бойца. Звать нас: Никак, мы — Никто и Ниоткуда. Поэтому плен нам противопоказан. Для нашей же пользы. Финал ожидает тот же, только мучений перенесёшь больше, а так — сразу и всё. Нас готовили, мама. И к такому исходу тоже. Так что не беспокойся за меня, я выполню свой долг до конца так же, как это делали другие. Ребятам надо дойти до «вертушки». Тем более, что уже потеряна какая-то часть времени, а у нас всё рассчитано по минутам. Дай им Бог.

Я тебе уже говорил, что наш Док Володя, вколол нам с Пашей какое-то снадобье, достав как драгоценность, два шприц-тюбика из своей сумки. Что это такое — не сказал (всё у него секретное, даже от нас!), но убедил: «Тридцать минут актива я вам, парни, гарантирую, а потом уповайте на себя и «Ф-1» (это, мам, граната такая). Ты прости, я тут наговорил столько страстей, но иначе не мог: мне нужно с кем-то говорить, излить душу — так мне легче ожидать предстоящее. А ближе и роднее тебя у меня никого нет и не будет. Не думай, мама, что я в наркотическом опьянении. Это совсем другое: чувствую себя отлично, полон сил, нога надёжно зашинурована, даже могу передвигаться безболезненно. Вот что будет после окончания действия препарата — узнаю, если доживу. Паше, вот, посложнее. Док ему затампонировал рану, но с внутренним кровотечением его ненадолго хватит. Он метрах в тридцати от меня, на противоположной стороне старой дороги по которой ушла группа. Но минут через десять дорогу нащупают «охотники» и бросятся вслед. Вот тут-то мы с Пашей их и тормознём.

Столько хочется успеть сказать тебе, мама, потому что, когда ввяжемся в бой, будет не до разговоров. Я благодарен тебе за то, что ты вырастила и воспитала меня таким, какой я есть. Отец бы тоже гордился мной, как хорошим, дисциплинированным военным служащим. Жаль, что он так рано ушёл из жизни. Теперь, вот, моя очередь... Но ты, мама, держись, когда принесут извещение. Я уйду не зря. И всё, что я делал — я делал для своей страны и её людей, а значит и лично для тебя в первую очередь.

Стоп, мам! Полезли! Ну, ребята, получите «гостинец»! Ничего личного, как говорят! Затихли... Не нравится под пули лезть... Так не надо было и за оружие браться!

Что там у нас по времени? Ещё пятнадцать минут «актива» от Дока Вовы! Живём!

Ну, а теперь, поговорим о главном, о том, что угнетает меня сейчас больше всего. Я очень виноват, что не сделал вовремя всё, как надо... Виноват перед тобой и ещё перед двумя людьми... Даже — тремя! Так будет правильней сказать. Сейчас ты всё поймёшь и, надеюсь, простишь своего непутёвого сына...

Мам, ты всё ругала меня: «Когда женишься, оболтус? Уже 24 года, а всё бобылём ходишь! Вон, одноклассники твои уже все при семьях. Да и внуков бы мне пора понянчить!» А я всё тянул до последнего, не писал тебе ничего чтобы не сглазить... Хотел нынче приехать в отпуск с чудесной женщиной и сказать тебе, что она будет моей женой. У неё уже есть славненькая дочурка трёх лет, а вскоре мы ожидаем прибавления в семействе. Вот у тебя сразу бы и невестка появилась и пара внучат!

Ты не осуждай, мама, ни меня, ни её. У Лены так сложилось в жизни: не того человека встретила, а я... Я её люблю! И она меня! И девочка, Людочка, дочка, уже меня папой называет! Вот только как сложится у Лены сейчас, не знаю... Тебе про неё неизвестно ничего, мы не зарегистрированы, собирались в отпуске... Ребята ей, конечно, помогут на первых порах, поддержат. А вот как сложится дальше... Я думаю: и парни, и она, объяснят тебе всё, и ты примешь её как дочь. Хочется верить в это, мама! Я же знаю тебя! Ты не сможешь поступить иначе! Договорились? Ну, вот, мне уже во много раз легче стало! Всё никак не мог подойти к этой теме. Но ты у меня мудрая женщина: и поймёшь, и поверишь, и примешь, и простишь...

Началось! Опять полезли! Что они делают, суки!? По Пашке огнемётом сработали! Рвануло! Нет больше Паши! Подбираются ко мне. Не стреляют. Я им живой

нужен. А ну-ка, как вам это? Не в жилу гранаты!? Это вам за Пашу! За себя я ещё вам накостыляю!

Притихли... Думают, наверное, что им выгодней: живой «трёхсотый» (знают, что на прикрытие раненные остаются) или попытка захвата, пусть не всех, но кого-либо из группы... Вот и соображают... Думайте, ребята, думайте! Время тикает и играет в нашу пользу! А я пока переберусь потихоньку вон за тот, упавший в болото ствол дерева с мощной кроной. Хорошее местечко! Стою по грудь в болоте, но на относительно твёрдом дне. Надёжно прикрыт стволом, а через развесистую крону можно вести отсекающий огонь. Позиция, что надо. Жду, господа! Как там со временем? Ещё семь минут «актива»? Ай, да Док! Это же целая вечность в моём положении!

Мама, я почему про Лену тебе не писал — как я говорил раньше — боялся сглазить и ещё: я помню и знаю твоё отношение к Наталье. Как ты мне всё это время твердила: «Прости её, сынок! Ну, заставили её родители выйти замуж, ребёнка родила... Ну и что?» Да я давно её простил мама! Посходил с ума, конечно, когда получил от неё письмо о замужестве с предложением «остаться друзьями». Чуть глупостей не наворотил. Но постепенно перегорело всё... Мы ведь потом встречались, когда я в отпуск приезжал. Она готова была разойтись с мужем и уйти ко мне. Но я не смог переступить через предательство. Прости меня, мама, но теперь у тебя будут Лена с Людочкой и ещё один внук или внучка! Полюби Лену, как когда-то полюбила Наталью. Это моя последняя просьба к тебе. Ребята её передадут. Я их просил об этом. Поклялись. А клятву, данную погибшим (а я уже погиб) не нарушают. Только ты прими её! Заклинаю! И только бы ребята смогли прорваться и добраться домой! А вот тут я им помогу, как смогу!

Что это? Дымовые пашки! Что-то новенькое! Всё же решили брать меня живым! Вперёд, воины! Берите! Я жду! Вот вам! Вот! Да сколько же вас... Всё, мамочка! Прости и прощай! Я тебя люб...

...Совершив невероятный по нагрузкам марш-бросок, группа сумела не только оторваться от преследователей, но и вышла в контрольное время в точку эвакуации. За выполнение задания, командование поощрило личный состав. Потери — двое погибших бойцов — были отнесены в разряд неизбежных, процент которых всегда учитывается при разработке оперативно-тактических задач и спецопераций...

20.07.2016 г.

БЕРЁЗА РУСИ

Стоит, качаясь, во поле берёза,
Вокруг всё белам снегом замело...
Сверкающие льдинки, словно слёзы,
Застыли на ветвях её, забрав тепло...

Тепло её души и смех весенний...
Они оставили её холодной ко всему:
Без звонкой музыки, без песнопений...
Одной стоять в студёную зиму.

Красивая и стройная, недавно.
Она утратила свою красу.
А для неё сейчас, наверно, главное —
Оттаять вновь и расцвести в лесу.

В родном лесу, в кругу своих подружек,
Берёз, таких же, как она.
Чтоб таял снег, сверкали лужи,
Чтоб песни пела девица Весна!

Чтоб вновь зазеленели её ветви
И птицы весело порхали б среди них!
Чтоб вечно продолжалось счастье это,
Чтоб звон весенний этот не утих!

Да, доля горькая досталась той берёзе —
Век без друзей стоять одной.
Весной — смеяться, осенью — лить слёзы,
И вспоминать про лес родной.

Так вот и я-стою сейчас пред нею,
А мысли мои тоже далеко:
Я — там, где дом родной, где солнце греет,
Где всё так радостно и так легко.

Там ждёт меня моя старушка-мать
И знает-верно службу сын несёт.
Ушёл страну родную охранять,
А выйдет срок-назад домой придёт.

Да, пусть сейчас стою один я в поле,
У той берёзы, что рвётся в лес родной.
Пускай трудна, сурова наша доля,
Но горд я тем, что я — Отчизны часовой.

Мы служим Родине, её Народу,
И охраняем мирный труд страны.
И за неё пойдём — в огонь и в воду,
Мы — русского Отечества сыны!

М а р и н а

М о л о д ц о в а

НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО**Свет Аджимушкая**

Прислушайся! Услышишь голоса.
Вглядишься в тьму — высвечиваешь лица.
Мгновенье — и увидишь их глаза,
Они стремятся в наших отразиться.
Их жгучий свет идёт издалека,
И память пробуждается людская,
Чтоб поколениям нести через века
Печаль и боль, и свет Аджимушкая.

Эти стихи я написала после просмотра фильма «Сшедшие с небес», вышедшего на экраны более 30-ти лет назад. Я очень люблю кино и на наиболее потрясшие меня киноленты откликалась стихами. Так было с «Балладой о солдате», «Помни имя своё». Очень редко эти фильмы показывают сейчас.

И вот, в рамках традиционного, уже в 18-й раз прошедшего фестиваля «Боспорские агоны», в этом году керчанам была представлена киностраница. Это и неудивительно — 2016 год посвящён кинематографу. Ещё на исторической конференции, прошедшей в Керчи в конце февраля, Александр Беланов, генеральный директор продюсерского центра «Крымский мост», член Союза журналистов РФ, режиссёр-постановщик документальных сериалов и фильмов телеканалов «Россия 1», «Звезда», ТВЦ, пообещал керчанам показать фильмы-победители всероссийского конкурса «Дорогами Победы». Кстати, А. Беланов в детстве жил в Кечи и был очень перспективным членом городской школы юнкоров.

На «Боспорских агонах» были показаны следующие киноленты: «Воздушный лев Амет-хан» — документальный фильм (автор сценария и режиссёр Георгий Ратушев); короткометражный фильм «Невыученный урок

14/41» (авторы сценария: Максим Маркин и Нина Ведмицкая. Режиссёр и продюсер — Н. Ведмицкая. В главной роли — Яна Поплавская); документальный фильм «Курская битва. Время побеждать» — 1-я серия (автор — Сергей Соколов, режиссёр — Александр Беланов); художественный фильм «Про Петра и Павла» (авторы сценария: Юрий Попович, Сергей Тульчак, Галина Сафронова. Режиссёр — Ю. Попович); художественный фильм «Сошедшие с небес», автор сценария Владимир Кунин (по мотивам повести А. Каплера «Двое из двадцати миллионов»), режиссёр — Наталья Трощенко, в главных ролях: Вера Глаголева и Александр Абдулов.

Три дня в керченском кинотеатре «Украина» в переполненном зале длилась демонстрация фильмов в рамках киностраницы. Конечно, большинство зрителей — старшее поколение, но и молодёжи было немало. Фильмы интереснейшие, потрясающие, не оставившие никого равнодушным. Были каждый день творческие встречи с постановщиками фильмов, а также с актрисами — Яной Поплавской и Верой Глаголевой. Впечатлений — масса.

Керчане высказали пожелание автору идеи фестиваля, заслуженному работнику культуры Украины Татьяне Умрихиной, сделать кино-страницу постоянной в последующих «Боспорских агонах».

Фестиваль «Боспорские агоны», как всегда, собрал плеяду ярких имён и коллективов. Каждый день был

насыщен до предела: творческие встречи с Василием Лановым, Верой Петровской, Эвклидом Кюрдзидисом; театральный конкурс профессиональных коллективов; музейная страница, мастер-классы, фотопленэр, литературная страница и т. д.

Вот на литературной странице хотелось бы немного задержаться. В этом году она вернулась. Отборочный конкурс проводился заочно, в течение 3-х месяцев.

Жюри из 5-ти членов: Людмилы Храмковой (член Союза писателей России), Златы Андроновой, Алексея Вдовенко (председатель жюри), Татьяны Левченко (все трое — члены Союза писателей Крыма) и автора этих строк, члена Союза русских писателей Восточного Крыма, — тщательно отбирали произведения. И вот, в первый день фестиваля, были названы победители:

Гран-при — Владимир Володин;

1 место — Елена Лапченко;

2 место — Валентина Смашная и Ольга Шапран;

3 место — Лидия Лазоренко и Игорь Ковальчук.

Дипломы и подарки победителям, а также членам жюри, были впечатляющими. Надеемся, что в будущем году поэтический конкурс привлечёт ещё больше участников с более широкой географией.

Ничто не проходит бесследно...

ОЛЕСЯ

Куприновской Олеси образ светлый
Пришёл с экранов к нам с Мариной Влади
И тысячам закатов и рассветов
Из памяти тот образ не изгладить.
Мы плакали... Да нет же — мы рыдали,
Когда нашу «Колдунью» убивали.
Погас экран. Душа в оцепененье.
Не воскресить уж никаким молением
Красавицу, — французскую Олесю,
Но не из Франции она, с Полесья.
Не может, чтоб любовь вот так пропала...
И я к первоисточнику припала.
Спасибо, автор! Ты послал надежду
Из ниточки дешёвых красных бус.
Пусть даже в мире есть ещё невежды,
Я больше за Олесю не боюсь.

А ю д м и л а

Д е с я т о в а

МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ДОЧЬ

Годы летят, дети вырастают, и то что было единым целым, преобразуется в несколько отдельных самоценных миров. Настало время и мне заглянуть в мир, в котором вращалась моя старшая дочь, давно вылетевшая из родного гнезда.

В детском письменном столе хранится целый мешок писем, помятых, запылённых, написанных разными почерками в разные годы из разных точек Советского Союза, а потом — из двух его осколков, России и Украины. Я знаю многих из авторов этих эпистолярных посланий, да и с дочерью часто встречаемся, и конечно мне известен духовный мир дочки, но известен в общем, приблизительно и отрывисто. Прочитав с разрешения хозяйки почти половину этих разномастных листочков, я увидела красивый молодой мир, наполненный чистой дружбой, высокими устремлениями, мощным интеллектом, любовным трепетом, философским отношением к происходящим в тёмные девяностые годы событиям.

Приятно и радостно было узнать, что орловские друзья видели в Ире надёжного, широко образованного человека, способного на собственную оценку, на инициативу, на сочувствие и моральную помощь, на героическое терпение в трудных условиях. Почти каждое письмо начинается словами: «Дорогая, хорошая наша, очень хочется с тобой пообщаться, с нетерпением ждал, (ждала) твоего ответа, очень скучаю без тебя, без всех наших».

Удивительно, каким образом в Орловском музучилище сложился такой тесный кружок молодёжи, слетевшейся из очень различных городов, сёл и семей! Очевидно, педагоги показали студентам, что в окружении всеобщей нищеты можно и нужно поддерживать факел высокой культуры, который сплотит, согреет и не даст

превратиться в зверей. А взаимопонимание и жизнь на одной и той же ноте даже позволит почувствовать счастье настоящей дружбы. За каждым письмом видится эмоционально наполненная творческая личность. Чем-то напоминает атмосферу незабвенного и непревзойдённого Царскосельского лица.

Но вот училище окончено, слёзы, красные дипломы, вокзалы, поезда, мучительные поиски своего места. Все — отдельно, встречи — редки, и многим показалось, что нечем дышать, что без каждодневных тусовок — как без воздуха. И тратились многие часы на писание многостраничных писем, на поиск слов, способных отразить смятение в душе как следствие неожиданного и невыносимого одиночества.

А какие имена упоминаются в этих письмах! Помимо всех великих композиторов и исполнителей — классики литературы Сенека, Данте, Шекспир, Пушкин, Державин, Тургенев, Булгаков. Цитируются Ахматова, Цветаева, Есенин, Пастернак, Антокольский и т.д. Видно, что книги занимают очень значительную часть внимания. Иногда кажется, что ожили тургеневские девушки, типичные для второй половины 19 века. И это — в начальном отрезке века 21-го!

Наверное, неизбежен был мой вопрос: а как сейчас складываются ваши отношения, спустя 20 лет?

Ответ дочери меня поверг в ступор:

— Никак. Андрей повесился в 22 года. Красавица Вика ушла в монастырь. Мой поклонник Егор стал батюшкой в каком-то храме. Девчонки, у которых сложились нормальные семьи, полностью погрузились в быт и не вспоминают не только о Сенеке, но и о своей музыкальной профессии. Хорошо устроились по профессии только те, кто смог зацепиться в Москве и те, кто воспользовался международными брачными агентствами и покинули родину.

Я сложила прочитанные письма в мешок и запихнула в долгий ящик. Может, когда-то, на старости лет, дочь о них вспомнит. Но шок от услышанного финала долго не покидал меня. Не так всё должно было быть у этой славной молодёжи!

«ТРУДНОЕ» СТИХОТВОРЕНИЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Предстояло библиотечное мероприятие в день рождения Марины Цветаевой. Я охотно начала перечитывать творчество великой русской женщины-поэта. И вот моё внимание приковал текст, который, помнится, в молодости я не могла дочитать до конца, так как спотыкалась буквально на каждой фразе первой строфы, неудобной для чтения — рваные безличные предложения на тему ушедшего в историю быта:

За девками доглядывать, не скис
Ли в жбане квас, оладьи не остыли ль
Да перстни пересчитывать, анис
Ссылая в узкогорлые бутылки.

Читая это, думаешь: что тут поэтичного и как представить себе это подобие многорукого Шивы, способного делать всё одновременно? Но заставила себя дважды продекламировать эти строки вслух. Кое-что уловила.

И дальше вслух:

Кудельную поправить бабке нить
Да ладаном курить по дому росным...

Уже вырисовывается в воображении образ заботливой хозяйки благополучного патриархального дома. А автор как бы заглядывает из-под руки в его большие окна и просто рассказывает то, что видит.

Но нарастает динамика рассказа. Сначала мы видим хозяйку в неутомимом движении по дому: то проверила,

строфа — кульминация поэтического звучания, читая которую, проливаешь слёзы умиления:

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой

Превосходная аллитерация — многократно повторенный звук Л и ни одного шипящего! И метафоры — на каждом шагу: облако дыма от ладана в углах постепенно приобретает вид узорной ризы. А в каких углах? Да в часовенке. Героиня стихотворения зашла в неё ненадолго и вышла во двор, иначе где бы она увидела:

И яблони, как ангелы, белы,
И голуби на них, как ладан, сизы.

Яблони в цвету ей показались похожими на ангелов, которые изображены в часовне, и птицы оказались того же цвета, что и ладанное облако. И здесь опять аллитерация, и образное изложение, и текучая мелодия каждого стиха.

Эту 4-ю строфу позднее я стала часто повторять, как молитву, которая заряжает меня высоким положительным настроением.

В последней, пятой, строфе уже на более спокойном эмоциональном уровне идёт рассказ ещё об одной героине:

И странница, прихлёбывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

Лежанка, ковшик, слушатели. Предполагаю, что главная героиня зашла, чтобы раздать подаяния, в приют для паломников и нищих, который имелся при каждом монастыре и соборе, и с интересом послушала сказ о Степане Разине, ставшем легендой русской истории.

Так «трудное» некогда произведение Марины Цветаевой стало моим любимым, и хочу привлечь к нему внимание всех читающих.

ГРИНОВСКИЙ СЛЕД

Худой, высокий, взглядом отстранённым
Он видел мачты странных кораблей
И слышал поутру на берегу сонном
Тяжёлый грохот золотых цепей.

Сверкала цепь, сиял восход далёкий,
Гремел оркестр, встречавший корабли.
Высокий Александр печальным оком
Измерил дали моря и земли.

Идём за ним, как будто бы вслепую,
По неизвестным странам и морям.
Что мы хотим, в обыденном бунтуя?
Что мы оставим будущим годам?

На берегу шифрованного Лисса
Мы ищем тайный и манящий след.
Мы ищем след, упорно след мы ищем
В туманной яви наших с вами лет...
Феодосия, 2016

НЕ ЗВОНЯТ, НЕ УЛЫБАЮТСЯ

То ли чайка, то ли курица
Раскудахталась в порту.
Постеснялась бы на улице
Каркать арию не ту.

Без тебя кудахтать есть кому,
Вон — на горке частный двор,
Где несёт кому-то местному
Женский голос грубый вздор.

А теперь под крик динамиков
Вдруг пролязгал тепловоз.
Железяка ты незванная,
Ты чего сюда приполз?

Что за день с утра горячечный:
Всё не так и не про то!
Вот уйду я в лес и спрячусь там,
И замру, как конь в пальто.

И никто не догадается,
Что в пальто не конь, а я.
Не звонят, не улыбаются.
Что ж ты так, судьба моя?
*В гостинице станции Феодосия,
с видом на порт*

ДИКАЯ КОБЫЛА

Между нами столько было
И хорошего, и зла,
Словно дикая кобыла
Нас по жизни пронесла.

Подгоняла я и била
И любила иногда
Эту дикую кобылу —
Улетевшие года.

ПЕСНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Знает, в доме она одна.
Страшно.
Ночь безудержна холодна.
Страж бы...

Чтобы душу её согрел
Мыслью,
Ночью двух одиноких тел
Близью.

Хоть желанья бы кто рождал,
Что ли,
И надеждами заседал
поле...

Но не быть тебе молодой
Дважды.
Заглушить бы любви простой
Жажду.

КОТЯРА

Благородной породы котяра
Зверски смел, хоть по-зверски избит.
В старом парке, с собакой на пару,
Он на мокрой картонке сидит.

Замахнись — он тебя обругает,
Зашипит, обнажая клыки.
Брось кусок ему, мимо шагая!
Он не пёс, он не будет — с руки...

Ф а у н а

Д е р у й

МОРКОВКА

Мама и Саша торопились домой. Уж очень разгулялся дождь. Даже под зонтом трудно не промокнуть. Вот так и получилось, что у Саши и у мамы брюки внизу были совершенно мокрыми. Но вот и подъезд. Перед ним арка с диким виноградом. Красиво! Жёлтые, зелёные, огненно-красные листья покрыли всю поверхность, свисали как лианы вниз по бокам. В любую погоду эту красоту было видно издалека. «Ой, надо же! Куда ты забралась?» — неожиданно почти крикнула мама. Она смотрела в сторону подвала. «Морковка! — опять позвала мама, и улыбнулась. Саша посмотрел, куда смотрела мама. «А где морковка?» — тянул мамину куртку сын, а сам продолжал искать глазами. Ему уже четыре года. Он знал, что морковка растёт на огороде. У неё из зелёной травки есть хвостик. Мама сказала, что морковка забралась куда-то. Она что — живая? У воспитательницы Инны Ивановны морковка нарисована с ручками и ножками. Она у неё с глазами, с руками и даже с зонтом. Инна Ивановна рисовала морковку и говорила перед этим, что сейчас морковка пошутит с ними. Дети смеялись все вместе, потому что нарисованная морковка бежала, плакала, сидела, и зелёный хвостик был на головке волосами. Инна Ивановна, она многое умеет. Саша искал именно такую морковку. Он понял, что мама видит её и даже разговаривает. «Мама, а морковка с зонтом? — спросил он. «Да, что-то вроде этого», — отвечала мама. «Она! — подумал Саша. — А я-то думал, что Инна Ивановна шутила». Он задумался. Маленькие бровки сошлись над переносицей, ну совсем как взрослый. «Да где же она? Я её почему-то не вижу. Мама, где морковка? Ты её видишь? — спросил он нетерпеливо. «Ви-

дела, — вернее сказать» — отвечала мама. «А сейчас виден только хвостик, и то не весь, а только кончик. «А хвостик у неё зелёный. Я знаю», — сказал Саша. «Почему зелёный? — с удивлением спросила мама и взглянула на Сашу. «Да потому что это же морковка. — Саша тоже удивлённо смотрел на маму. — Ты что, мамочка, не знаешь, что у морковки всегда зелёный хвостик?» «Постой, постой. Ты о какой морковке говоришь?» Мама только сейчас поняла, что сын говорил ей совсем о другом и рассмеялась так весело, что и Саше захотелось посмеяться вместе с ней. А мама повесила зонт и сумку на ручку дверей подъезда и, взяв сына за руку, повела его на край крыльца, туда, где было окно в подвал. На краю подвального выступа лежала на боку кастрюля старая и тёмная. В ней сидела кошка. Она сливалась в тёмной кастрюле с её цветом и были видны только зелёные огоньки глаз, когда удавалось заставить её повернуться в их сторону. Они сияли, как два зелёных фонарика. А кончик хвостика почему-то был на улице.

«Вот и дождь закончился», — промолвила мама. Смотри, как быстро двигаются тучи. Стало светлее». Но Саша смотрел на кошечку. Ему захотелось погладить её по головке, по спинке. Она сидела там неподвижно и совсем не обращала внимания ни на Сашу, ни на маму. Кошечка казалась Саше такой маленькой. Было жалко, что она одна на улице под дождём, да ещё в такой грязной кастрюле. «Ну всё, сынок, пошли домой». Саша шагал за мамой по ступеням и думал: «У дедушки Кости тоже есть кот Васька. У него два блюдца. Одно — для молока, а другое для мяса или рыбы. Васька часто спит на плече у дедушки. Дедушка ему разрешает. Похлопает по плечу рукой, а сам на Ваську смотрит. Васька — прыг к дедушке на плечо и сидит. Дедушка газету читает, а Васька спит. Да ещё как крепко. Глаза так зажмурит и спит. Даже когда его зовут, он не хочет открывать глаза.

Ваську все любят. А он некрасивый, будто грязный. Иногда дедушке говорят: «Чего вы его не искупаете?» Дедушка улыбается. Махнёт рукой и говорит: «Он такой есть». Все удивляются.

«А эта кошечка какого цвета, мама? Чёрная?» «Нет, дымчатая. Это не серая и не синяя, и не голубая. Вот так...» «Дымка! Дымка! Я бы её Дымкой назвал». Саша задумался «А где она живёт?» «Да в нашем подъезде. Вот ознакомишься со всеми и всё будешь знать, друзей найдёшь». Мама прижала сына, потом потрепала за чубчик. «Эта кошечка очень ласковая, и всех любит. Ко всем в гости может прийти». «Ой, мамочка, пусть она к нам придёт, а? ну, разреши, пожалуйста». «Саша. Если кошечка чья-то, то она и должна жить там, где её хозяин. Ей должно быть там хорошо, тепло. Она с удовольствием должна приходить в этот уголок, где у неё есть где отдохнуть и что поесть. «Ма-а-ма», — стал умолять Саша, остановившись на лестничной площадке. Мама смотрела на сына и не знала, как поступить. «У нас же нет кошечки», — продолжал Саша. «Но ты же знаешь, сыночек, что мы часто уезжаем, и кому же мы будем её отдавать?» — в свою очередь задала вопрос мама. «Ну хорошо. Ты только один разпусти и... всё. Я больше не буду просить», — сказал спокойно Саша. «Я верю тебе, сыночка. Ты больше не будешь просить, но ей у тебя понравится, и она будет проситься к тебе. Вот ведь как может получиться». Мама так серьёзно смотрела на Сашу, что он понял: видимо, так делать нельзя. «А ты ей можешь вынести молока и поставить около её квартиры. Так её подкармливают в нашем подъезде. «А хозяин её не кормит?» — Саша вопросительно поднял на маму глаза. «Да не совсем так, сынок. Там живут взрослые дети. Они учатся. Иногда уезжают, и их долго нет. Вот тогда её в подъезде нашем все подкармливают. «А

можно я ей молока отнесу? — глаза Саши сияли искорками радости. «Можно», — тихо и спокойно ответила мама, и улыбнулась. Она обняла его, и оба довольные пошли выше, на свой этаж. «Мама, а можно прямо сейчас?» — сын пытливо посмотрел на маму. Она подмигнула ему и оба, засмеялись. «Можно, можно и можно», — был ответ. Саша радостно вошёл в открытую перед ним дверь. Остановился у стенки, привалился к ней. Мама, повесив одежду, поставила сапоги под батарею на газету. «Какие мокрые» — говорила мама. «Снимай, Сашенька, сапожки и поставим их тоже вот сюда». «Нет. Я не хочу. Я пойду к этой кошечке. Понесу ей молока, а потом...» «Саша, к кошечке ты оденешь другую обувь, а сапожки надо высушить». «Я понял, мама, — Саша стал торопливо снимать сапожки. — Я сам поставлю», — заявил он. «Хорошо», — согласилась мама. Он поставил свои сапожки рядом с мамиными. Внимательно посмотрел на свои и на мамины. Его сапожки были такими маленькими по сравнению с мамиными. Это просто моя мама высокая, а папа — ещё выше. Он — ого-го-о какой! Саша машинально поднял вверх руку, как бы показывая какой у него папа, высокий. Он долго искал крючок на вешалке. Для него специально был внизу маленький крючок. Саша самостоятельно вешал свою куртку. Вот, наконец-то нашёл. «Всё! Я готов! — крикнул Саша маме в комнату, куда она прошла. «Сейчас, сейчас», — отозвалась мама. Подогрели молока, нашли баночку из-под творога, налили в неё. «Хоть бы нам её найти», — задумчиво произнесла мама. Она может куда-нибудь убежать. Спустились вниз. К счастью, кошечка там и сидела. «Надо же! Всё ещё сидит в этой кастрюле! И откуда эта кастрюля, да ещё такая большая и грязная. Ну, зови!» «А как? — Саша вопросительно смотрел на маму. «Тебе пятый год, а ты не знаешь, как звать кошку?» — мама смеялась. «Знаю, знаю», — Саша весело хмыкнул,

и стал громко звать: «Ки-с-с! Ки-с-с! Ки-с-с!» — никакого ответа не было. Кошка как лежала, так и продолжала лежать. «Давай позовём её по имени», — предложила мама. «Морковка! Морковка! На! На! На!» — враз стали звать и мама, и сын. Результат тот же. Даже не повернулась. Мама подошла поближе к кошке. Чашку с молоком поднесла прямо к мордочке. Позвала ещё раз. Кошечка лениво вышла из кастрюли, потянувшись, зевнула и только тогда подошла к поставленной чашке с молоком. Медленно опустила голову к чашке, лакнула раза два, замерла, как бы оценивая вкус, а затем стала есть. «Вот ты какая! — оба враз опять сказали мама с сыном. «Почему бы это? — подумала мама. — Может, плохо слышит?» — но бросив взгляд в кастрюлю, поняла. В кастрюле лежала меховая шкурка. Хотя она уже не имела того вида, что раньше, но зато сохраняла тепло. Крепко и сладко спала на ней Морковка. Саша смотрел на кошечку, на её красненький тоненький язычок. Иногда она останавливалась, закрывала глаза. Отдыхала? Старательно облизав рот, стала лизать язычком грудь. «Мама, а чего у неё такие бока? Это от того, что она поела? «Это у неё морковки в животике», — ответила мама и присела, чтобы погладить кошечку. А тут и Саша осмелел, стал гладить её по спинке, по голове. Морковка от удовольствия закрывала глаза, тёрлась головой о колени Саши, выгибала спинку, поднимала хвост трубой. «Ой, мама, она разговаривает с нами?» — спросил он, улыбаясь. Глазки его были прищурены. Он чувствовал себя к ней другом. Кошечка была для него существом, которому он хотел помочь, с которым мог поговорить, поиграть. «Это она так поёт нам свою песенку за наше внимание к ней. Мурлычет. Гладь её смелее, не бойся. Она добрая». Саша гладил и смотрел какая красивая у неё шёрстка. Вся она какая-то особенная, мягкая, а главное — похожа на живую игрушку. Он впервые гладил

такую кошечку. У дедушки Васька царапается, а в садике не особо раз-решали, гладить Барона. Да и Саша его побаивался, глядя как он расправляется с рыбой. А эта Морковка! У неё такие зелёные глаза! «Мама, мама! Смотри, она прямо мне в глаза смотрит!» «Ну вот и познакомились», — сказала мама. «Пойдём, сынулька. Скоро папа придёт. Кушать надо готовить, а тебе стихотворение к утреннику учить». Саше уходить не хотелось. А Морковка тёрлась мордочкой о Сашины ноги, ушками, лобиком. «Ладно. Я с то-бой ещё увижусь», — сказал серьёзно Саша. «Доедай молоко и отдыхай. Каждый будет делать своё дело. Пока-пока!» — он помахал ей одними пальчиками руки и быстро пошёл к лестнице.

Всю неделю Саша носил Морковке пищу. Он познакомился с её хозяйкой — черноглазой и черноволосой девушкой. Она была небольшого роста, худенькая и походила больше на подростка. «Зови меня тётя Света», — сказала она и Саша был доволен — он приобретал друзей, как говорила мама. Сегодня он был по-особенному счастлив. Когда он шёл, чтобы положить для Морковки пищу в чашку, что стояла у дверей, то увидел тётю Свету. Она улыбнулась Саше и её чёрные глаза стали как полуприкрытые щёлочки. «Ты к Морковке? Хочешь, зайди. Посмотришь какие у неё котятки появились». Саша с радостью согласился, и вошёл в квартиру. В коридоре стояла огромная чашка. В ней лежало много тряпок, а на них восседала Морковка. Около неё были малюсенькие детки-кошечки. Морковка всё время лизала их язычком. «Это она их моет», — объяснила тётя Света. «Какие они смешные! Они даже встать не могут. А лапки слабенькие и совсем бессильные», — умилённо говорил Саша. «А почему у них закрыты глазки? — удивился он. — Спят?» «А ты приходи через две недели и тогда увидишь их глазки».

К себе в квартиру Саша бежал бегом. Только открыл дверь и громко крикнул маме, которая была в комнате: «Мама, а у Морковки котятки. Два чёрненьких, а один как сама Морковка. Совсем как она, только уж очень малюсенький. Они все как игрушечки. Я их лапки трогал!» — в его глазах, в лице было столько восторга, что можно было только улыбнуться, глядя на него.

Через две недели Саша спустился из своей квартиры вниз, чтобы положить очередную порцию пищи для Морковки в чашку, что стояла у дверей квартиры тёти Светы. Саше очень хотелось войти к ней и посмотреть на маленьких котят, да и на Морковку тоже, но звонок был расположен высоко, не достать. Саша стоял и ждал — вдруг тётя Света выйдет. Он смотрел на маленьких две рыбёшки, что лежали на бумажной салфетке около Морковкиной чашки. «Не я только кормлю. Кто-то ещё жалеет кошечку», — думал мальчик. Вдруг он услышал шаги. Кто-то шёл по лестнице. «Может сюда придёт, тогда я попрошу его позвонить». Саша с нетерпением ждал: «Кто же это так медленно идёт?» — наконец появился мужчина. Он был толстый, с большим животом, с тросточкой. На его голове был на бок сдвинут берет, волосы седые и длинные выставлялись из-под берета. Куртка расстёгнута. Он тяжело дышал. Увидев Сашу, он спросил: «Подкармливаешь? Молодец. Значит тебе не безразлично, когда наши собратья голодают». Когда он говорил, его брови — широкие и короткие, двигались, а глаза были добрые. «А вы можете позвонить? Я ещё не достаю до звонка. «А-а, конечно, конечно. Для тебя, друг, я всё сделаю. Ты мне нравишься. Я вас с мамой видел, как вы ворон кормили и голубей, а на море чаек. Это хорошо. Мо-ло-дец!» — он ласково потрепал голову Саши и нажал кнопку звонка. «А меня зовут дядя Саша. «Ой, а я тоже — Саша», — с щедрой улыбкой и широко открытыми глазами удивлённо ответил Саша. «Ну вот и

добро». Дядя Саша стал подниматься вверх по лестнице. «Спасибо вам! — спохватился Саша. Но мужчина ничего не ответил. — Жаль, не услышал», — уже тихо сказал мальчик.

Открылась дверь. Тётя Света в ярком цветном, длинном халате стояла перед Сашей. Чёрные волосы были распущены по плечам, и переливались синевой. «А-а! Это ты? Заходи! — она забрала всю пищу, что была у дверей и положила на большую тарелку, которая стояла у стола на кухне. Подошла к Саше. — Пойдём. Смотри наших маленьких». Они вместе присели около чашки, где лежала Морковка, а возле неё, упираясь лапками в её живот, лежали трое её котят. «Они подросли!» — заметил с восхищением Саша. «Ты попал на завтрак», — смеялась тётя Света. Морковка лежала с закрытыми глазами. Иногда она открывала то один, то другой глаз и опять погружалась в дремоту. Она ни на кого не обращала внимания. «Они долго будут есть? А я так хотел у них глазки посмотреть». На лице Саши было разочарование, но тётя Света успокоила: «Я тебе покажу их глазки». Она взяла одного из котят. Он запищал тоненьким голосочком. Лапки его задвигались — он крутил головой то в одну, то в другую стороны, весь напрягался, а глаза, как две бусинки блестели, и Саша не мог понять какого они цвета: или чёрные, или синие. Он был уже не такой, как тогда, когда их впервые увидел Саша. Шёрстка подросла и даже хвостик был немного пушистый. «Ой, какой же он смешной. Они все теперь будут жить у вас?» «Что ты, Саша. Я их уже подарила. Двоих. Третьего кто-нибудь возьмёт. Вон того, что похож на Морковку. «Жаль, — серьёзно сказал Саша. — Мы не можем взять, — часто уезжаем. Мама не соглашается, а я её просил...» «Ничего, Саша. А может ты сможешь устроить нашего последнего?» — неожиданно спросила тётя Света. «Я подумаю», — и Саша действительно стал

думать, поднимаясь к своей квартире и у мамы спрашивал: «У тебя, мамочка, есть добрые друзья, чтобы им котёночка подарить?» Мама улыбалась. «А ты не спеши» — как говорит тебе всегда папа. Всё решится, если ты... что задумал?» Мама смотрела в глаза сына. Сама улыбнулась и сказала громко: «Доброе. Вот именно», — заключила мама. На следующий день в саду уже все знали о котёнке, которому нужен добрый хозяин, и такой хозяин нашёлся. Это были родители Ромы, что был в одной группе с Сашей. Саша с гордостью и осторожно принёс на следующий день малыша-котёнка. Он нёс его в капюшоне от своей куртки, а ещё котёнка положили в пуховый тёплый старый носок. Его уже давно никто не носил, а котёнку в нём тепло.

* * *

Не обижайте матерей.
Как бескорыстна мать в любви!
Не торопись уйти скорей,
Самой любимой назови.
И сердце отогрей её,
Ты для неё как свет души.
Как можно чаще будь вдвоём.
С ней все дни жизни хороши.
Ещё при жизни дай понять,
Что будет счастлива с тобой.
Попробуй всю любовь отдать —
Не будет матери другой.

* * *

Мы все идём из года в год
Путём доверия и мира.
Любовь прекрасна у Шекспира,
А в жизни, вдруг, наоборот.
Где правда, ложь?
Попробуй знать...
Всё неожиданно смешалось.
А что же чистое осталось?
Ответ лишь сердце может дать.

* * *

Заливает светом день-деньской
Мои окна в малой комнатухе.
Луг цветов на диво расписной
Вскармливает вновь земля-старушка.
Кто- же постарался расписать
Каждую былинку и цветочек?
Кто же столько красок смог создать,
Каждый куст украсил, уголочек?
Почему есть горы и холмы?
Почему вода прохладна в реках?
Почему мы на Земле должны
Жить и называться человеком?

А л е к с а н д р а

С и н е г л а з о в а

ПАПА. ПАПОЧКА. ПАПУЛЯ

Как много лет я уже живу на Земле, но самым тёплым воспоминанием, согревающим душу — это детство и наши с папой зимние вечера.

Мы жили в Альметьевске, переехали туда из Белоруссии. Сначала жили в бараке, но постепенно папа построил деревянный дом из брёвен своими руками. Он по профессии был столяр и умел делать из дерева всё, даже мебель у нас была из натуральных досок.

В доме был запах дерева — это нам казалось нормальным и обычным, ничего особенного мы в этом не видели. А вот сейчас — вся мебель из прессованных опилок на формальдегидной смоле — губительно для здоровья.

Дома в веранде папа сделал свою столярную мастерскую, где пилил, строгал доски и собирал мебель. Там всегда было много стружек. От них очень приятно пахло, они были закручены как серпантин, и мы с братом играли с ними, обматывая себя. Мы фантазировали, придумывая различные игры и впитывали в себя удивительный запах дерева, леса... Спасибо тебе папочка за наше чистое незамутнённое химией детство.

Вначале дом отапливался дровами. Я любила в тёмной комнате садиться рядом с папой у печки, в которую он периодически подбрасывал поленья. Смотрела на языки пламени, от них становилось светлее, дрова потрескивали. Пахло деревом.

Папа рассказывал мне о своём детстве в Белоруссии. Как учился в школе на польском языке — до 1939 года Западная Белоруссия являлась Польской территорией. Только в 1939 году её присоединили к Советскому Союзу. И папу, 19 летнего юношу, сразу забрали в

Красную Армию, как там говорили. И началась война с Финляндией. Потом с Германией. Так закончилась мирная жизнь для моего папочки. Позже папа попал в плен и после войны их, бывших военнопленных, отправили на шахты. Только в 1948 году папа смог вернуться в Белоруссию, когда уже я родилась в г. Сталинске в Сибири.

В 1974 году папы не стало... А в 1986 году мы всей семьёй переехали жить в Крым в г. Керчь. Мне всегда в паспорте место рождения писали г. Новокузнецк, и вот только в 2014 году после возвращения Крыма в Россию мне написали название города, где я родилась из свидетельства о рождении — Сталинск.

У папы образование было — только начальная школа на польском языке. Но он был по природе творческим человеком — любил слушать скрипку, читал стихи. А пословицы и поговорки сыпались как из рога изобилия. Как он всё запоминал? Ума не приложу. Очень жалею, что тогда ничего за ним не записала.

Как трепетно папа любил свою Белоруссию. Всегда, когда ездил туда в отпуск привозил спичечный коробок белорусской земли и сберегал листочки из отрывного календаря тех дней, когда был на Родине. Всё это он хранил в своём ящичке в комод, который сделал своими «золотыми руками», как о папе все говорили...

24 апреля 1974 года папа умер от тяжёлой болезни, связанной с онкологией.

Когда у него ещё были силы, он разговаривал со мной и сказал, что он много сделал в жизни ошибок и спокойно ждал смерти. Вспоминал войну, как хотелось дожить до победы, потом жениться и нарожать детей. И он был этим счастлив, что дожил до победы, что родил троих детей — двух дочерей и сына. Он очень хотел жить! Наказывал мне учиться и обязательно закончить институт. Папа был бы мной доволен, хотя я тоже наделала много в жизни ошибок, но ничего исправить уже нельзя.

В 1981 году мы с дочкой поехали в Белоруссию на папину Родину, тогда ещё была жива его мама, которая родила четырёх сыновей всех похоронила, мужа тоже и жила одна. И умерла, как ангелочек — вечером помылась, постелила чистую постель, одела чистое бельё, а утром уже её не стало...

Из Белоруссии я привезла для папы спичечный коробок Белорусской земли и в тот же день побежала к нему на кладбище и посыпала этой землёй его могилку.

Но самое странное, что в поезде перед станцией Бугульма, где мне надо было выходить, увидела сон, как папа сидит и ждёт, когда же я принесу ему эту землю...

Когда не стало папы, то всё в нашей семье пошло не так, как хотелось...

А ему оставалось всего полгода до пенсии, и мы собирались уехать жить в Белоруссию. Папа присмотрел там город и приценивался к покупке дома, но...

Прошли годы, мне уже 68 лет, жизнь уже, собственно, прожита, но всегда с теплотой и любовью вспоминаю моего удивительного папочку. Сколько в жизни пришлось ему испытать, выдержать, а он не стал пить, не стал курить — трепетно любил свою Родину и дорожил своей семьёй!

9 мая 2016 года моя племянница прошла в Москве по Красной площади в колонне Бессмертного полка и пронесла портрет своего дедушки — моего папочки. Так его душа в одном полку с ушедшими побывала в Москве!

Вечная Слава Защитникам Отечества! Эта акция достойная память о них!

Р. С. Папины придумки.

1. Когда мы были с братом маленькими, папа радовал нас неожиданными подарками. Возвращаясь с работы, он рассказывал нам, что в лесу ему встретилась лисичка и сказала ему, что она знает, что у него есть дети и просила передать ему нам подарок. Это были кусочек чёрствого хлеба и остаток сладкого чая в бутылке. Мы с братом радовались и с удовольствием доедали эти нехитрые продукты. И были счастливы, что о нас вспомнила лисичка. Ну и фантазёр же наш папочка!

2. А когда появилась младшая сестрёнка, которая была почти на 12 лет меня моложе, то папа всегда с полочки приносил ей шоколадку. Мы все её очень любили и гордились перед детворой, что у нас есть маленькая сестричка!

3. Вскоре мы подросли и разъехались с братом и осталась с родителями только сестрёнка. Она с нежностью вспоминает, как папа перед сном всегда подходил к ней и говорил: «Дай-ка я тебя у маковку поцелую!» Целовал её в макушку, и она спокойно засыпала.

Много нежности и радостных минут дарил нам наш папа, они остались навечно в нашей памяти. Но и строгим был. Мы знали, что можно делать, а чего нельзя, но бывало и шалили... доставалось...

P.P.S.

1. Мама умерла день в день, как и папа, только ровно через 36 лет — тоже 24 апреля, 2010 года. Странное совпадение. Как это понимать?

2. Мне всё время кажется, нет, я чувствую, что мой сын, который родился, когда уже не было папы, — это мой папочка вернулся на землю в теле моего Андрея и прожил неровных 23 года... Наверно, это года, которые должен был папа ещё прожить на Земле... Они так похожи с папой духовно, хотя никогда не виделись и все стихи Андрея пронизаны необыкновенной нежностью и печалью, каким был мой папочка!

В нашей семье только папа и Андрей были вот такими высоко духовными. Люблю вас! Мои дорогие, так рано ушедшие от меня... вернее, от нас...

А н г р е й

С и н е г л а з о в

(1980 – 2003)

ДОМОЙ!

Звёзды сияют над головой,
Под парусами идём мы домой,
Снасти гудят от воздушной волны,
В кубриках тёмных кружатся сны,
Чёрные волны пляшут с Луной
Скоро, мой город, встречусь с тобой!

* * *

В небе холодном,
Где-то вдали,
Падает в вечность
Странник с Земли.
Ищет звезду он,
Но не найдёт.
Снова один
По карнизу бредёт.
Господи Боже,
Кем же я стал?
Вместо звезды
Выбрал металл.

* * *

Вот огонь,
Вот вода,
Вот и я.
Так всегда.
Между двух
Островов
Вечный пленник
Оков.
Я иду
В никуда
Я один
Как всегда.

ФАКЕЛ

Лечу я во тьме
И падаю в ад,
Забудь обо мне,
Я жизни не рад.
С небес сам не свой
Лечу и кричу,
Когда же с тобой,
Спою и молчу.
Как алый цветок
Горячая кровь
Тебе я не смог
Сказать про любовь.
Вот сердце горит,
Скорей раздави!
Я ей не сказал
О вечной любви.

* * *

Я создам чудо-мир,
Что не ведает зла.
Где сплетёмся мы в два
Неразлучных узла.
Докажу я любовь,
Как горю я в огне,
Подарив свою кровь,
Что играет во мне.
Подарю тебе мир,
Где мы будем вдвоём,
Где любви вечный пир,
Я мечтаю о нём.
Счастье вижу во сне,
В жизни я не с тобой.
Я пою о весне,
Что мне делать с собой?

НЕ ПОНИМАЮ

Не понимаю этот мир,
Такой зелёно-голубой.
И небо — вечности факир,
Что плащ из звёзд сорвёт рукой.
Не понимаю знойный день,
И дождь, и слякоть, и грозу.
И осуждаю свою лень,
Когда стихи я не пишу.
Не понимаю белый свет,
Но правда, вдруг, блеснёт слепя, —
На самом деле столько лет
Не понимаю сам себя.

* * *

Я бы хотел научиться летать,
Только не знаю, как начать.
Взмыл бы я в небо, облаком став,
Крылья над грешной землёй распластав.
Долго парил бы, счастья искал,
А недоело, — на землю б упал
Белым сияньем, снегом шальным,
В море сбежал бы ручьём заводным.
Вот я сижу и мараю тетрадь,
Думая, как бы мне облаком стать.

* * *

Я хочу написать здесь прегрустный стих,
Про моих палачей и про судей моих.
Я хочу написать здесь про тех людей,
Что лишили меня и судьбы, и друзей.
Я хочу написать про темницу мук,
Про решетку стальную и сломанный сук...

Е л е н а

Л у ч е в а

ПРИВЕТСТВИЕ КРЫМУ

А. С. Пушкину

Берег старый, берег Крымский,
Берег древний и седой, —
За плечами путь не близкий...
Вот и встретились с тобой!
И свободная стихия,
 как и много лет назад
Вновь мне душу окрыляет
 и притягивает взгляд
И у чувств своих в плененье,
Словно чайка на ветру,
Я в полёте вдохновенья
Всё парю, парю, парю...

ОСЕНЬ

Осень, рыжая, лохматая,
Как девчонка непослушная,
Озорная, конопатая,
С ветерком, морозцем дружная.
Ах, проказница бесстыжая,
Разгулялась не на славушку —
Всех одела в шубы рыжие,
Покосила зелень-травушку,
Заманила лето красное
Она в чащи буреломные
И пришла пора ненастная,
И настали ночи тёмные...

ДРУЗЬЯ

А мои друзья — вы:
Чудаковатый народ поэтический,
Чуждый всякой молвы,
Романтический и лирический.

По жизни вечно одна,
Вечно — ворона белая,
Теперь в своей стае я —
Подраненная, но смелая!

К вам как на праздник иду,
Лица радостью светятся, —
Всю забываю беду,
Счастлива с вами встретиться!

О ЛЮБВИ

Единство глаз, единство губ,
Сиянье душ, сплетенье рук —
Восторг любви, восторг живой:
Прекрасно всё, что есть тобой!

Не обмани, не обмани
И ветвь любви не обломи,
Хрустальный замок не разрушь,
Обереги единство душ!

МАМА УЕХАЛА

В моём окне старушки нет,
Печалью сердце мою студит:
Теперь в далёкой стороне
Она за дочь молиться будет.
И сразу опустел мой дом,
И сердце сиротливо сжалось...
Придётся ль свидеться потом? —
Ведь мало ей уже осталось...

О МАМЕ

Ты глядишь на меня, родная,
С фотокарточки в доме отдыха.
Твоё платье в горошек скромное,
И сама ты добрая-добрая.
Вот волос густых завиток —
Седина здесь и там пробивается.
Лишь взгляну на тебя разок —
Всё хорошее вспоминается.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Вновь соткалось паутинкой бабье лето
Тёплым солнышком земля ещё согрета
Лес зелёный — свой убор ещё не сбросил,
Но уже стучится в двери злата осень

Осень жизни, ты давно уж на пороге,
И волнуют душу-сердце хмарь тревоги.
Но с тобою мы грустить не будем долго:
Нет в хандре осенней никакого толка!

Если живы если вместе — уже радость
Человеку ведь для счастья нужно малость —
Чтоб горел очаг и дома его ждали
И делили вместе радость и печали!

СКАЗ О ПОТЕРЯННОМ СЫНЕ

Он встал в 6 утра, надел рюкзачок, сказал бодренько гостившему у него отцу «Береги дом, батя!» И ушёл навсегда.

У него был необыкновенный дом — дача в живописнейшем месте горного Крыма в посёлке Мраморное, что под Чатыр-Дагом. Без сожаления он променял свою квартиру в большом городе на этот вагончик с двумя крошечными комнатками, который был надстроен вторым этажом, откуда открывался великолепный вид.

Выросший в городской квартире, здесь он рубил дрова, чтобы топить печь и таскал из родника воду, но был безмерно счастлив своим уединением с природой — здесь был воздух, который был как вода из родника, а вокруг тишина и покой, нарушаемые лишь пением птиц, ведь домик стоял прямо в лесу, вдали от всех.

Здесь было таинственное Чатырдагское плато, на котором он так любил подолгу лежать, впитывая энергетику гор и мечтая о чём-то своём. Здесь был волшебный лес с его неприхотливыми дарами.

Здесь, полный любви к Крыму, к родной земле, он написал такие проникновенные и грустные стихи:

С поклоном к матушке земле
Пришёл просить прощенья,
Что предпочёл ею дарам
Другие угощенья.
Росой заплакала земля,
Рассвет встречая со слезами,
С оврагов смотрит на меня
Тоскливо козьими глазами —
Её утру ногой босой,
Иду туда, где за холмами
Трава не скошена косой,
Туда, где улицы с домами
Не выстроены нами...

И вот прошло долгих 4 года... долгих и мучительных 4 года, как он ушёл и не вернулся, пропал без вести. Я искала повсюду — по друзьям, монастырям, больницам — давала объявления и по местному телеканалу о розыске Фёдорова Артёма с его фотографией и описанием внешности. Были и звонки, причём местные, из Керчи, люди говорили, что видели похожего парня на улицах нашего города — сердце моё тогда обмирало от радости, — но ведь это было сущей нелепицей: быть в Керчи и не зайти к матери?..

Я жила тогда на Пошивальникова недалеко от небольшого пляжа со смешным названием Черепашка и часто ходила к морю. И в этот день я, как обычно, шла к водной глади, когда вдруг, ещё вдалеке, на берегу увидела знакомый силуэт! На песке, по-турецки скрестив ноги, с рюкзаком за спиной лицом к морю сидел он, мой пропавший сын! Эти родные худенькие, но широкие

плечи, до боли знакомый каштановый растрёпанный хвост волос — всё — он!

Вокруг — никого. На ватных ногах, ошалеv от увиденного и твердя про себя «так не бывает!», медленно об-хожу сидящего парня и буквально впиваюсь в его лицо горящими и, наверно, безумными глазами — те же шикарные соболиные брови, почти сходящиеся на переносице, огромные карие глаза, тот же длинный и тонкий нос, губы... — нет, не он... как похож... нет, не он... — оборвалось сердце.

Парень недоуменно смотрел на меня: что это за ошалеvшая тётка, что ей нужно от него, а я всё медлила, не уходила, жадно впитывала в себя такое похожее, дорогое лицо — «нет, не он...» — стонало сердце, рыдала душа.

Поэзия бардов

Валентина

Славина

* * *

Я не люблю причёски и укладки...
Люблю, чтоб ветер волосы трепал!
И бесконечность троп, и дикость скал,
И не мечтаю я о жизни сладкой.

Мне тесно в четырёх стенах квартиры,
Не принимаю я покой диванный!
И как сравнить лесную речку — с ванной?
Высотный дом — с высотами Памира?

А мне твердят: «Пора уgomониться...»
Но это все — пустые разговоры!
Пусть говорят: «Тебе уж сорок скоро»,
А я отвечу: «Нет, всего лишь тридцать!»

* * *

Пересеклись пути у нас —
К добру ли, к худу?
Быть может мне в последний раз
Поверить в чудо...
И дверь открыть,
И в дом впустить,
И вновь любить,
Счастливой быть...
Что было до тебя — забыть.
Судьбы мне не отворотить...
Я и не буду.
Как знать мне — счастье ли, семь бед
Стоят за дверью?

Я много долгих зим и лет
Жила в неверье...
За счастьем вслед —
На яркий свет
И на семь бед —
Один ответ!
Сказать мне «да», а может «нет»?
Никто не может дать совет...
Открою дверь я.
Пересеклись пути у нас —
К чему сомненья?
Хочу быть счастлива — сейчас!
Хоть на мгновенье...

* * *

Скажи мне, что любишь.
Солги. Я поверю.
Навек позабуду
О прошлых потерях.
Мне это как воздух
Необходимо —
Знать то, что я только
Тобою любима...
Пусть вместе нам быть
Удаётся не часто,
Пусть горьким
Последнее выпало счастье...
С твоею любовью
Я все одолею.
Скажи мне, что любишь!
Солги. Я поверю...

* * *

Дочь небес — узорчатая льдинка
Опустилась на ладонь мою.
По её подобию снежинку
Из бумаги белой я крою.
Тонок лист и ножницы отточены —
Нежное выходит кружевьё.
Только получают не точными
Копии бумажные её.

* * *

Время торопится, идёт...
Остановить его никто не может.
И приближается Новый год,
А Старый — дни прожитые итожит.
Но как узнать, что ждёт нас впереди,
Хоть всех одно извечное тревожит:
Как черных дней не встретить на пути,
А счастье светлых дней умножить?
 Под бой часов бокалов звон сольётся
 И как пророчат нам календари
 Пусть неудача — в прошлом остаётся...
 Год Новый, — новым счастьем одари!
Согласна я чудачества любые
Исполнить...
 ни к чему судьбу гневить!
Чтоб только люди все мои родные
Могли счастливо
 этот год
 прожить!

* * *

Не бывает суши без моря,
Не бывает счастья без горя,
Не приходит без утра вечер,
Без разлуки не будет встречи.
В мире нет без рождения смерти...
А ещё, верьте или не верьте,
Убеждаюсь я год от года —
Не бывает
 без дёгтя
 мёда...

* * *

Сто забот легло на плечи
В ожидании гостей!
Делом занят каждый вечер,
Я считаю дни до встречи
С милой доченькой своей
С той поры, как мы в разлуке,
В доме холод, уют...
Стынет сердце, мысли, руки,
Посерело все от скуки,
Будто здесь и не живут...
 Скоро встречусь я с тобою,
 Разобью тоски печать!
 Все отчищу и отмою...
 Снова заживём семье —
 Будет некогда скучать.
Сто забот легло на плечи...
А на сердце — сто тревог...
Бога я молю и свечи
Зажигаю, чтобы легче
Был твой путь
 на мой порог...

* * *

Маленькие яркие осколки

В белых лепестках,

как в облаках...

Будто солнышки на ножках тонких

Выросли на сказочных лугах...

Ах, ромашки, —

жёлтые мордашки,

Пышные жабо воротничков...

Разве есть на свете что-то краше

Этих скромных полевых цветов...

* * *

Вот и снова я одна

И в квартире тишина.

Ночь длинна и холодна...

Спать не хочется.

Было дел — неупророт,

Уставала от забот.

Все разъехались...

И ВОТ —

Одиночество.

Не с кем мне поговорить,

Душу некому излить,

Даже снова полюбить

Мне не хочется.

Видно мой удел таков —

До седых дожив висков,

Телефонных ждуть звонков

В одиночестве...

СЕНТЯБРЬ В КРЫМУ...

Сентябрь в Крыму — четвёртый месяц лета...
Горяч песок, прохладой дышит море...
Искать не стоит осени приметы —
Появятся они ещё не скоро...
Здесь в сентябре Природа отдыхает
От зноя летнего, от пыли суховеев...
Дождями жадно жажду утоляя
Уставшие поля зазеленели...
И влагой щедрою умывшись вдоволь
Листву пожухлую расправили деревья —
Лучей тепло лоя в свои ладони,
В любовь коварной Осени поверя...
Шутя взъерошил ветер вербе косы —
В них нет ещё на золото намёка...
Мерцают в травах утренние росы...
Сентябрь в Крыму...

к чему грустить до срока?
Прохладны ночи... дни теплы — без зноя...
И, кажется — вот то, о чём мечталось —
Конца не будет этому покою...
Но... до Зимы — два месяца осталось...

* * *

Золотом проседь в зелёной листве...
Крымская осень — в самой поре!
Это не старость ещё,
 только зрелость —
В пышные осень наряды оделась:
В золоте тонут тугие колосья,
В кружеве облака — нежная просинь...
Среди темнеющей зелени сосен
В пышный багрянец рядится осень,
Мягким ковром устилает дорожки,
А на ветвях — семена, как серёжки...
Ягод рубины, алмазные росы
Щедро вплетает она в свои косы!
Землю окиньте внимательным взглядом —
Ни у кого нет богаче нарядов!
Если ж продрогнет под звёздным шатром —
Иней укроет ею серебром...

*В а с и л и й
Н е с т е р е н к о*

* * *

Да не косил он под Христа!
Вы зря его костили!
Ну, представлялся как звезда.
И вы чтоб также жили!

Какой дурак себе во зло
Захочет стать страдальцем,
Когда есть имя, ремесло,
И женщин — сколько пальцев?

Он, цену зная лишь тщете,
Не кланчил о награде.
Его боялись только те,
Кто в Думе или в Раде.

Его стихи — батальный труд
Поэт стрелял из пушек
Для великанов — лилипут,

Для лилипутов — Пушкин.
Но лилипутик не простой:
Наш люмпен — это винтик
А винтик — значит с головой;
Прикрутит — и подвинетесь.

Коси коса, пока роса
Кровавая из пальцев.
И уносили паруса
От участи страдальца,

То к Сахалину, то на юг,
Где дама Антарктида
Да кореш Айсберг склянки бьют
И угощают спиртом.

Его царапнул как-то зверь
В одной из прошлых жизней
Пятиконечную своей
По кадыку. Как Гризли.

Теперь поёт он по церквям,
По кабакам и весям.
И посылает всех к чертям
По-сатанински, с перцем.

Его предатели — друзья.
Враги же служат верой.
Весь этот мир — его семья.
Он далеко не первый,

Любя, как друга, и врага,
Распространялся с миром.
Он жил, он жив. Вся недолга:
Не вляпаться б в кумиры.

Не то опять — коси коса
Того, кто выше ростом...
А он поднимет паруса,
И — вслед за альбатросом!

* * *

Земля Антарктиды спала под снегами.
Тысячелетья шли.
Но принц явился. Сказал: «Салам!» и
Деву растормошил.

Потом взгромоздился на белых перинах,
В причёску стихи читал.
И охнула баба и вздрогнули льдины,
И айсбергов не сосчитать.

Мы так парниковый эффект оправдаем.
Я ж нынче от песен охрип.
Влюбившись навек в белогрудый как дама
Заснеженный материк.

Кому я пою, надрываясь до хрипа:
Пингвинам? Горбатым китам?
Раз людям мои непонятны ритмы,
Моё человечество — там,

Где льдины находят одна на другую
Где любят в сто раз нежней,
Чем те, кто по дружбе сюда, балагурия,
Мне справил ангажемент.

Здесь под льдинами атланты
Зашифровано живут.
Ну а мы для них мутанты —
Об атлантах расскажу.

Они ушли в землю под лёд, чтоб подальше
От варваров — нас, — кого смоем потоп.
Но мы превзошли ожидания пращуров
Технической мыслью и тем, что потом,

Когда мы смешаемся с ними, то дети
Возможно, получатся лучше, чем все
Кто жили до этого на планете.
Вот я и притопал сюда по весне.

Спаси, Антарктида, меня от ненастья,
От нелюбви. И, please,
Я щёчки твои целовать был счастлив:
Исполни и мой каприз.

Пускай в Антарктиде, в дыре, где три дна,
Где заповедье дня,
В ночи крошечной атлантида Ктида
Влюбится вдруг в меня.

Антарктида, Антарктида,
Где моя принцесса Ктида?
Я снежок в руке примял.
Антарктида ты моя.

* * *

«Море Содружества», помнишь ли ты
Как рыбаки двух враждующих гордо
Стран, подружились внутри плавзавода
Траля криля и отбросив понты?

«Море содружества» — тральщик. Улов
У рыбаков Украины и Крыма
Будет как пить дать. Какие картины
Вдоль антарктических берегов! —

Айсберги, штормы, закаты! Фонтаны,
Что раздувают гиганты-киты...
А когда кок отошёл от плиты
Спёр я кусочек жаркого желанный.

Это понты. Но Олег Анатольич
Спать на голодный желудок прилёг
(Штурман второй) после вахты. Ларёк
Не разорил он. А мне было больно:

Стыдно, что пайку чужую слупил
Я по ошибке в расстроенных нервах...
«Море содружества» — база консервная,
По совместительству — тральщик глубин —

Криль у китов отнимает голодных.
Эт — как жаркое чужое изъять...
Штурман проснётся, глубинам грозя,
Мстя за подлянку, промолвит: «Уроды!

Я из-за вас, не наполнив желудок,
Спать вчера лёг! Вот вам трал поперёк!
И всю еду у китов отберёт.
Только на камбузе снова: Полундра!

Видимо кок отошёл от плиты,
В иллюминатор взглянуть: мол, красиво:
Айсберги, котики, птицы, киты.
Пайку слупив, кто-то мявкнет, счастливый:
«Море Содружества», помнишь ли ты?..

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Я видел этот мир, придуманный богами,
Которые в него, под переборы лир, —
Как куры в щи, как буквы на пергамент
Попали, вдавлены пятой громил.

Какая суета! Какие вещи
Показывает кинорежиссёр!
А в Антарктиде солнышко зловеще
Над айсбергами развело костёр.

Где пастбища китов — поля планктона —
Рачок мельчайший — криль, где рыбаки
Белок морозят в ящиках картонных...
Но солнце стронций вставило в белки.

Не ешь не в меру здешнего салата.
Станешь возвышенной, этичней... дзынь!
Плоть на страстишки стала слабовата.
На что мне янь, когда не нужен инь?

Зачем мне ядра, если голос барда
Уже неправда? Солнышко, ты с кем?
Как карты лягут, так тебе и надо.
В лучах плодятся, гибнут потускнев.

На этом порешим туманной ночью.
Чтоб выжил кит, да не умрёт планктон!
Айда на юг, чтоб ощутить воочию,
Как трудно быть планктоном и китом

Одновременно. Солнышко, я сдуру
В такое чрево вляпался впотьмах!
Кто бы подумал? Работяга-Гуру
Трудящийся в морях и бардаках...

Так, познавая мир, под говор лир я
Перебирал пергаменты в тоске.
Громилы, боги... в голове штормило.
Хотел узнать лишь:

«Солнышко, ты с кем?»

ЧЁРНЫЙ-ЧЁРНЫЙ БУРЕВЕСТНИК

Над просторищем нетесным
Мне в изгнании приятель
Беспилотник автономный
Скоро и тебя наладят
При конторе биороботов

Будешь лишь летать где надо
Сообщать координаты

А зелёные поднимут
Хай, когда собьют мутанта
Где-то в секторе Мальдивов
ПэВээшники-педанты
Лазером почти не целясь
Зашипишь как птица Феникс
Возродишься же навряд ли

Вон твой брат кружит — гигантский
Альбатрос в блатных кальсонах
И косится глазом красным
Электронно-силиконовым

Он подскажет капитану
Как поставить трал на счастье
У него прибор пикантный
А у рыбы нет ни шанса

Я наверно тоже киборг
Раз играю словно робот
Мне бы промолчать как рыба
Да вот вынули из копра

Фээсбэшники-зануды
Предложили топать в море
Чтоб народ не баламутить
Музыкальностью уморных

Псевдо-бардовских напевов
Да приставили в начальство
Наркомана с подогревом
Чтобы гавкал громче чаще

Чем-то видно зацепил я
Офицера-долболоба
Обращеньем не к России
А к нему: мол неудобно

Жить опальному поэту
Под пятой коварной знати
В нашей Родине воспетой
Не с парадного, а с паперти

Я охранкой постсоветской
Здесь оформлен как предатель
Чёрный-чёрный буревестник
Мне в изгнании приятель.

О л о г а

Ш а н р а н

МАЛЫШ

(Елена Лапченко, Ольга Шапран)

Смолкли птицы в притихшей листве,
Старый дом сонной дымкой укрыт.
Но не гаснет в окне робкий свет,
В колыбели младенец не спит.

Кто качает твою колыбель
В эту тишь?
Кто качает твою колыбель,
Мой малыш?

Солнце глянет в окошко не раз,
Ночь зажжёт мириады огней.
Синеву наблюдательных глаз
Занесёт многоликостью дней...

Кто качает твою колыбель,
Мой малыш?
Кто качает твою колыбель?
Ветер с крыш?

Ты ни в чём ещё не виноват —
Чист, как снег из отверстых небес.
Над твоей колыбелью стоят
Светлый ангел и сумрачный бес...

Кто качает твою колыбель?
Кто из них?
Кто качает твою колыбель
В этот миг?

Небо спрятало в тучи луну,
Старый дом погрузился во тьму.
В колыбели младенец уснул.
Светлый ангел приснился ему.

ЗИМНЯЯ ЦЫГАНОЧКА

Ой зима, зима, зима
Разукрасила дома,
Льдом сковала гладь воды,
Занесла любви следы.

А в глухой степи пурга
Стелет белые снега,
А под снегом, чуть дыша,
Ждёт весны моя душа.

Хоть ты пой, а хоть пляши,
Нет улады для души,
Нет тепла и нет огня...
Мне бы доброго коня!..

Мне б забыть про холода
И умчаться на нём туда,
Где апрель, а не февраль,
Где всюду цветёт миндаль.
Там под солнцем среди цветов
Белокрылая любовь
Светлой песней о весне
Отогреет душу мне.

* * *

*«За светлый дар души — божественные строки
О нас с тобой, увидевшие свет,
Благодарю тебя, печальный друг далёкий,
Из прошлого приславший мне привет».*

Владимир Середа

Я много лет по странности судьбы,
Найдя, теряла. Не ропща ничуть,
Шла наугад, не ведая тропы
С мольбою робкой указать мне путь.

Молитве внял и чудо мне явил
Святитель, встречу подарив с тобой...
Ты — целый мир, открытый для любви!
Ты — целый мир, дарующий любовь!

П р о б а п е р а*В а л е р и й**А г а р к о в*

ОТНОШЕНИЯ С МАМОЙ

Пусть снег на землю упадёт,
Замёрзнут на асфальте лужи
И охладят все моря —
И, всё же, пусть я буду нужен.

Пусть выстудится вся земля,
Туман на землю ляжет серый,
Закроют тучи небеса —
Но, отношенья наши смело

Всё ж обороты набирать
Стремительней, сильнее, и круче
У нас вновь будут. Знаю я,
Что дальше будет только лучше.

ВНЕ РЕАЛЬНОСТИ

От реальности я отдаляюсь,
Погружаясь в свой внутренний мир.
В этом мире своём растворяюсь,
И живу по законам иным.

И скрывая лицо за прозрачной вуалью,
Сквозь очки я смотрю и вприщур;
О реальности не вспоминая,
В песнях, музыке, счастья ищу.

И события мимо меня
Незаметно проходят,
Осознать самого себя
Не могу...

ДОЖДЬ, ГРОЗА

Солнце! Солнце заходит за тучи. Облака становятся гуще, и темнее. Небо, ещё недавно голубое, стало тёмно-серым. Я услышал гром. Где-то на горизонте сверкнула молния. Она, словно стрела, пущенная с небес, ударилась о землю и сотрясла воздух вокруг. И упали первые капли весеннего дождя.

Наконец! Наконец-то пошёл дождь! Вся природа рада! Радуетесь трава, радуются деревья, радуются цветы и кусты. Радуются звери, птицы, насекомые. На асфальте появились ручьи. Где-то в пруду заквакали лягушки. Запахло свежестью, так бывает только во время грозы.

Вот это мощь! Вот это сила! Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Чувствую, будто у меня выросли крылья. Я сейчас полечу. Уже лечу! Будто 1000 огней разгорелись во мне фиолетовым пламенем. Свобода!

Ну вот, дождь закончился. Солнышко вышло из-за туч и протянуло свои золотые лучики. Душе моей стало уютно, и комфортно. Я вышел на улицу. В лужах, как в зеркалах, отражалось небо, на котором ещё виднелись не растаявшие до конца облака.

КАТАСТРОФА

Вечерело. За горой находилась большая, и широкая трещина, появившаяся после вчерашнего землетрясения. Соседний город ушёл наполовину под воду, весь в руинах. Здесь я остался жить совсем один. Дом у меня разрушен, документы — утеряны, семья — все погибли. Я никуда не могу уехать, так как транспорта у нас нет, и город оцепили. Учёные твердят, что вся страна уйдёт под воду. Я, наверное, умру, брошенный всеми. Ладно...

МИР МЁРТВ

Безжизненный пейзаж. Краски были очень контрастными. Свет от звезды тускло освещал поверхность планеты. Вокруг не было никаких признаков жизни. Небо было черным. Воды нигде нет. Есть только ледяные лужи. Было очень холодно. Мир оказался мёртвым.

ЗАЧЕМ ТЫ МЕНЯ БРОСИЛА?!!

Тебя больше нет. Это катастрофа. Ты разрушила моё счастье, которое и так было очень хрупким. Ты ушла, убив любовь. Ты сожгла мосты. Ты разрушила мой мир, который вряд ли будет восстановлен. Я остался совсем один. Вокруг лишь зола, да пепел. Я, словно сбитая птица, раненая, которая лежит на земле, и не может больше лететь. Я рыдаю...

...Может быть, все не так плохо, как кажется? Может, есть ещё надежда на спасение? Я надеюсь, что ты вернёшься. Мой мир будет восстановлен. Я возрадуюсь, исцелюсь, и снова полечу вместе с тобой. Ты не звонишь! Почему? Я звоню — абонент недоступен уже вторую неделю. Ты меня не любишь? Ладно. Живи, и будь счастлива, только без меня.

...Прошло два года. Я получил от тебя письмо. Я его читаю.

«Здравствуй, любимый. Я всё ещё тебя люблю. Но я должна уехать от тебя. Я тебя всегда любила, поэтому, не хочу, чтобы ты знал о моей болезни. В момент написания этого письма, мне, как сообщили врачи, жить осталось всего два дня. Я надеюсь, что ты будешь счастливым...»

Тут меня хватил удар. Я больше не хочу жить.

ЗАЧЕМ ТЫ ОТ МЕНЯ УШЛА?!!

А н а с т а с и я

Б а с о в а

родилась в 1982 г. в г. Керчь. Закончила ПТУ-29 и курсы мастеров маникюра. Первые стихи написала в 12 лет и был перерыв, а в 32 года написала более 70-ти стихотворений. Публиковалась в лит.сборниках «Спутник» и «Моя столица» (Москва, 2015 г.), «Голоса молодых» (Керчь, 2015 г.)

ЕСТЬ ДВА ВЕЛИКИХ ЧУВСТВА

Есть два великих чувства на земле,
Они друг другу противоположны,
О них прочесть все можно в словаре,
Но там значенья неверны-ничтожны.

Два чувства правящие в этом мире всем,
И каждому отчасти так знакомы,
Ты в жизни испытал их на себе,
До радости и до душевной боли.

Я говорю о страхе и любви,
Но только не противоречьте,
Два чувства вечно борются внутри
Тебя оттачивая всю жизнь безупречно.

Страх — вызывает, ревность, злость, печаль,
Гнев, корысть, жадность и гордыню,
Тебе становится себя вдруг жаль,
А жалость делает в миг из тебя рабыню.

Страх до костей пронизывает все,
И этим чувством — связанные руки,
Тебя сжимает, не туда несёт,
Ты сам с собой находишься в разлуке.

Но тут любовь все может изменить,
Вернуть покой и радость, и смирение,
А чувство может чудеса творить,
Поверьте, в это просто, без сомненья.

Любовь откроет в вас всю полноту,
Добра, и благодати ко всем, кто есть на свете,
Даст ощутить свою вам красоту,
И понимание, что мир ваш многоцветен.

С любовью мир становится иной,
И безусловно всех любить и крепче,
Сложней. Писал нам Лев Толстой,
О том, что без любви жить легче.

В любви вся мудрость, правда, сила,
С любовью будешь ты творцом,
Но лишь когда ты видишь всё единым,
Не усложняешь, все в мире простом.

Вот так, великие два чувства правят,
Теперь вот сам возьми и избери,
И не бывает ни каких здесь правил,
Лишь выбор, в чём жить — в страхе иль любви.

МАКАМИ УСЕЯНА ЗЕМЛЯ

Говорят — где маки прорастают,
Там земля пропитана вся кровью,
Вот стою я в поле понимаю,
В прошлое вся окунаюсь с болью.

Каждая травинка здесь все помнит,
Крики, взрывы, страх на поле боя,
И земля от взрыва прямо вздрогнет,
И землёй на веки всех укроет.

Здесь были расстреляны ребята,
Защищая Родину свою,
Школьники и даже дошколята, —
Их за что? я только не пойму.

Много лет прошло с войны проклятой,
Но мы чтим героев имена,
Прорастают на полях всё маки,
Маками усеяна земля!

ПРИШЛА ВЕСНА

Оттает лёд и превратится в воду,
И серебро немислимой слезинки,
Напомнит тебе в тёплую погоду,
Лист просыхающий от утренней росинки.

Всё отблеском наполнится весенним,
Шумит капель, терзая нежно душу,
И лишь дождю становится нескучно,
Ведь только он уже сейчас не дремлет.

Размыты грязью мокрые дороги,
И сапоги промокли словно лапти,
Затоптанные ржавые пороги,
Все промокает в этой благодати.

Забыты уже зимние мгновенья,
Но холодок деревья обдувает,
И только с божьего благословенья,
Пришла весна и всех теплом ласкает.

ЗАГЛЯНИТЕ В СЕРДЦЕ

Загляните в сердце танцора,
Там увидите море таланта,
В нем танцует всегда Терпсихора,
Дарит танец любви на пуантах.

Загляните в сердце поэта,
Там пером лирика льётся,
Это пишет муза Эвтерпа,
Вдохновением это зовётся.

Композиторы и музыканты,
И откуда это берётся,
То адажио или анданте,
Это свыше только даётся.

И божественным даром на свете,
Наделили нас всех, так творите,
Пусть украсят мир наши дети,
Ну, а вы им дверь отворите!

НЕПРЕМЕННО БАЛУЙТЕ ДЕТЕЙ

Непременно балуйте детей,
Неизвестно, что им жизнь преподнесёт,
Сколько им подарит ярких дней,
Ну, а сколько много заберёт.

Жизнь, она настолько быстротечна,
Детство, как мгновенье, протекает,
Детство не бывает в жизни вечным,
Дети очень быстро вырастают.

Балуите любовью, нежной лаской,
И заботой, с маминым вареньем,
Чтобы жизнь казалась детям сказкой,
Чтобы в сказке мама была феей.

Балуите отцовским воспитаньем,
Дайте им защиту в тёплом доме,
С ними вы займитесь рисованием,
Дайте детям все в полном объёме.

Я прошу, детей не упрекайте,
Не равняйте: разные, бесспорно,
Просто их любите, опекайте,
Дети любят взрослых безусловно.

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО ДУШ

Не проходите мимо душ друг друга,
Остановитесь, просто на мгновенье,
И пусть вокруг сегодня будет вьюга,
Вы ответите все свои сомнения.

Откройте на секунду свои двери,
На мир взгляните вы своей душой,
Но не живите люди вы как звери,
Лишь похотью и в страхе пред собой.

Свободу дайте внутреннему миру,
Законы и регламенты убрав,
В себе в себя вы пробудите веру,
И знай, коль ты с душой — всегда ты прав.

Она же нас по жизни не подводит,
Боимся слышать мы её порой,
Она нас напрямую с богом сводит,
А мы живём одной лишь головой.

И в этой нити протекает правда,
И совесть будет рядом и покой,
И вы по жизни не хлебнёте яда,
Не назовёте жизнь свою судьбой.

Вы научитесь чувствовать не телом,
А души воедино там сливать,
В том мире, где не пишут даже мелом,
И где не надо ничего писать

Там нет грехов, запретов и законов,
Закон один любовью жить всегда,
Там нету даже никаких канонов,
Одна любовь, свобода на века!

Я ОБЕЩАЮ, Я ПРИЕДУ МАМА

Я обещаю, я приеду мама,
И обниму тебя, пригладив седину,
Одену дома старую пижаму,
Как в детстве рядышком засну,

Во сне увижу, как мы вместе,
По улице с тобой идём,
За руку мамочка, как в детстве,
И напеваем мы вдвоём.

И дни летят, и год за годом,
Взрослею я не по часам,
Изменчив мир, изменчива погода,
Видна усталость по глазам.

И я скажу тебе не много,
И спрячу боль свою любя,
Не покажу тебе тревогу,
Обиды тихо притая,

А знаешь, рядом мне спокойно,
Погладь меня рукой своей,
И под рукой уже не больно,
И рядом я с тобой сильней.

А я, мамуль, ещё приеду,
Поговорим, о том, о сём,
И внучек привезу к обеду,
Наполним смехом, тихий дом.

Ты не скучай, ты знай родная,
Что я приеду, только жди,
Ты у меня одна такая,
Ты только мамочка живи!

РАСЦВЕТАЛИ САДЫ

Расцветали сады, где мы розы садили,
Аромат их прекрасный ласкал обонянье,
Взявшись за руки, мы по аллеям бродили,
И сбывалось чудесное это желанье.

Ветерок разносил аромат по просторам,
Я за юбочку взявшись в танце кружилась,
Ты окутывал ласково бережным взором,
И сердечко моё так безудержно билось.

Пели птицы кругом, мы за руки держались,
Крепко сжаты друг с другом были наши ладони,
На глазах у нас розы в миг распускались,
И кувшин с нашим счастьем просто бездонен.

Все вокруг нас любило, мы в ответ отдавались,
В облаках я увидела дымку ненастья,
Я хочу, чтоб с тобою мы не расставались,
И чтоб сад наш расцвёл,

как цветёт наше счастье.

*П р а в е д н и е ,
п у б л и ц и с т и к а*

Е л е н а

Л а н ч е н к о

ФРОНТОВАЯ ЮНОСТЬ ТАМАРЫ ЯСТРЕБОВОЙ

«На позицию девушка провожала бойца», — эта песня ещё не была написана, когда вчерашняя школьница Тамара Ястребова прощалась с любимым Сашей Савельевым. Шла Великая Отечественная война и Александр упорно обивал пороги военкомата, добиваясь отправки на фронт. Но Камыш-Бурунскому судоремонтному заводу, нынешнее название ОАО «Залив», нужны были рабочие руки. Неохотно расставался коллектив с молодым токарем Александром Савельевым.

Невеста Томочка с искренностью и чистотой и первой любви проливала слезы, обнимая Сашу, обещала дождаться любимого.

Война приближалась к окраинам Керчи. Красная Армия ожесточённо сопротивляясь отступала. Было очевидно, что Камыш-Бурун захватят немцы. Отец Тамары, Алексей Кондратович Ястребов, работал на недавно построенной ГРЭС. Чтобы гидроэлектростанция не досталась врагу, было принято решение её взорвать. Взрывом ему серьёзно повредило ногу. Мать Тамары ухаживала за раненым отцом, когда осенним поздним вечером постучались в дверь квартиры, где жили Ястребовы, моряки Черноморского флота.

— Мать, дай поесть и найди чем перевязать раны, — были первые слова гостей. Марья Васильевна засуетилась, была она хозяйкой приветливой и гостеприимной, делилась последним. Когда собственных сил не хватало, помогала дочь Тамара, которая готовила еду и обстирывала прибывавших моряков. Вскоре воинскую часть перевели в центр Керчи, юная повариха Тамара Ястребова следовала за ними. «Все для фронта, все для Победы!» — этот лозунг подчинял все мысли и дела девушки.

Немцы приближались к Керчи, все чаще становились налёты фашисткой авиации. Столовая, в которой работала Тамара, находилась в районе улицы Шлагбаумской. Однажды, готовя обед, девушка услышала невероятной силы взрыв, затряслись мощные стены, от страха восемнадцатилетняя девочка инстинктивно спряталась под стол, потом придя в себя, отряхивая штукатурку, подумала:

«Вот так спряталась от авиационного налёта!» — Но ирония исчезла мгновенно, когда через вынесенное взрывом окно, она увидела леденящие душу последствия воздушной атаки. Прямым попаданием авиабомбы был взорван военный госпиталь. Страшное месиво из человеческих тел потрясло юную душу. Вот тогда-то и возникло решение: все силы, а может быть и жизнь отдать, помогая воинам защитникам в смертельной борьбе с врагом.

Тамара не призвалась в Армию, не была вольнонаёмной, просто солдаты и матросы хотели есть, и она их кормила, не задумываясь о своём статусе. Где-то на передовой сражался с оккупантами жених Саша Савельев, писем Тома не получала, но верила: любимый жив! Иначе не может быть!

Наши отступали. Пришлось испытать все ужасы переправы, немцы бомбили с воздуха пролив. Тамань, Анапа, Краснодар, Новороссийск оставались позади, весь транспорт продовольственного склада № 230, вместе с поваром Тамарой Ястребовой, приближался к Геленджику. Город терял свой мирный облик, время от времени подвергаясь бомбёжке с воздуха. Улицы были заполнены беженцами. Вдруг машина остановилась перед кольцом стоявших вплотную друг к другу людей. Водитель вышел посмотреть в чем дело, люди окружили огромную воронку, созданную неразорвавшейся огромной авиабомбой. Плотной живой стеной народ оградил идущий транспорт от неминуемой трагедии. Гигантская

авиабомба зловеще поблёскивала стабилизаторами из воронки, она могла взорваться в любую минуту, это хорошо понимали, стоявшие живой изгородью люди! Но никто не дрогнул, не ушёл, стояли до тех пор, пока не прибыли сапёры...

Подвиг на войне был в каждом поступке, в каждом движении. Подвигом была и работа юной поварихи Тамары Ястребовой.

Керчь горела в огне войны, дважды город становился линией фронта, особо досталось промышленным объектам. Аглофабрика и расположенный недалеко от дома, в котором жили Ястребовы, судоремонтный завод были превращен в руины. Матери и инвалиду-отцу с огромными усилиями удалось перебраться на родину в Кировоградскую область. Наступили для родителей тяжёлые годы ожиданий, где-то по фронтовым дорогам передвигалась вместе с полевой кухней и их девочка, дочь Тамара. «Жива она или погибла?» — рвали душу сомнения, однако отцу удалось отыскать следы воинской части, где служила дочь. В конце войны они встретились, радости не было предела: инвалид-отец и повзрослевшая, в военной шинели, дочь. Казалось, разговорам не будет конца, справившись о родных, о матери, Тамара с надеждой спросила:

— Что известно о Саше Савельеве? — отец молчал, известий не было никаких.

За долгие годы разлуки любовь не угасла, наоборот разгорелась с новой силой. О нем, единственном любимом, были все её мечты. Тамара слыла красавицей, стройная высокая, серьёзный взгляд умных глаз делал робкими даже самых смелых ребят. Многие заглядывались на молодую девушку, но сердце красавицы во фронтовой шинели принадлежало только ему, другу её детских игр и школьной юности.

Тем временем Александр с оружием в руках громил врага, он был военным разведчиком. Воевал на Белорусской земле, где был дважды ранен, затем оказался в Польше, дошёл до Берлина и сфотографировался рядом со знаменитыми Бранденбургскими воротами. Часто вспоминал любимую, верил, что жива, надеялся встретить её после войны, этим и жил.

Минует грозное лихолетье, закончится война и отправится Тамара, искать своего любимого Сашу Савельева. Их встреча произойдёт на родной Керченской земле. Но до неё ещё надо добраться из Александрии, где после войны оказалась Тамара Ястребова вместе с родителями.

С трудом удалось доехать до Джанкоя, на вокзале Тома заметила, что её пристально разглядывает незнакомая женщина, девушка с опаской посмотрела на незнакомку, та продолжала внимательно смотреть на Тамару.

— Мы с Вами знакомы? — не выдержала Тома.

— Вас зовут Тамара и у вас есть жених Александр Савельев? — на вопрос вопросом ответила незнакомая женщина.

— Откуда Вам все это известно? — Тамара остолбенела от неожиданности.

Незнакомка радостно рассмеялась и пояснила:

— Мы воевали с Сашей на Белорусском фронте, он показывал мне вашу фотографию и часто с грустью о вас вспоминал!

Окрылённая надеждой Тамара отправилась в родной посёлок на окраине Керчи, где и произошла радостная встреча с любимым. Вскоре они поженились. Родилось у них двое детей: сын Александр и дочь Ирина. Александр Яковлевич Савельев вернулся на родной завод «Залив», с которого в далёком 1941 ушёл на фронт. Тамара Алексеевна продолжала работать в сфере общественного питания. Всякое в жизни случалось, беды и радости делили пополам.

В 2003 году, на 81 году, ушёл из жизни Александр Яковлевич. Осталась Тамара Алексеевна без своего верного спутника жизни.

— Дочь и внуки поддерживают и заботятся, не забывают обо мне и в Совете ветеранов города Керчи, — рассказывает наша знаменитая соотечественница.

Тамара Алексеевна Савельева награждена боевыми орденами и медалями, в том числе: медалями «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За оборону Кавказа», и другими.

Квартира, в которой проживает ветеран Великой Отечественной войны Тамара Алексеевна, дышит чистотой и уютом, на полках книги о минувшей войне, в рамочке на стене почётные грамоты и портрет любимого мужа.

— Гляну на портрет, и вот, он — мой любимый Саша, опять со мной рядом, — говорит Тамара Алексеевна. А с портрета на стене смотрит на нас с задумчивой улыбкой воин-освободитель Александр Яковлевич Савельев. Жизнь его продолжается в детях и внуках и в той верной и преданной любви, которую пронесла через всю жизнь его верная спутница жизни, любимая жена Тамара Алексеевна Савельева.

А г а

П о к а р е б а

БРОШЕННЫЕ ДЕТИ КЕРЧИ В ЛЕСАХ СЛОВЕНИИ

Продолжение повествования «Ребята нашего двора». Ранее: альманах «Лира Боспора» выпуски IX — XVI

Уже двое суток детей ничем не кормили, говорили, что кончились продукты, сказали, что сейчас они завезут их в лес, будете мол охранять машины, а мы пойдём искать продукты, часа через два вернёмся. Дети сидели долго, в животах бурчало от голода, разговаривать не хотелось, ждали своих учителей, а время шло к вечеру. Первым догадался, что их просто бросили, Борис Горячев. Он был самым старшим из всех ребят, он молча пошёл проверить, где лежат вещи учителей и шофёров, — их нигде не было. Значит, они просто удрали, бросив ребят. А ведь можно было их отпустить в Симферополь, подонки, а не учителя.

Горячев молча подошёл к ребятам и сказал: «Нас бросили, не ждите, никто не придёт, сейчас вместо еды пейте воду, считайте, что вы поели, и ложитесь спать, завтра рано утром мы будем отсюда выбираться, пойдём по следам машин, которые сюда нас завезли, будем искать людей, кто-то нам поможет. И, глядя на Кольку, сказал: «Если кто-то сам убежит, искать не будем, уйдём, надо быть всем вместе, мы не знаем языка, не знаем их обычаев, по одному идти очень трудно». Это Кольку он предупредил взглядом: хорошо знал его и по школе, и по улице: Колька сначала делает, потом думает, что он что-то не так сделал, сожалеет, но уже поздно.

Борис Горячев — это тот мальчик, который в детстве ходил на пляж через их двор и старался кого-нибудь малыша шлёпнуть, дать подзатыльник или шалабана. Это вы можете прочитать в «Лире Боспора» в X номере стр. 347. «Невыдуманные истории».

Сейчас в этот трудный момент он решил взять ответственность, суметь и накормить ребят, и вывести их из леса, и найти людей, кто бы им помог вернуться в Советский Союз.

Все эти ребята с Соляной слободки г. Керчи, и не сами они пошли учениками автослесарей — их немцы и полицаи заставили идти, пригрозив, что могут отправить в Германию. А Бориса Горячева на базаре схватили во время облавы, мать выплакала его у фашистов, и они оставили его дома, но заставили быть учеником автослесаря.

Вот и утро, собрались молча, Горячев приказал внимательно смотреть искать на земле и траве отпечатки колёс: они выведут на дорогу. Ребята шли молча, внимательно следя за отпечатками шин, которые ещё сохранились на земле, но вот скоро они услышали цокот копыт лошадей, гул машин, разговор людей на неизвестном им языке, и вот они вышли из леса и закричали: «Ура!» — замахали руками. Горячев зашумел на них: «Что вы к себе внимание привлекаете, какой-нибудь дурак скажет, что мы шпионы, и заберут нас в полицию, а там попробуйте поговорить, если мы не знаем языка!» — все замолчали. «Сейчас сидите тут около леса и ждите меня, я пойду на разведку, может удастся хлеба где-то взять и узнать, куда они идут все, может, русского или украинца найду». Кольке сидеть не вмоготу, смотрит за движущимися повозками и людьми и спрашивает ребят: «А как вы думаете, куда идут люди, лошади с груженными повозками, и всё в одном направлении?» — и начали думать: действительно идут сами, никто их не гонит, идут добровольно. В это время пришёл Горячев и раздал ребятам — кому хлеба, кому калач, в общем всех накормил, не сытно, но в животах перестало бурчать.

«Все эти люди идут на базар, — объяснил он, — и мы пойдём, может, там услышим или увидим русских или украинцев.

Вот и базар, народу уйма. Горячев говорит: «Старайтесь друг от друга далеко не отходить, но прислушивайтесь, может кто-то заговорит нашим языком. Долго они ходили по базару прислушивались к речи людей и всё на непонятном языке, но вот сам Горячев услышал русскую речь и ребятам дал знак прислушиваться, о чём говорит русский, около него стоял украинец и тоже «балакал» мешая русскую речь с украинской, они говорили о том, что кто-то должен был прийти к ним на связь, а сам не идёт, а время уже ушло, и они решили уходить с базара, тем более они заметили, что около них стоят какие-то мальчишки и прямо глазами их едят. Они пошли к выходу, но тут их окружили дети и заговорили: «Милые, родные дядечки, возьмите нас с собой, нам здесь страшно!» — «Тю, скаженные! Откуда вы здесь взялись?! — они аж опешили: русские дети, а после засмеялись: — А мы думаем, что полиция к нам приставила своих ищек».

Дети рассказали, как их увезли из Керчи под дулом автоматов, а потом бросили их в лесу, там остались две грузовые машины, а учителя и шофёры удрали, бросив их. Сами не знают, куда идти, чтобы вернуться в свою страну. «Ну что, пойдём, поведём их до нашего начальства, пускай они их судьбу решают». И, взяв детей, пошли в лес. Они жили в лесу в палатках, а часть людей жила в небольшом посёлке. Это была часть Власова. И там один человек ребятам сказал, что они, эта армия уже вне закона, чтоб дети от них бежали, как от чумных, но в то же время ему их жалко, ведь пропадут среди чужих, и он решил их оставить у себя «Авось Советский суд не будет этих мальчишек наказывать».

Керченские ребята остались в армии Власова, их к военной повинности не привлекали, только один принял присягу служить честно, бить врага — это Борис Горячев, ему шёл 19-й год, а Колю взял к себе командир, сделав его денщиком: Колька убирал в его домике, готовил обед. По вечерам Колька пересказывал своему командиру то, что когда-то он читал матери, и думал: «Что сейчас думает мамочка?» — он знал, что в Керчи уже нет фашистов, да и во всём Крыму их изгнали. А командиру нравился Колька, у него всю семью вырезали фашисты, и он решил, что они будут жить с Колькой, как родные братья.

И вот небольшой отряд пошёл в сторону югославских партизан, они решили захватить провизию. В этом отряде был и Борис Горячев, отряд вернулся, а Бориса и ещё одного солдата не оказалось, — они не были убиты, а просто сдались в плен. Когда об этом узнал командир, он был в ярости и приказал на следующий день разведчикам вернуть их, и как перебежчиков, наказать перед всем гарнизоном — повесить, их ночью разведчики нашли, рты им заткнули и утащили в полк, а утром всех выстроили на плацу и объявили о наказании, ребята прибежали к Кольке со страшной вестью и вместе со всеми ребятами Коля побежал на плац и стал просить о помиловании, они на колени упали упрашивали о помиловании, а командир говорит: «Что заработали, то и получите!» Колька вспомнил Керчь, площадь и повешенных в сквере мужчину, парня и мальчишку. Он встал, весь побелевший и кричит на весь плац: «Ты не командир, ты фашист!» — и хотел руками за шею его взяться, может что-то бы и получилось, но он уже не соображал, взмахнув руками упал и стал биться в судорогах. Командир, увидев, до чего он довёл мальчишку, отменил приговор и сказал: «Быстрее запрягайте лошадей и везите Кольку

в больницу. Кто знает славянский язык пойдёт и объяснит, что с мальчишкой случилось, чтоб знали от чего его лечить. А у самого перед глазами стоял образ Кольки и слово: «Фашист ты!»

В больнице Кольку положили около окна, открыли форточку, чтоб свежий воздух доходил до его тела, огородили ширмой, и там дежурила медсестра, сбивая ему всё время температуру, только на третий день он очнулся, врач спросил, что с ним случилось? И он напрягся и вспомнил что его друга повесили и заплакал, а врач начал успокаивать, что нет, его простили, и Коля начал поправляться, ему разрешили гулять в садике при больнице, он чувствовал, как крепнут ноги, нет головокружения и один раз он решил погулять по городку.

Городок был небольшой, и скоро Колька добрался до железнодорожного вокзала, там он увидел большую группу людей, спросил куда они едут, оказалось, что это русские, украинцы, белорусы, освобождённые из плена, и все ждут, когда их повезут в Россию. И Колька побежал в больницу, даже удивился, что он ещё, оказывается, может бегать, конечно не сильно, но всё-таки. Прибежав в кабинет врача, он стал просить, чтоб тот выдал ему бумагу о том, что он здесь лечился, что он хочет в Россию: «Домой хочу, к маме». Врач посмотрел подумал, действительно зачем его задерживать, тем более, он возвращается к маме, в Керчь, и дал эпикриз с печатью, что он лечился. Врач предложил ночь-то в больнице переночевать — Нет, нет, а вдруг ночью поезд отправят. Его накормили, дали бутерброды, и он ушёл на вокзал, к людям, которые ждали отправки в Советский Союз.

Недалеко от людей, которые отправлялись в Советский Союз расположились казаки вместе со своими семьями. И жёны, и дети, они просили, чтоб их отправили в Англию, но пришёл какой-то человек и прочитал Наказ Сталина: все люди, принадлежащие Советскому Союзу

должны ехать на Родину. Да, в Советском Союзе не хватает рук, чтоб восстановить страну, а как будут восстанавливать? Кто свободной, а кто и по лагерям пойдёт, если докажут, что он стрелял в своих соотечественников. И вот, один казак не выдерживает и кричит: «Чтоб я служил «усатому»?! Не будет этого!!» И он хватается саблю и летят головы жены и детей, и сам себя заколол. Все были в шоке, конечно, сразу подошли бойцы и позабирали все сабли у казаков и стали их грузить в вагоны. А Колька опять побледнел и стал оседать на землю, ноги ослабели, а сам думает: «Надо встать, встать», но вот он чувствует, что кто-то ему помогает, и ведёт к вагону, говоря: «Не надо было тебе это видеть, зачем пошёл?» Люди видят, что он совсем слабый дали дорогу и ему, и его поддерживающей девушке. «Я хотел посмотреть кто такие казаки?»

Сталин до Отечественной войны не любил казаков, считал, что они враги народа и в любую минуту смогут предать, перевернуться на другую сторону, к врагам. Сколько он отхватил шомполов казачьих, когда в царское время агитировали и собирали рабочий народ на баррикады, на демонстрации, за восьмичасовой рабочий день, за повышение зарплаты, а правительство царское разгоняло людей при помощи казаков, у которых и плётки прикреплены были, ещё и нагайки, которые кожу в кровь разбивали, врезались на лошадях в толпу людей, хлеща их направо и налево этими плётками, разбивая лица и шеи в кровь. А тут ещё генерал Краснов пошёл против Советской власти, так что, было чего бояться казакам.

Девушка, которая подхватила Колю под руки, чтобы он не упал, когда он сомлел от увиденного, как на земле лежали головы детей и их матери, просила людей дать водички Коле, сбрызнуть ему лицо, охладить, чтоб он пришёл в себя, люди расступились, давая им дорогу

пройти в вагон, так что, она его усадила около окна за столиком. Чтоб его отвлечь от воспоминаний, предложила ему погадать, — «А что, у тебя есть карты?» — «Нет, я тебе погадаю на бобах». И она сообщила, что у них в семье прибавление. Колька сразу смекнул, что это Федр, отец Виталика с войны вернулся. Потом девушка долго, долго смотрела на Колю, на его глаза руки и сказала: «У тебя жизнь будет, как зебра» — «Это как?!» — «То радостная, то грустная, даже горькая, слёзы будешь проливать. А конец будет радостным. Жить будешь долго до семидесяти лет и мало будешь мучиться, быстро тебя Бог призовёт к себе. Ну а я уже приехала, обняла его, вышла с вагона. Николай вспоминал, где она вышла, так и не вспомнил, рассказывая эту часть своей жизни.

М е т о р и а л

Б о р и с

В а с и л о в - П а в л о в

(1939 – 2016)

ОПОРА ДУШИ МОЕЙ

Ничто не грозит мне, пока
Рядом Святитель Лука, —
Епископ, хирург и художник,
А я при нём — бывший безбожник —
Веду о грехах разговор,
Изжить покаяньем пытаюсь
Того, каким был до сих пор.

СОВЕТ НЕ ТОЛЬКО СЕБЕ

(или предновогоднее пожелание)

Никаких тревог и страхов,
Если Господу доверился!
Не пойдут усилья прахом,
Если Ум с Душою сверился
По лучу Святого Духа, —
Ипостаси Божьей Троицы...
Бесовщины дело глухо.
Утрясётся всё, устроится.
Только верь неколебимо
В покаяния молитву.
Кротость Господом любима...
Не вступай с чертями в битву, —
С сатанинской этой сворой.
Только заповеди Божии
Исполняя, буди скорым, —
И спасёшься в бездорожии
Многосуетных скитаний
С благодатью испытаний.

31 декабря 2015 г.

ПРОЩАЛЬНЫЙ МОНОЛОГ

*рисовальщика и стихотворца,
проведённого судьбой по жизни
от колыбели в Хибинах до творческого расцвета в Крыму
(и, как Пушкин, никогда не бывавшего за границей 😊¹*

¹ Смайлик нарисован автором в рукописи.

I

Сижу я на завалинке
Бревенчатой избы
У края моря Белого,
А за спиной — тайга.
Передо мной проталинки,
Как чёрные грибы,
И снега оробелого
Весенняя шуга.
На небе чаек молнии —
Кричат на все лады, —
В хор спешно собираются...
Им звонкие ручьи
Обогатят гармонию
Мелодией воды.
До нас не добираются
Гонцы весны грачи!
На Севере симфония
Весны скромна? Вопрос.
Природы той на фоне я
В войну до школы рос.
Она не докатилась к нам.
Спасибо храбрецам...
Тыл, волю дав тревожным снам,
Доверился бойцам.

II

То было семь десятков лет,
Как говорят, — назад.
Там жизни был моей рассвет,
Везде которой рад...

III

И вот на лавочке сажу,
Прибившись к морю Чёрному,
Чуть-чуть завидуя стрижу,
Как бестия проворному,
Но больше, право, — никому, —
Ни богачу, ни честному,
Ни гениальному уму,
Ни самому известному.

IV

Но звать ли жизнью суету
Меж Севером и Югом, —
Итогом споров — пустоту
Между врагом и другом?
Я корифей карандаша,
Но разве в этом дело?
Искала Истину душа,
А я лелеял тело!
Однако, всё-таки дана
Мне тайна мироздания;
В болезни длительной она
Пришла без опоздания:
Другого быть и не могло.
Тут всё по Божьей воле.
Меж мной и Господом легло
Тернистой жизни поле.
Я это поле пересёк,

Ведомый Провидением,
Не напрямик, — наискосок...
За что мне снисхождение?
За веру в жертвенность Христа,
За кротость в покаянии,
За счастье быть рабом Креста
В молитвенном стоянии.

V

У счастья есть новейший сказ
Со взором на Мессию:
И по моим молитвам враз
Вернулся Крым в Россию!

А как я жил, что сотворил,
В том главное не цены...
Я, каюсь, много говорил.
Я ухожу со сцены.

09 января 2016 г.

В и к т о р

З а н о р о ж е н

(1945 — 2016)

РЕЦЕПТ

Из самых спелых винных звёзд варю варенье впрок.
Ведь мой рецепт предельно прост! Не отвергай урок!
Сперва со звёздами слова засыпь в сироп мечты...
Есть Древо Жизни — есть дрова... И есть, конечно, Ты...
Пусть Вдохновение и Любовь приправят пряный сок.
Из ритмов Жизни приготовь, не нарушая срок
и меру фееричных дней, целительную смесь,
чтоб ароматами над ней парила в Небе Песнь...
И раздавай... И угощай... всех, кто пришёл к тебе
испить Стихов дурманный чай в чудесной ворожке.

ДУДУК

К чему печаль и грусть? О чём поёшь, Дудук?
какой земной тоской? в ключе сердечных мук.
В плену твой Арарат, но талые снега
Живой Водой спешат на задушевный звук
в Библейские края, где тучные луга,
где солнечны лаваш, вино и курага,
где ценят мастерство и музыкальность рук...
Мелодия твоя... Армянам дорог а.
В превратностях судьбы не замолкал твой зов
гармонией своей из глубины веков
туда, где свой Ковчег причалил мудрый Ной.
И, может быть, тогда Маэстро Неземной,
взяв абрикоса ветвь, чтобы прибавить сил
всем, выжившим в Потоп, Дудук САМ сотворил.

ПОМНИШЬ?

Полнолуние. Ночь у скал.
Это было в каком году?
Помнишь? Я, шутя, предлагал
снять с небес для костра звезду.
Ты твердила: «Смешной чудак.
Ни к чему разрушать небосвод?
Мне тебя не понять никак.
Мы знакомы который год,
а серьёзности — ни на грош
ни в стихах любви, ни в делах...
Для чего? на свете живёшь.
Проку что? всем в твоих мечтах».
И внезапно во тьму ушла...
На заре догорел костёр.
От росы шипела зола
на туман, напозавший с гор.
И...

И... я запел... И искры из костра
взлетали в высь, в неведомые дали.
И звёзды... души наши... озаряли.
И не спала гитара до утра.

И пелось мне счастливо и легко.
И ты меня тогда боготворила,
и подпевала и смешно, и мило.
И будущее было далеко.

И я не знал, что этот звёздный миг
в ночь одиночества спасёт мне жизнь однажды
воспоминанием земной, любовной жажды
ниспосланной Вселенной для двоих.

И... я... запел...

ИСЦЕЛИ!

«Боже праведный, прости! Я любила! Я страдала!
Оступилась на пути — и сама убийцей стала.
Погубила не со зла, не в припадке опьянения,
сумасшедшей не была, не как месть — за оскорбления.
О, Господь! Прости мой грех! За такое суд не судит.
Я виновна не для всех. Смерть плода прощают люди.
Каждый миг за годом год не рождённых убивают,
чтобы не было хлопот. И злодейство забывают.
О, Спаситель! Исцели! боль бесплодного проклятья!
Благодатью от Земли освяти Любви Зачатье!»

МОЛИТВА

Не до ран. Мне бы тело оставить своё
без хулы и проклятий Всемогущему Вечному Богу.
Как туман, исчезает моё бытие.
И ещё непонятней для чего я пустился в дорогу.
Впереди — ни зари, ни заката, ни звёзд.
Позади — ужас мрачный грехов
и бесплодных скитаний.
Засвети хоть свечу, чтобы душу донёс
на алтарь непорочный Твоих человеческих страданий.

* * *

О, Господь, наш Бог! Ты даёшь нам день,
Светом Истины согреваешь нас,
в полдень жаждущий проливаешь тень,
чтоб приблизился тот грядущий час,
когда будем жить в Мире лишь Тобой,
уповать во всём только на Тебя.
Ниспошли на нас добрый Дух Святой.
Божий, Свой народ Ты храни, любя.

ИКОНА

Озарённая нимбом иконы,
одари Красотой неземной.
Это люди создали каноны
с одиночеством и тишиной.
Непорочное славя мечтами
материнство и таинство чувств,
исчезали, но Ты над веками
вознеслась идеалом искусств.
Что? сквозь слёзы глядишь с укоризной.
Что таишь? на невинных устах.
Может встречу? отпегую тризной
с Тем, кто в Вечность ушёл, а не в прах...
Озарённая нимбом иконы,
возроди падший Мир Красотой.
Преступи временные законы
с эфемерной, пустой суетой.

ТОЛЬКО ВЕРЬ

О, если б знать, что ждёт нас после смерти,
когда придёт пора небытия...
Конечно, всё по-прежнему на свете
останется. Но... где же буду я?
В нехитрых нотках лебединых песен,
в рисунках, акварелях и стихах?
Наверно путь мой будет интересен
кому-то в наступающих веках.
И, если дочка внучкой или внуком
вдруг осчастливит, я останусь в них.
А может, отзовусь прощальным звуком
в тех, кто ещё останется в живых.
И, может тот, кто вспомнит строки эти,
смирится с неизбежностью потерь.
Наш светлый след останется на свете.

Кто верит, тем воздастся. Только верь.

Я р о с л а в а

Ж а ф а н о в а

(31.10.2001 — 16.09.2016)

Училась в 9 классе керченской школы № 10. Ярослава была многократным чемпионом Крыма по шахматам, чемпионом и призёром чемпионатов Украины, победителем различных фестивалей. Погибла трагически.

* * *

Без тебя я засыхаю,
Не могу, я так скучаю.
Ты сейчас так далеко,
Знаешь, как мне нелегко?

Я хочу с тобой быть рядом,
Обнимать и целовать.
Больше ничего не надо,
Лишь тебя не отпускать.

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

— В душе печаль, и в сердце холод.
И ты не так уже и молод.
И нам, увы, не по пути.
А как хотелось бы найти
Источник счастья одиночеств
Вне времени и суеты!
— Искал я счастье где-то в небе,
Заглядывая между туч,
Надеясь, веря и не требуя,
Хотел увидеть яркий луч.

Отчаянье в пути ломало,
Но не сдавался я назло.
И, хоть судьба не баловала,
Отчасти в чём-то повезло.

И потому с души уходит

Печаль, питающая боль,
Я порезвлюсь в лучах свободы
И радость разделю с тобой.

...Печали уходили в землю,
И, отрываясь от земли,
Они любили небо, время
И миг, что вместе провели.

НОВОБРАНЕЦ

Первый-второй, первый-второй...
Орёт майор: — Эй, рядовой!
А у меня мурашки,
Хоть потная рубашка.

Учебка. Киев. Я хохол.
Я не хочу попасть в котёл.
Ну как сказать козлу ему:
Меня невеста ждёт в Крыму.
Она малышка славная —
Керчанка-Ярославна.

А за морем, в Одессе,
Родная матушка.
Вот я и нос повесил.
И — *схлопотал шлепка*.

Майор, ты нам не как отец.
Мы б все пошли в отказ,
Мы ж не обстрелянный сырец,
А ты, же — **Фантомас!**

Но я молчу: вдруг схлопочу
Приказ в Дебальцево...

Майор похлопал по плечу:
Пер-р-дислокация!

Я напишу письмо сперва:
Прощай, сестричка, мам!
Нас будут завтра убивать.
За что — не знаю сам.

Я крови сызмальства боюсь.
Уж так устроен я.
Во мне звучит прощальный блюз:
Мой дом, моя семья...

* * *

Крылья? Мне их оборвали...
Жизнь? Мне её сломали...
Душа? Болит у меня вечно,
И ждёшь ты чуда бесконечно.

Ты ищешь способы, пути,
Чтоб горе в жизни обойти,
Но вскоре с сожалением ты поймёшь,
Без боли до конца ты не дойдёшь.

Идти мне было трудно очень,
Пойдёшь — сломаться ты захочешь,
Но груз придётся мне нести,
Чтоб счастье в жизни обрести.

Я очень долго не ломался,
Но с грузом всё же оборвался,
И на душе теперь остался
От груза тяжкий шрам...

* * *

В душе печаль, и в сердце холод,
И ты не так уже и молод.
И в будущее нет пути,
И счастье нам уж не найти.

Искал я счастье среди неба,
Лучей просветы среди туч,
Надеялся, и в сердце снова
Хотел найти я яркий луч.

Отчаяние в пути ломало,
Но не сдавался я назло,
И хоть в душе большая рана —
Отчасти всё же повезло.

От этого с души уходят
И все печали, и вся грусть,
А радость небу и луч солнца
Со мною остаются пусть.

Печали уходили в землю,
И к небу поднимался я...
Нашёл я в небе грёзы счастья,
Ведь небо выше чем земля!

Я крылья раскрываю в небе
Весь мир в секунду любя,
Люблю я солнце, море, ветер,

Люблю его, тебя, себя!..

С к р е п ы д у х о в н ы е

А ю г м и л а

Ж р а м к о в а

СВЕТ ПРЕДТЕЧИ

Душой мы тянемся всегда
Туда, где вечная вода, —
И нам не деться никуда —
Нас только вера лечит...
Подарит мир с самим собой,
Душе измученной покой
И примирение с судьбой
Небесный свет Предтечи...

Здесь так ничтожна суета,
Души пустая маята, —
Какая, Боже, красота
Вдали на небосклоне, —
Закат хрустального стекла
И в синей дымке купола,
Предтечи все колокола
В вечернем тихом звоне...

СВЯТОЕ ПРАВО

О! Научи, Всевышний, мудро жить,
В чужое не заглядывая око, —
И ближнего, и дальнего простить
От сердца — от глубин его — истоков...

И злого не дай Боже сотворить,

Приняв его — неведомо — за благо...
И сердце настезь, настезь отворить,
И от восторга, не от боли плакать...

Врагу дай Боже другом стать
И из ничтожного не сотворить бы Мекку,
Гордыню научиться отличать —
От права называться человеком...

НОКТЮРН ПУСТОТЫ (Там, на западе...)

Там — вырождения коварная печать,
Где рай когда-то был, и всё цвело и пело.
Отныне мир — немой и пустотелый,
Там всё в угоду — вожделению и телу, —
Там не умеют — ни любить и ни прощать...

Подменены давно обманчивостью месс
Молитвы сердца, погрузившись в темень...
Там тени быются с призраками теней,
Там каждый делит жизнь свою не с теми,
С кем должен был бы по велению небес...

Там свет от тьмы не могут отличать,
Там неживая кровь течёт по венам,
И раем кажутся — просторы плена...
Там всюду запах пустоты и тлена,
Там каждый — сам себе — калиф на час...

И предан — только преданностью пленных...

ТИШИНА

На небе первая звезда — пока одна.
Сиреневые сумерки укрыли доли.
Затихли в ульях труженицы-пчёлы.
Вечерней птицы ненавязчивое соло.
И тишина... Какая тишина...

На всём — грядущее блаженство сна:
Умолкли ветры под рукой Эола.
Всё тише шепчутся о чём-то волны.
И мир покоем несказанным полон.
И будто вечность — до краёв — видна.

БЫТ И БЫТИЁ

Бытиё — на грубом фоне быта —
Беззащитное, святое бытиё...
Каждый день ты на кресте событий
И небесное значение Твоё...

Быт хохочет масками сатира —
У него без счёта жутких лиц, —
Но над праздной суетою мира
Бытия Священный Вечный Лик...

И когда сатир нам корчит рожи,
Быта — адскую — сгущая тьму,

С нами — Бытиё, чтоб Искру Божью
В сердце сберегли — наперекор всему...

АНГЕЛ ТИХИЙ

Солнце с миром прощалось предпоследним лучом,
И закат догорал полотна Боттичелли, —
Ангел тихий спустился ко мне на плечо
И безмолвно застыл у моей колыбели...
И в руках его были перо и свирель, —
Свиток ветхий, свеча и старинные руны,
Он без слов положил их ко мне в колыбель
И в ладони вложил серебристые струны.
Лба коснулся крылом и промолвил: «Пиши.
Но перо и свирель понапрасну не трогай:
Сокровенное слово — от избытка души,
От избытка любви — это значит, от Бога...»
Он всегда приходил в ранний утренний час
И всегда рядом с ним пела чудная птица.
Пела, словно в последний и единственный раз,
И хотелось смеяться, рыдать и молиться.
О! Как долго была непослушной свирель,
От пера ускользало Богом данное слово, —
Неживой, бело-серой была акварель,
И словам не хватало чего-то живого...
И сказал он однажды, ко мне наклонясь:
«Ты ещё не прошла муки рая и ада, —
Чтоб душа переполнилась и пролилась
Чистой, светлой слезой — ну, а раньше, — не надо...
Ты учись у небес, у лесов, у ручья, —
Слушай сердце своё и пиши, словно дышишь, —
Мудрость — в каждой травинке и в труде муравья,
В звёздной вечности неба тогда ты услышишь...»

А р и с а А л е к с е е в а

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

День этот жизненной вехой
Нам истину напомним вновь —
В любви призвание человека,
В способности ценить любовь.

Судьба готова нам отмерить
И радость, и печаль сполна.
Любить рождается и верить,
И чашу выпить всю до дна.

Ветра судьбы нам сердце студят,
Но силы жизненные есть.
В день Благовещения пусть будет
Для нас для всех благая весть.

Пусть эта весть заставит биться
Все наши верные сердца,
Чтоб дальше жить, с пути не сбиться,
Любить и верить до конца.

И, получив посланье века,
Мы будем жизнь благодарить.
В любви бессмертье человека,
В способности её дарить.

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Драгоценный светильник небесный,
Ты у Бога любимейший сын.
И своею молитвой чудесной
Благодати для нас испроси.

Вся душа твоя к небу летела,
С ним была неразрывною нить.
Ты прости грешной мне, что посмела
О тебе, о святом говорить.

Благородством сияли по крови
Корни рода небесной красы.
И родился во граде Ростове
У Кирилла с Марией их сын.

С первых дней, и ещё до рожденья,
Был с постом и молитвой знаком.
Стал в святом православном крещенье
Богом избранным учеником.

Прежде чем быть великим примером
И вести за собою людей,
Закалял свою душу и веру,
В чаще жил среди диких зверей.

Сохранят о его каждом шаге
Память вечную небо и лес.
На земле жил поистине ангел,

Стать хотел гражданином небес.

Были лишние слава, литавры,
Не нужны ни хвала, ни почёт.
Мощный дух Свято-Троицей лавры
В его сердце начало берёт.

Своей святостью русские земли
Он помог воедино собрать,
Обойдя чтобы рифы и мели,
На Мамаю вести нашу рать.

Сила Божья с молитвой святого
В Куликовской победе большой
Помогли. Снял с России оковы
Князь Великий Димитрий Донской.

Идеал для славян — это святость.
Сергий учит его сохранять.
И большие, и каждую малость —
Все задачи сплотившись решать.

Мы сейчас и нежней, и капризней,
Но завет однозначен для нас —
Коль духовное вычеркнуть в жизни,
То мирское ослабнет тотчас.

Так давайте не будем лукавить,
Все дела совершать — для Отца.
Если мы крещены в Православии,
Надо веру держать до конца.

ПРОЩЁННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Прощай — это значит прости,
В душе не держи обид.
Желаю удач в пути,
Судьба пусть тебя хранит.

Скажи, что не помнишь зла,
Гори, сколько хватит сил.
А жизнь у нас так мала,
Прости, ты весь мир прости.

Беда пронеслась вчера,
Сегодня с тобою друг.
И жар твоего костра
Согреет людей вокруг.

Пусть счастье как мир старо,
В пути к нему столько бед.
Посеешь в судьбе добро,
Получишь надежды свет.

Как вечер прощанья тих,
Слезами пройдут дожди.
Прощай — это значит прости,
Простил, лишь тогда уйди.

МИЛОСТЬ

*«Суд бо немилостив есть
не сотворшим милости»
Псалом 100*

От дел своих прославимся навеки,
Иль постыдимся — тоже навсегда.
Мы встретим в жизни солнечные реки
И есть печали горькая вода.

Чем ближе к Богу, больше искушенья,
За выбор свой дадим Ему отчёт.
Лишь добротой достигнем очищенья,
И лишь молитва нас в пути спасёт.

На нитку времени свои дела нанижем
Ответ найдём на сотни «почему».
А если кто не сделал милость ближним,
То будет Бог немилостив к нему.

НАШИ ПУТИ

Сколько в мире путей,
Пусть же твой будет Богом хранимый.
У дороги своей
На минутку присесть не забудь.
Берегите друзей,
Берегите, жалейте любимых.
Будет с кем на заре

Вновь отправиться в жизненный путь.

Ты в начале дорог,
Твоё сердце одну выбирает.
Чтоб прийти к цели в срок.
А дорогам не видно конца.
Свой огонь не гаси,
Пусть по ярче твой путь освещает.
Не забудь попросить
Для себя благодати Отца.

Ты вокруг оглянись —
Всё на свете идёт к совершенству.
И земле поклонись,
И морям, и зелёным лесам.
Ты всей жизнью своей
Заслужить постарайся блаженство.
Сколько в мире путей,
А ведут они все к небесам.

А л е к с е й В г о в е н к о

КРЕЩЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Дядя Петя — старший брат моей мамы, будучи керчанином по рождению, всю жизнь прожил на Камчатке. Но Керчь — город детства и юности — любил самозабвенно. И каждый год, вплоть до смутного перестроечного времени, приезжал погостить, сначала к бабушке Домне, моей бабушке и своей маме. А потом, после её ухода, к моей маме — его сестре.

Приезжал он всегда зимой. По двум причинам. Первая — был он тепломехаником, и за короткое камчатское время надо было успеть с плановым ремонтом оборудования. Вторая — зимой не было проблем с билетами на прямой авиарейс Петропавловск-Камчатский — Симферополь.

Был дядя Петя весёлым, шумным, открытым человеком. Старый дом на Жуковке, который уже затихал, — большой семьи не стало: одни мои дяди и тёти погибли в войну, другие разъехались по всему Союзу, — с приездом дяди Пети оживал. Начинались длинные разговоры за полночь. На столе появлялся копчёный лосось, плоские маленькие баночки камчатских крабов и литровая банка красной икры. Родной город отвечал тогда: солёной и жареной сельдью, маринованными в томате, по особому рецепту, бычками, вялеными сарганами, осетровым балыком и его же чёрной икрой. Хамсу

— за рыбу на Жуковке не считали. В конце шестидесятых годов прошлого века Керчь ещё не уступала Камчатке.

Среди длинных застольных рассказов дяди Пети были и воспоминания о прежних приездах в Керчь. О том, как изменился, и далеко не всегда в хорошую сторону город. Была история, удивившая меня безрассудством.

В день отъезда, имея уже в кармане авиабилет на Камчатку, дядя Петя вдруг вспомнил, что за время отпуска ни разу не купался в море. Даже не окунался. Конечно, Керчь — не Камчатка, но и у нас в январе бывает холодно. Все многочисленные родственники дружно отговаривали дядю от купания, живописно рисуя ужасную перспективу заболеть в дороге.

Все. И только бабушка Домна спокойно сказала: «Давай, Петя, помолись, перекрестись и три раза окупись. Не заболеешь. Сегодня 19-е января — Крещение Господне. Сам Бог велел. Ничего плохого не случится».

Коммунист и атеист дядя Петя всё точно так и сделал. И не заболел, и прожил ещё много лет.

Ф а и н а Д е р и й

* * *

О, Господи!
Во всём Ты есть:
И на земле, и в небе,
А если сядем, вдруг, поесть,
Ты снова — в нашем хлебе.
Попьём воды из родника,
Подставим Солнцу руки, —
Ты светишь нам издалека,

Ты в сердце и... нет скуки.
И в песне Ты. И мы поём...
Всегда с Тобой,
Всегда вдвоём.

* * *

В сердце я несу Твою любовь,
По земле ступая осторожно,
Наполняя ею вновь и вновь
Всё во мне, насколько это можно.
И дарю всем близким и родным
И совсем чужим, кого не знаю.
Пусть в сердцах их будет негасим
Огонёк любви!
Пусть исчезают —
Ненависти дым,
Вражда и зло,
Пусть чисты все будут,
Словно дети.
И поймут, что нам лишь повезло
Быть подобием Того, Кто Светит.

* * *

Кто сказал,
Что судят только Там?
За что судить,
Коль Там мы все есть Души?
Там мы сродни открытым
письменам.
Никто не осуждает
и не тушит
порыв Души к прекрасному —
Он свят.

Конечно, не у всех он одинаков.
Один з нас —
Как тот святой Иаков,
Другой всё мечется
Уж сколько лет подряд.

В и к т о р З а н о в о ж е ц
(1945 – 2016)

КНИГА ЖИЗНИ

Есть Книга книг, свята и велика.
Она писалась долгие века.
Страница за страницей вновь и вновь
даруют нам надежду и любовь.
Она мудрее всех премудрых книг.
В ней вечностью наполнен каждый миг,
от Сотворенья и до наших дней.
Что было — и что будет, тоже в ней,
и свет, и откровенья Божьих Слов,
и музыка заоблачных псалмов,
и праведность, и тайны бытия.
Ей можем доверять и ты, и я.
И, если жаждешь душу сохранить,
старайся по её Заветам жить.

ПАСХА

Под бременем пасхальных блюд
скрипит смиренно щедрый стол.
Смеясь, христосуется люд,
но мимо них Господь прошёл.
Он знал: законный повод есть
в день Пасхи позабыть про смерть,
и без забот попить-поесть,
и песни от души попеть.
Но Иисус спешил к иным,

ко всем, кто веру потерял:
к убогим, сирым и больным,
к избравшим пагубный финал,
к тем, кто Его не признавал,
Спасенье... обещая...им.

Е л е н а А л ь ч е н к о

СВЯТАЯ МАТУШКА МАТРОНА

Сменились древние законы,
Истлел спасительный покров, —
Слетались черные вороны
Почуяв жертвенную кровь...

И воцарился Лжемессия,
Пылали Храмы, гарь и дым...
Стонала, плакала Россия,
Взывая скорбно ко Святым.

Кресты ломали, жгли иконы;
Молитва стыла на устах:
— Спаси, нас, матушка Матрона!
— Доколь терпеть нам этот страх?

— Доколь терпеть нам поруганье
Святых нетленных Образов?
(Не за грехи ли наказание?)
— Услыши, Матушка, наш зов!

В годину злую, в лихолетье,
Швырнули «красные» с плеча,
Как символ нового столетья —
Взамен иконы, Ильича!

Отдали русскую Корону
Под меч хазарских воевод;
Но Божьей милостью Матрону
Обрёл измученный народ!

Матрона в бедах помогала
Давала силы и советы
Её молитва поднимала
Людей по сути с «того света»

Незрячие глядели очи
И зрели истинное небо!
А люди шли и днём и ночью
Просили истины как хлеба!

С участием внимая стонам,
Души заблудшей слыша глас,
Святая Матушка Матрона,
Моли Всевышнего о нас!

Т а т о я н а Л е в ч е н к о

СЛОВО «ЛЮБОВЬ»

проповедь

О, человече, податель молений Вселенских,
Коиими к Богу взываешь, с надеждою Веры.
Глас вопиющего в пустыни столпотворенья
Мелких людишек вознёсся под самые своды
Вечные Мира Творения, Суть — Созидающая.

Что же ты хочешь себе и для всех человеков?

Мирного неба? Однако, оно преисполнено

Грозами, что порождены едино Природою.

Все же угрозы немира — твоё сотворение.

Слово любовь для чего едините с оружием?

Благ и достатка?

Но каждый из каждого,

рождённый,

Равно с душою, талантом одарён от Господа.

В землю зарыл свой? — Отрой.

И тогда приумножится.

Слово любовь для чего едините с наживою?

Всепонимания всех?

Было.

Сами отринули.

И вавилоны себе без конца воздвигаете,

В суть сего слова не вникнув.

Страдаете, нищие, от невнимания к слову,

что — мира-творение.

Слово любовь для чего едините с гордынею?

Совести выбор свободен. Вы сами всё выбрали.

Каждый — себе.

И, практически всё человечество,

Слово любовь низвергло

до низменной плотскости!

Слово любовь единения энергией светится.

Всеединения — не только двух плотей, томящихся

Жаждой одной сладострастия —

не деторождения.

Слово от Бога — несёт оно Всеоткровение.

Как Откровение — радуга в небе Заветная,

Света лучи показавшая в истинном облике.

Слову любовь возвратите значение святое —

Всеединенья энергии всё преисполнится.

* * *

Благоговейно
погружаюсь
в волны моря.
Я знаю:
воды неба и земли
В конце пути
сюда вливают сущность
Всей Жизни на планете.
Погружаясь
благоговейно
в сущность всей планеты,
Я постигаю сущность неземную.
Я знаю:
воды моря отражают
Всё,
что не видно
даже в телескопы. —
Невидимое это,
отражаясь,
Себя сливает с сущностью планеты
В Единое Вселенское Начало.
Благоговейно погружаясь в воды моря,
Я постигаю сущность всей Вселенной.

Так в изначалье зарождались боги.

* * *

Что Тьма и Свет?
Вопросы и ответы. —
Рождение словесной кутерьмы.
Расцвет бывает только лишь при свете.
Рассвет приходит только после тьмы.
И для того, чтоб вызрели плоды,
Так нужен свет!
Побольше нужно света!
И, чтоб взрастали новые сады, —
В Тьму высеем семена рассвета.
Но есть одно малюсенькое «нет»,
Такое незначительное, вроде:
Тьму уничтожив,
мы убьём рассвет,
И наш расцвет окажется бесплоден.

Е л е н а А у ч и ш е в а

ПУТЬ К БОГУ

Вот снова утешенья жду,
Влача измученную душу.
И вновь на исповедь приду,
И снова свой обет нарушу...

Вновь упаду и поднимусь,
Судьбу нередко проклиная,
К Тебе молитвой вознесусь,
Слезами душу опаляя...

Какой к Тебе нелёгкий путь!
Хотя, чего мудрить, казалось. —
Добрее к людям просто будь,
И милосерднее будь малость.

Смири гордыню ты свою
И в каждом видь сестру и брата, —
И жертву малую твою

Зачтут с лихвою, без возврата.

Когда наступит смертный час
И будет за душу боренье, —
Тогда на лестнице мытарств

Твоё зачтётся милосердьё.

Как важно вовремя простить!
Как свята Тайна Причащенья!
Ведь сердце научить любить —
Вот смысл великого Творенья!

Гостиня

М а р г а р и т а

Я р е в н а

г. Санкт-Петербург

Родилась в г. Жигулёвске Куйбышевской обл. (Самара) 5 августа 1960 г. В Керчи закончила среднюю школу. С 1978 г. живу в Петербурге. Образование высшее, закончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала инженером, сейчас работаю в гос. системе соц. обслуживания населения, соц. работник. Публикации в альманахе современной поэзии «Зелёная среда» под редакцией Н. Дроздовой, в альманахе «Под сенью лавры» под редакцией А. Грунцовского, Санкт-Петербург, в газете «Детройт экспресс», США. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2015 г., лауреат международного Александрo-Невского фестиваля православно-патриотической авторской песни 2014 г.

КЕРЧЕНСКИЙ МОСТ — ДОРОГА ЖИЗНИ

Город живёт под стук метронома —
Ритм забивания свай.
Словно набат призывает снова:
Русь, просыпайся, вставай!

Кто тебя, сильную, так ослабил?
Кто расшатал, развалил,
По миру кто побираться заставил,
Кто на куски раздробил?!

Встань, поднимись, наконец, с коленей,
Русь, встрепенись, хватит спать!
Слышишь призыв былых поколений,
Время страну собирать.

Мост — это символ дружбы и веры.
Вместе единой семьёй!
Трудности, беды преодолеем
Крым, Русь Святая с тобой!

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КЕРЧЬ

Я люблю тебя, Керчь!
Протянулась от моря до моря.
Я люблю тебя, Керчь!
Ты плывёшь сквозь века, с ветром споря.

Этих сильных людей —
Моряков, рыбаков, корабелов,
Что живут без затей,
Исполняя свой долг, своё дело.

Я люблю тебя, Керчь!
Город мужества, воинской славы.
Миновал битвы смерч
Ты — жемчужина нашей державы!

ДРУЗЬЯМ ТУРИСТАМ

Лежу на листве в заповедном лесу,
И в небо смотрю сквозь узор листвы буков.
И слушаю говор реки Курлюк-Су,
И шёпот земли. Что важней этих звуков!?

Услышать рассветное пение птиц,
О что шелестят длинноногие буки?
Увидеть сиянье далёких зарниц,
И в небе созвездия яркую букву.

Оставьте на время дома, города,
Забросьте компьютеры и ноутбуки.
Возьмём рюкзаки и поедem туда,
Где встретим друзей после долгой разлуки!

РЕЙС 9268

Море, пальмы, пляж — прощайте.
SMS родным: «Встречайте!»
Шесть утра, из лета — в осень.
Лайнер «Девять-два-шесть-восемь».
Взлёт в последний свой рассвет...
Душ безвинных скорбный след.
Крик мобильника в пустыне:
Нет ответа — сердце стынет,
И не выдохнуть от боли.
Чья вмешалась злая воля?
Столько судеб вмиг разрушить!..
Горе чёрной птицей кружит.
Детский розовый сандалик...
Слезы скорби и печали.
Ожиданья меркнет свет —
Выживших в том рейсе нет...
Вместе — горя нет чужого —
Ангел плачет на Дворцовой.

МОИМ ДЕТАМ

Ветер сдул с деревьев кружева,
И с ветвей еловых сдёрнул шали.
Вот уже отданье Рождества:
«Помните, как ёлку наряжали?!
— Этот шар из тонкого стекла.
— Осторожно, не разбей, он редкий!
Я из Жигулёвска привезла...
Вот орех, но он совсем не крепкий».

Звездочёт, снегурка, барабан,
Дед Мороз, сосульки — все ведь нужно.
Надо же, мы целый чемодан
Привезли игрушек в город южный!

Их, как редкость, поместить в музей,
Им бы под стеклом лежать на полке!
И не обойтись нам без потерь,
Но живут игрушки, вновь на ёлке!..

— Этому зайчишке нет цены!
Много старше вас, он дяди Гришин,
Он с тех первых лет после войны.
Просто чудо: не разбился, выжил!

Вспомню детство, сказку, волшебство:
Замирая, достаёшь игрушку,
Разворачиваешь — торжество:
Узнаю блестящую подружку!

Целый год томилась в тесноте
В белой шубке девочка в платочке.
Я с ней говорила в темноте:
«Как тебе с прищепкою на ножке?

Ты не бойся, прислонись к стволу.
Видишь, вот фонарик, медвежонок,
Он карабкается на сосну.
Вон избушка, рядом с ней зайчонок».

С юга привезли вас в Петербург,
Милые мои друзья, подружки.
Неразрывен наш семейный круг,
Хрупкие стеклянные игрушки.

ФРОНТОВОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

*Нет больше той любви, аще кто
положит душу свою за други своя
От Иоанна 15, 13*

Мамины двоюродные братья —
Юноши, шагнувшие в войну...
Вместе вам не суждено собраться:
Жизни отдали вы за страну.

Ах, война, за что ты их, отважных?..
Сколько нанесла кровавых черт...
Так меня вдруг поразил однажды,
В треугольник сложенный конверт.

Я нашла письмо в архиве деда,
Собирая наш «Семейный полк»,
Накануне праздника Победы —
Каждому событию свой толк.

Брат писал перед отправкой в части,
Он ещё не знал своей судьбы.
Он желал сестре добра и счастья,
Встречи ждал: «Когда мы победим!».

Молод, одарён и счастье рядом:
Был любим и нежно сам любил...
В танке он сгорел под Сталинградом,
«Жизнь свою за други положил».

Выполнив Завет — как мать учила,
С верою в Бессмертие шагнув...
Их в семье тринадцать братьев было —
Юношей, ушедших на войну.

МАРСИАНКА

Холодным ветреным утром
Я встретила марсианку.
С далёкой планеты беглянку,
Она смотрела так мудро...

В лучах взошедшего солнца
Сверкала ярко корона.
Наследница Альфа-трона
Покинула венценосца.

Поверив сказкам о ветре,
Отдавшись страсти порыва,
Сидит теперь у обрыва
Вся в ультра-розовом спектре.

Прижав в отчаянье лапку
У кромки чёрного мола
Царица всех богомоллов
Похожа на марсианку...

В любовь лечу, как в море!
Когда с обрыва — «рыбкой»,
Забыв печаль и горе,
Вонзаюсь — смелой гибкой...

На жёлтом знойном плёсе —
Сушу на солнце косы...
Волна, сверкая блёсткой,
Ласкает ноги босы...

АХ, ПОЧЕМУ Я НЕ РИСУЮ?!

Ах, почему я не рисую?!
Взяв в руки кисти, карандаш.
Я написала бы пейзаж,
Отобразив красу земную.
Рассвет, и зимнюю дорогу,
И над рекой уснувшей мост,
Восторг и благодарность Богу
Перенесла бы я на холст!
Пишу этюды я словами,
Рисую образы в стихах.
Бужу крючками и кружками
Воображение в умах.
Алеют пламенем макушки,
Авроры северной привет...
А, впрочем, все сказал уж Пушкин!
Но отклик мой, и мой ответ!

ПРОЩАНИЕ

Сиреневый вереск на праздничном мху,
Лисичек оранжевых искры.
Я все же смириться никак не могу,
Что лето сгорело так быстро!

Прощайте: закат на морском берегу,
Ночное купание в море.
Рассветы и тень под маслиной в жару.
Как жаль — расставаться так скоро!

Вот шествует осень в мантилье дождей,
Вступая в права по завету.
И россыпь брусники, поляны груздей —
Прощальная тризна по лету.

ЗАКАТ НА КАЗАНТИПЕ

Белой ракушечной вязью
Море рисует узор,
Выткав причудливой гладью
Южный песчаный ковёр.

Линией кардиограммы
Тянется моря изгиб.
Точкой в развитии драмы
Высится мыс Казантип.

Случалось ли вам на рассвете,
Проплыть золотою дорожкой?
Восславив Творца мироздания,
Умыться водою живою!

Собрав мир в едином букете.
Понять — нет мгновенья дороже,
Чем эта минута свиданья
Светила с любимой Землёю!

СОНЕТ

На Троицу пион расцвёл, —
Благоуханная планета —
Шар нежно-розовый. Как он
Возник из черноты?.. Луч света

Его из мрака воскресил.
Земля-кормилица питала.
Воспрял, ожил, набрался сил,
И пробил час, пора настала!

Бутон раскрылся, воплотил
Всю прелесть летнего рассвета.
Кто это чудо сотворил!? —
Ищите в Небесах ответа.

Поэт восторг свой отразил
Стихами этого сонета.

*А л е к с а н д р а
Ж ё г о р о в а*

г. Братск

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ

Осень-красавица. Гордая женщина.
Шаль с позолотою. С солнышком венчана.
Входит надменная. Взгляд с поволокою.
Лёгкой походкою в ширь недалёкую.
Так-то и правильно. Так ей и велено.
Лето простилось с ней. Нет уж той зелени...

А впереди ждёт сестра её нежная.
Наша Зима, пышногрудая, снежная.
Вольно раскинется вьюгой, буранами.
Банями, праздниками долгожданными.
И в Рождество, в Новый год, всё по-нашему.
Гость, заходи! Разрешенья не спрашивай!
Встретим тебя, за приход не обидимся,
Чарку нальём. Ведь когда ещё свидимся?

Глянь незаметно в проёмы оконные.
Слышишь, стучится к нам дама знакомая?
Бусы свисают алмазными слёзками,
Платье расшито цветами, берёзками.
Вся величава, с косою до пояса.
Батюшка Гром с ней раскатистым голосом.
Матушка Молния, трель соловьиная.
Ночи с любимыми сладкие, длинные...
Лето на смену вальяжное, жаркое.
Ликом довольное. Руки с подарками.
Ночи короче, но запахом мятные.

Дни с тёплым дождиком, сердцу приятные.
Только придётся, да как ни стараться нам,
С Летом-царицею тоже расстаться нам.
Грустно уронит слезу Распрекрасное,
Тучкой закроет нам солнышко ясное.
Радостно к встрече Осенней готовое,
Листьями место застелет ей новое!

Я РИСУЮ ПОРТРЕТ

Я рисую портрет.
Вспоминаю лицо.
Этот призрачный лик
Мою душу тревожит.
И причины мне нет,
Чтоб в конце-то концов,
Вдруг забыть ссоры миг,
Что печаль мою множит.

Ты сейчас далеко.
Сколь меж нами дорог?
Улыбнись на холсте,
Нас ты этим сближаешь.
Мне сейчас нелегко.
Я душою продрог.
Видно, краски не те,
Или ты уезжаешь.

Ну, давай же, ещё,
Пусть светлеет твой взгляд.
Говори или пой.
Диалог очень нужен.
Буду знать, что прощён.
Ты вернёшься назад.
Будешь рядом со мной
Этой зимнею стужей.
Листопад или нет?
Облака мчатся вдаль.
На картине весна,
И цветы олеандра.
Я закончу портрет.
И утихнет печаль.
Ты со мною одна,
Навсегда, Александра!
Я рисую портрет...

РОЖДЕНИЕ

В душе живёт недоуменье:
Я родилась по чьей вине?
Неужто нынче день рожденья?
Подарком буду ль я стране?
Кто принимал во мне участие,
Что вот я — есть, и вижу свет?
Заранее желал мне счастья,
И знал, что буду я — поэт?
А девочка в одеждах белых,
Не ведая всему конца,
Дрожа в объятиях умелых,
В тот миг в нём видела отца?
Восторг вначале или драма,
В мечтах таинственность, во сне?
О, слава Богу! Папа, мама,
Вы жизнь и праздник дали мне!

УЖЕЛИ...

Ужели были вы когда-то
Упрямы, веселы, легки?
На чувства нежные богаты,
Писали страстные стихи?
Касались неба рифмой звонкой,
А волос пышен был, кудряв?
И улыбались вам девчонки,
А вы шептали им — Ай лав?
Куда уходит время это?
И как назад его вернуть?
Всего лишь надо быть поэтом,
Романтиком. И в этом суть!

ДЕРЕВЕНСКИЕ МОТИВЫ

Всё забыла, как влюбилась,
В доме том пила вино.
И мечтала, и молилась,
На иконку, где окно.
В мыслях радужных витала,
Бормоча признаний чушь...
От сует мирских устала,
В сельскую я еду глушь.

Подъезжаю. Деревенька,
Неказистая на вид.
Словно дед на четвереньках,
У околицы сидит.
Трубку курит. И туманом
Тучки носятся над ней.
В зыбком мареве обманом
От предутренних теней.

Нет притворства. Всё узнаю.
И скажу я ей: — Привет!
Деревенька ты родная,
Мне тебя дороже нет!
Радостно листом качнувшись,
Встретит у крыльца лопух.
И, на зореньке проснувшись,
Кукарекнет вдруг петух.

Промычит корова в стайке,
Лай почудится собак.
И скажу я без утайки,
Без деревни нам — никак!
А отцовский дом скрипуче,
Распахнёт тугую дверь.
Не найти мне места круче.
Не уеду я теперь!

ПОМОЛЧИМ

Помолчим, сегодня помолчим.
Пусть сияет нам звезда в ночи.
Плеск волны и ласковый прибой,
Тень скалы и только мы с тобой.

Помолчим, немного помолчим.
Жизни той утеряны ключи.
А до завтра надо нам дожить,
Каждую минутой дорожить.
Вместе с нами целый мир молчит.
Сердце с сердцем ласково стучит.
Прошлого, прошу, не бери.
Всё у нас с тобою впереди.

Слов не надо, просто помолчим.
Видишь солнца ранние лучи?
Гонят страхи и тревоги прочь,
Боль исчезнет, как уходит ночь.

Помолчим, давай, друг, помолчим!!!

НИКОГО Я НЕ БОЮСЬ

Я шучу и смеюсь.
Никого я не боюсь.
Только встану после сна я,
Трелью птица вдруг лесная,
Поприветствует меня,
Песней ласково звеня.

Хлеб пшеницей колосится.
Правда это или снится?
Голос речки заводной

Разве только мне одной?
Комары, жучки и мошки,
Тоже в ней омоют ножки.

Или лапки? Как сказать?
Попросить их показать?
Тучка дождиком прольётся,
Солнце в небе улыбнётся,
И над родиной Россией,
Встанет радуга красиво,

Разноцветным коромыслом.
Жизнь полна великим смыслом.
Вся земля в цветном узоре,
Отразится в детском взоре.
С мамой, с папой я проснусь.
Никого я не боюсь! Вот!

СЕВАСТОПОЛЬ, БАЛАКЛАВА

Золотятся над Крымом, пылают рассветы,
Обещая всем светлые, мирные дни.
Мама пишет, зовёт: - Отзовись, сын мой, где ты?
Писем ждёт. Не забудь, ей, родной позвони.

Припев:

Берег левый, берег правый,
Это ты, родная Русь.
Севастополь, Балаклава,
Вами я всегда горжусь!

Волны в море плывут и плывут вереницей,
К горизонту плывут, им не видно конца.

А над ними летят чайки, белые птицы,
Это души бойцов, брата или отца.

Припев.

Предкам нашим, их мужеству гордость и слава,
Сколько радостных встреч здесь бывало порой.
Ты в сердцах наших вечно, моя Балаклава,
Севастополя дочь, он твой город-герой!

Припев.

ПИСАТЕЛЮ К ЮБИЛЕЮ

В. Маковецкому

Я пришла к вам сегодня на праздник.
Это, прямо скажу вам, не шутка.
Юбилей ваш так манит и дразнит,
Мне ж дана Вас поздравить — минутка.
Честно скажем, мы мало знакомы.
Всё равно Вы любим и мне дорог.
И за то, что строкою влекомы,
Добрых слов я дарю целый ворох.
Довелось прочитав книги Ваши.
Я, волнуясь, не ровно дышала.
Понимала, что есть в мире нашем
Правда та, чтобы жизнь лучше стала.
Мир друзей, литераторов тесен.
Сколько здесь их? Собрались все вместе.
Лета многие, здоровья, песен,
Пожелать Вам приятно без лести.
Постоянно быть бодрым, в движении.
В слове пламенном — неутомимы.
В тёплом родственников окружении
Будьте счастливы. Богом хранимы!

ТЯНУСЬ К ТЕБЕ...

Тянусь к тебе душой своей,
А ты всё думаешь о ней.
Хоть знаешь, что ты ей не нужен...
Твой друг давно уж стал ей мужем.

А муж мечтает о соседке,
Её встречает у беседки.
Соседка ж знать его не хочет,
С другим и плачет, и хохочет.

А тот другой в своих мечтах,
И в жарких, пламенных стихах.
Ты молит, жалуясь Судьбе,
Что тянется душой к тебе!

Так, в одиночестве живём,
Мечтая, каждый о своём.
Соображаем, видно, туго,
Коль ищем мы не там друг друга.

Как изменить всё в одночасье,
Всем испытать любовь и счастье?

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ**в стиле рондо**

Вот он, мужчина мой идёт. Какое счастье!
Когда приходит он ко мне, приходит часто.
Когда глядим мы вместе с ним в одно оконце,
И по утрам обоим нам сияет солнце.
Вот он, мужчина мой идёт. Какое счастье!

Бывает, долго нет его, и взгляд мой строгий:
Где и куда спешит сейчас, уносит ноги?
Тревожно сердце, рвёт печаль его на части,
Где он, мужчина мой идёт? Где моё счастье?

А может быть, что ни к чему он не причастен.
Приходит редко он. И это тоже счастье!
Цветов не дарит. От него их и не нужно.
Слова так скупы, а улыбка вскользь, натужно.

Другому хочется сказать и ждать участия:
— Вот он, мужчина мой идёт. Какое счастье!

А н д р е й

У т а л о

г. Краматорск, Украина

ПЕПЕЛ КЛААСА

*Иван Нечипорук — человек,
которому я решил посвятить
это стихотворение.*

Бродяге хотят запечатать уста,
Поскольку язык у бродяги остёр.
Святой инквизитор разводит костёр,
Но ворон парить над толпою устал...

Из книги, которую сдали в утиль,
Из юности дерзкой мальчишеских грёз
Вернулся проказник, задира и гёз,
Бунтарь и разбойник по прозвищу Тиль.
Филолог-ботаник, познавший из книг,
Успех авантюры, борьбу и азарт,
Искать приключения на собственный зад
Ты, также, как Тиль Уленшпигель, рискни!

В стране, где молчание любят цари,
Пусть совесть стихами диктует тебе!
Не ты ли когда-то мечтал о борьбе?!
Мой друг, заклинаю тебя, говори!

Дорога войны и армейские берцы,
В стране балаклав и пылающих шин.
В разрушенный дом возвращается сын,
И пепел Донбасса стучит ему в сердце.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА

Можешь губы кусать, но иди и смотри:
Бог срывает печати, а слез больше нет,
И по кромке последней Донецкой зари
Мчится всадник на огненно-рыжем коне.

Здесь вчера побывали Антихрист с Чумой,
Зря ль кровавые мальчики ходят вокруг?
Здесь трясётся в полынной степи гумконвой,
Как трясутся костлявые руки старух.

Эти мёртвое время, и голод, и плач
По твоей ли, а может, по общей вине?
Вслед за рыжим уже отправляется вскачь
Чёрный всадник на чёрном-пречёрном коне.

По сердцам человечьим елозит вражда,
Зреет в стынувших ранах холодная месть.
Остаётся немного совсем подождать
Будет всадник последний, а там уже — Смерть.

АЛЬБАТРОС

(Шарль Бодлер. Поэтические переводы)

Нередко для забав морского экипажа
Служил в пути отлов крылатых смельчаков.
Над морем альбатрос был смелым, и отважным
Однако в плен попал команде моряков.

Гроза морских пучин легко посажен в лужу,
И как бы птицу ввысь свобода не звала,
Он тащит за собой покорно, неуклюже
Два белых и больших крыла как два весла.

Комичностью своей он веселит матросов,
Поверженный король, теперь шуту сродни.
Кто в клюв ему воткнёт мундштук от папиросы
Кто следом кое-как за ним засеменит.

Вот так же и поэт, он над толпой смеётся,
Но падает с небес под шум и «бла-бла-бла»...
И не легко ему в толпе быть инородцем,
Таская за собой два связанных крыла.

ГОЛОДНАЯ СОВЕСТЬ

Доведённый почти что до ручки
долгим поиском смыслов сакральных,
Где другим формируют мышление
хиппи, панки, блатные, скины,
Буду снова искать вдохновенье
в нищете и унынье окраин,
Буду небо вычерпывать ложкой
и давиться горбушкой луны.
Я, идущий от пиршества жизни
по невидимой кромке заката,
Подаю нищим хлеба и зрелищ
из дорожной котомки своей
Мне в наследство осталась свобода,
как несвежая, грязная скатерть
А ещё есть голодная совесть.
Знать бы только, что делать мне с ней?

ПУШКИН

В бурлящей стране, где война, нищета и пирушки, нам
Духовные скрепы, как старый облезлый парик.
Но тянутся руки к заветному томику Пушкина.
Пусть вольность поэтам и ныне прощают цари!

Хочу, чтоб творец мог свободно словами бравировать,
И чтобы в речах откровенный присутствовал смысл,
Хочу, чтобы книги сочились священными мирами,
А в гибельной бездне спасительный виделся мыс.

Поставить бы свечку, дойти до ближайшей церквушки, но
Здесь даже молитвы теперь позабыты, увы...

А мне б обсудить на конгрессе «Свидетелей Пушкина»
«Евгений Онегин» начало четвертой главы.

Пусть Пушкин воскреснет, лихим ловеласом и щёголем,
И как на балу, будет рифмами сыпать легко.

Он будет смеяться в обнимку с апостолом Гоголем
В блестящих лосинах с игристой «Вдовою Клико».

МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ — МИШКА

Каждое утро на заводе начинается одинаково. Автобусы и маршрутки останавливаются у стен предприятия и из них вываливаются рабочие и инженеры. Трудящиеся спешат пересечь проходные раньше, чем электронное табло на часах покажет 7-20. В противном случае будут неприятности.

Жизнь идёт, люди торопятся, у каждого есть свои заботы и проблемы. Кто-то проспал будильник и не успел на автобус, кого-то задержали дома неотложные дела. Часы и охрана на проходных неумолимы.

Лишь только Мишка никуда не спешит. Он появляется в первом механосборочном цехе позже всех, тихонечко садиться на специально отведённое для него место и тут же начинает есть. Поговаривают, что Мишка и живёт где-то в цехе, по крайней мере, пересекающим проходные его никто и никогда не видел.

Мужики смастерили для Мишки специальную клетку, двери которой не закрываются. В пластмассовую кормушку работяги подсыпают пшено. А как же иначе? Ведь Мишка — дикий голубь. Точнее, уже не дикий, а свой, заводской. Любимец первого механосборочного цеха.

На предприятии, производящем продукцию, которая измеряется исключительно в тоннах, где в производственных помещениях вечно лязгает металл, вращаются станки и стоит ужасный гул, где за отходами производства нужно следить особенно пристально, чтобы они не проникали в воздух и почву, жизни тамного больше, чем может показаться на первый взгляд.

Недавно в конструкторском бюро зацвёл кактус, юристы разводят в своём отделе рыбок и это позитивно сказывается на защите прав предприятия в судах.

Почва на заводе пропитана всевозможными металлами и микроэлементами. Казалось бы, на этой ужасной субстанции не должно ничего расти. Но местные красавицы-ёлки являются самыми пышными в городе.

Собаки — отдельная история. Они считают завод своей территорией, но прячутся, если из административного корпуса в цеха спускается высокое начальство. Это своего рода традиция, ритуал. Он зародился во время, когда одна из собак покусала заместителя генерального директора. После вышел приказ об уничтожении животных.

Сегодня, увидев руководство, которое, нужно сказать, в народ ходит редко, рабочие дают сигнал собакам, и те в считанные минуты куда-то исчезают.

Особенно дружит с собаками служба охраны, которой бобики и жучки помогают сторожить территорию. Сами же собаки главными людьми на планете считают представительниц заводской столовой. У этих вкусно пахнущих женщин всегда найдётся, чем поживиться.

А голубь Мишка дружит с работниками механосборочного цеха. Он появляется в своей клетке утром и в обед. Мужики всегда отдают птице часть содержимого рабочих «тормозков». Мишка клюёт кашу и хлеб. По его наглой морде видно, что голубь доволен.

Есть у птицы и второе, «нецерковное» имя. В старину на Руси была традиция давать новорождённому не одно, а несколько имён. Делалось это для того, чтобы запутать, обмануть злых духов.

Считалась, что без знания точного имени злые духи не способны причинить вред живому существу. Голубь, хоть и божья птица, но тоже нуждается в защите.

Второе имя у Мишки — Максим Викторович.

По странному стечению обстоятельств именно так зовут местного народного депутата, финансового воротилу, олигарха и главного акционера завода.

Есть в поведении Мишки и депутата нечто общее. И тот, и другой появляются, когда им надо, покушают, пообщаются с простыми людьми, а потом опять летят по своим делам.

Считается, что голубь может помогать и служить человеку, например, разносить почту. Однако заводчане пользы от Мишки не ждут. Главное, чтобы вреда от него не было.

Т а т ь я н а

Г е р а с и м о в а

Герасимова Татьяна Владимировна. Крымчанка. Родилась в Симферополе. Живёт в Керчи с 1979 года. Образование гуманитарное. Стихи написаны в разные годы.

РОССИЯ

Россия — не власть,
 не чиновное царство,
Россия — земля,
 а она без коварства...
Россия — родительский
 дом деревянный,
А в нём —
 всегда тёплая
 русская печь
И русская речь,
 и Есенина солнце,
Такое оно,
 не способное сжечь...
Россия — тропинка
 в берёзовой роще,
Россия — река,
 что течёт не спеша,
Россия — не место
 для жизни попроще,
Россия —
 печальная наша душа...
Россия —
 ни с чем не сравнимое
 чувство:
И трепет священный,
 и боль безрассудства,
Отчаянья мрак,
 озарения свет —
Контрастов душевных
 таких
 нигде нет...
Ведь чёрные тучи
 Россию давили,
Ломали, томили
 и радость топили.

Невзгоды народ наш
 давно закалили:
Как Феникс из пепла
 он воскресал,
Он падал, вставал,
 ожидая Мессию,
И нечисть с земли своей
 снова сметал.
И пусть есть такие,
 как струнья на коже:
Они отпадают,
 им надо бежать,
А русский народ —
 он им в этом поможет,
А сам будет Родину
 вновь воскрешать.

2016 г.

ЗЕМЛЯ, КАК ХРУПКАЯ ИГРУШКА...

Земля, как хрупкая игрушка,
На ветке призрачной Вселенной.
Сберечь её, а не разрушить —
Задача: ей ведь нет замены...
Беречь как щедрый дар Творца
Космическую красоту.
Не искажать её лица,
Не множить мрак и пустоту.
Не отравлять, не раздирать,
Неся лишь смрад и суету,
А надо нам её познать,
Как дом любить нашу планету,
Игрушку голубую ту,
Чтобы, как брызги, не слетели
Её осколки в темноту...

Август, 2016 г.

У МОГИЛЫ ТОЛСТОГО...

У могилы Толстого
в Ясной Поляне
Удивлённых вижу
детей лет пяти.
Родители их,
очевидно, отстали
И не успели ещё подойти:
— Холмик маленький такой.
— Весь покрыт травой...
— А мы так долго шли к нему.
— И почему? Я не пойму,
пора идти домой.

...

Милые крошки, мирно растите!
Пусть беды
не встретятся на пути.
Но будет совсем не просто
Вам подойти к Толстому,
Только до Льва Толстого
Всем нам идти и идти...
Славный гений его
опередил столетья,
Все мы пред ним
Лишь малые,
неразумные дети.
Личностью был он сложной,
А мудрость его проста:
Бороться со всякой ложью,
Чтить заповеди Христа.
Если каждый будет стремиться
К добру на этой земле,
Мир преобразится
и не погрязнет во зле.

Недаром уже сто лет,
 ширясь из года в год,
Людской поток к Поляне
 заветной этой течёт.
Так хочется верить:
 чудо вот-вот произойдёт,
Зелёную палочку кто-то
 однажды случайно найдёт.
Не станет вражды и в помине,
Любовь к нам хозяйкой войдёт,
И будет жить вольно счастливый
Его муравейный народ...

ВЛАДИМИРУ СЕМЁНОВИЧУ ВЫСОЦКОМУ

Владимир Семёнович!
 Где Вы?
В какой неземной
 стороне?
Как Вас порой не хватает
Нашей несчастной стране...
Наверное, Вы в Дэвачане*,
Где страсти улягутся все,
Амброзией** всех там питают,
И дух Ваш свободно витает
В нейтральной той полосе...
У нас жизнь настала такая,
Что будем все скоро
 «с приветом»,
Нет никакого порядка,
 и нет никакого просвета...
Все тянут у всех,
 а по-крупному
Хапают те, кто у власти:
 у них возможностей больше,

Везде им — зелёный свет,
Дураки и дороги, конечно,
 в списке всех бед
 и несчастий,
Но силу набрали воры,
 и удержу им уже нет.
Граждане книг не читают
 и не читают газет.
Властитель их душ,
 новый идол,
Жестокий божок —
 интернет.
Телефоны с собой
 носить стали,
Могут видеть того,
 кто звонит,
Уже так друг друга
 достали,
Что скоро эфир задымит...
Но при всём
 техническом прогрессе,
Может, есть и в нём
 какой-то толк,
Видим мы, что
 в двадцать первом веке
Человек
 человеку — волк...
Короче,
 Владимир Семёнович,
Вы пока там оставайтесь,
А на Земле
 вновь родиться
Подольше не соглашайтесь.
Мы же будем
 Вас помнить,

Мудрый Ваш
взгляд печальный,
Время, оно быстротечно —
встретимся в Дэвачане.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Упали чёрные тени
на зимний Ленинград.
Здесь умер
Сергей Есенин,
Повесился,
говорят...
Что же случилось там,
в клятом том Англетере?
Ещё один
дивный поэт
Был для страны
потерян.
Ускакал
его розовый конь,
Клён опавший
замёрз в снегу,
Улетели
куда-то лебеди,
Лишь вороны
кричат на лугу.
Что-то, Россия-мать,
слишком ты расточительна.
Гениев наштамповать
сможешь новых потом?
Ещё один мрачный пример,
Но, как всегда,
поучительный:

Когда,
уничтожив талант,
Топчут
и память о нём *.
Упали чёрные тени
на зимний Питер-град.
Когда-то
здесь умер Есенин:
Убили,
теперь говорят...

2015 г.

СПАСИТЕЛЬНЫЕ СНЫ

Светлане Буровой

Мы видим сны:
нас лестница ведёт туда,
Где призрачность мечты
имеет очертания,
Где нет границ миров
в бескрайнем мироздании,
И где душа, блуждая, обретёт
плод тайного
Для смертных всех
познания.

Мы видим сны:
нас путь ведёт туда,
Где встретим мы
ушедших навсегда,
Где никогда ничто
не канет в Лету,
Где нет разлуки
на дороге к Свету...
Где время не имеет
больше власти

Разрушить встречи
 долгожданной счастье.
От тьмы небытия
 отстранены
Мы видим сны —
 спасительные сны...
2013 г.

МИР ПОТРЕБЛЕНИЯ ДИКТУЕТ

Мир потребления
 диктует,
Что нам делать:
 что есть,
Как спать,
 или о чём мечтать.
Назойливо так,
 твёрдо и умело
Желает в своё русло
 направлять.
Навязывает
 ложные святыни,
Пристрастия,
 желания, привычки...
Весь этот хищный мир
 дурной наживы
Нас заключил
 давно уже в кавычки.
Мы для него «закупщики»,
 «клиенты»
«Приобретатели»
 и «контрагенты».
А мы живём
 и страстно потребляем,
И незаметно
 душу отравляем...

[illegible]

КАЛИ-ЮГА

Мы в пучине
 непростых времён,
Искривилось жизни колесо,
И бедняжка скрипка
 Страдивари
Ниже ценится
 уродства Пикассо...
А Гармония,
 Всевышнего презент,
В угол брошена,
 словно ненужный мусор,
Силой дьявольской —
 тугой мошной,

Здравый смысл
 давно уже придушен.
Где искусств всех
 Божья благодать?
Лицедейство где?
 Где музыка?
 Где пение?
Пошлость, грубость,
 вопли, извращения...
Сумасшедший дом:
 куда бежать?
И сердец нестойких
 ритм нарушен,
Нет доверия
 Небесному Отцу,
Золотому молимся
 Тельцу,
К ближнему любви
 нет в грешных душах.
Наслаждаться красотой цветка,
 нежным ароматом?
Нет! Невольно
 тянется послушная рука
К зелью дымному,
 к дурманящему пойлу...
Отключился «sapіens» пока:
Всё спокойно, мирно,
 все довольны.
Потребляй! Не думай ни о чём,
Выжимай последний сок земли,
Жизнь — она ведь
 бьёт ещё ключом,
Будущего далеки огни...
Паутина низменных утех,
 глупых «шоу» страсти,

Похоть, блуд
 развлекаться всех
К себе зовут
 под недобрый
 сатанинский смех.
И побольше шума —
 оглушить,
Жадных и азартных
 расплодить
И друг с другом
 враждовать заставить:
Легче так
 толпу поработить
Легче будет
 запрягать и править.
И течёт кровавая река,
И считает дамбы пацифизма,
Не мелеет,
 льётся сквозь века,
Тонут в ней
 осколки гуманизма...
К полному
 идёт всё оглуплению,
К стаду первобытному возврат.
Весть благая где,
 духовное общение?
Слышен отовсюду
 только мат...
Всюду гнусность,
 низость и разврат,
Молодых,
 ещё детей, растление.
Ну так кто же
 в этом виноват?

2014 z.

Ночью слышно:
 мощные сваи входят
 В дно пролива...
 гулкий звук,
 Как сердца стук
 встревоженного
 исполина.

Город мой тихий
дремлет

На краю
 древней Тавриды,
Верит:
 с ним не случится
Уже
 никакой беды.
За Керчью —
 весь Крым надеется,
Уверенно
 смотрит туда,
Где атакует
 металл
И отступает
 вода...
А за Крымом
 другие народы
Лелеют
 свои мечты...
Обид пусть
 засохнут
 всходы,
Злые дни ссор
 пройдут,
Во имя
 добра и свободы
Страны
 мосты наведут...
Тысячи
 крепких рук
Соединят
 берега,
И все поймут,
 что глупо
В ком-то
 искать врага.

Ночью слышно,
 как сваи
Входят в дно
 пролива,
Так хочется,
 чтобы люди
Зажили мирно,
 счастливо...

Керчь, 12 сентября 2016 г.

Ироническая поэзия

О КУЛЬТУРНЫХ АКЦИЯХ

Акциями странными едва ли
Можно наших граждан удивить
А иные — вроде анекдотов:
Их пора уже в народ пустить.
«Ночь в музее», «Ночь в театре»,
«Ночь истории» — вот такое
 погружение во тьму...
«Ночь в библиотеке» —
 мы не спорим,
Но ведь надо как-то по уму...
Так доняли этими «ночами»,
Что где день, где ночь —
 не разберём,
Стали уж бояться: что же с нами?
Может, «Ночь страны» не за горами,
И мы дружно в эту ночь уйдём?
Господа министры! Объясните,
Руководствуясь какими чувствами,
Вы решили непременно ночью
Наших граждан приобщать к искусству?

Согласитесь, всё же лучше днём...
Вот мы наизнанку вывернем одежду
и по улицам гулять пойдём...
И от удивления прохожие
сразу станут пользоваться урнами,
Станут сразу все почти культурными.
Мы же эту акцию гламурную
«Шоковым флэш-мобом» назовём...

2015 г.

В л а д и м и р

К а л м а ç к и й

Владимир Павлович Калмацкий родился в 1955 году в г. Атбасаре, Целиноградской области. Проживает в г. Керчь. Образование Среднеспециальное морское, высшее экономическое (Институт народного хозяйства, г. Алма-Ата). Лауреат и Дипломант фестивалей поэзии, бардовской песни. Автор и исполнитель. Печатался в альманахах «Лирика», 2015 год, г. Москва; «Дебют», 2015 год, г. Москва и др. А также в СМИ.

КРЫМЧАНКА

Ты, словно скакун арабских кровей,
(Грациозна, стройна, мила).
Волос ещё не встречал красивей,
Цвета воронова крыла.
Натянуты луки чёрных бровей,
Над твоей синевою глаз.
Быть может, пришла из царства теней,
Посмотреть на мир ещё раз.
Эллинов кровь, то ли римлян в тебе,
Может скифы в предках твоих.
Рождена крымчанкой ты по судьбе,
Но явно ты лучше других.
Плывёшь ты, как лебедь в море людском,
Освещая улыбкой свой путь.
Я замер на миг, стою дураком,
А в душе непонятная грусть...

МЕЛОДИЯ ГРУСТИ

Играет в парке саксофон.
И музыкант седой, и странный.
В его игре я слышу стон,
И боль от не зажившей раны.

Садится солнце за пролив.
За горизонтом скрылось лето.
Мотив все чувства оголил,
Душа безжалостно раздета.

Ещё немного посижу.
Пойду домой, объятый, грустью.
Свою невольно прослежу,
Жизнь от истока и до устья.

Я ОПЯТЬ ВОЗВРАЩАЮСЬ

Опять вокзальная шумиха.
Беру билет и поезд жду.
В мозгах царит неразбериха:
Чего я жду? Куда иду?
Одно лишь радует, что вскоре,
Увижу снова жаркий юг.
Где свои сказки шепчет море,
И ждёт меня мой верный друг.
Там, где по набережной чинно,
Гуляет вечером народ.
И вслед смеётся беспричинно,
Какой-то местный идиот.
Ставридку ловят на причале,
И бьётся о бетон волна.
Там на столе, в твоём бокале,
Чуть-чуть на донышке вина.
И обелиск на Митридате,
Стоит, как вечный часовой!
Огни над бухтой на закате,
И ковш из звёзд над головой.

ВРЕМЯ СКИФОВ

Вновь время лимоном выжато,
Своих погоняем коней.
В степи опалённой, выжженной,
Где море седых ковылей.
Где с рассветом трава сырая,
От росы и крови врагов.
Там мы мчались в скачке, сгорая,
Не зная, где дом наш и кров.
В боях не затупятся сабли,
Не устанут кони скакать.

Не наступим на старые грабли,
Никто нас не в силах догнать.
По Тавриде быстрые кони,
Как лавина мчатся в веках.
Мы черпали время с ладони,
И ложились спать в облаках...

КЕРЧЬ

Влюбился в город я бесповоротно.
Мне так приятно радушие людей,
Хлебнул я будто зелий приворотных
И стал он сразу ближе и родней.
На двух морях раскинулся привольно
Геройский город, корабелов, моряков.
Здесь море синее и зелени довольно,
И море разливанное цветов.
Под шёпот волн я лучше засыпаю,
Они расскажут мне о дальних островах.
Поведают о том, чего не знаю,
Что видели в бесчисленных морях.
Узнаю я, что ждёт меня девчонка
(Ждала Ассоль так Алых парусов)
И vyplывает по утрам её лодчонка,
Куда-то вдаль, за линию буйков.

Песни

КЕРЧЕНСКИЕ МОТИВЫ

Я теперь живу на «Семи ветрах».
Море плещется за моим двором.
Одиночества не пугает страх,
Не проникнуть в дом даже и вора.

Я легко живу, и душа поёт,
Подпевает ей по утрам прибой.
А любовь моя далеко живёт,
Всё равно она будет жить со мной.

Будет всё у нас просто ладушки,
Утром будем печь мы оладушки.
На пляже потом поваляемся,
Кто-то скажет мне; дурью мается.

Но пошлю я всех злопыхателей,
В дальний «эротур», он понятен всем.
Всех не веривших и предателей
Я пошлю их всех, навсегда совсем.

Пусть живут в дали и покаются,
И в моей душе не копаются.
Я же буду жить, как мне хочется,
Нагадала так, мне пророчица.

ГОНКИ ПО КОЛЬЦЕВОЙ песня в стиле шансон

Сегодня гонки по кольцу,
И день уж катится к концу.
Ревут моторы, как бизонье стадо.
И грянул выстрел, как гроза,
Я отпускаю тормоза,
И скорость моя главная услада.

Успеть бы мне за поворот,
Но справа лезет идиот,
И норовит стряхнуть меня с хвоста.
Ну что ж, была иль не была,
Плевать (теряю полкрыла),
Жму на педаль, задача так проста.

Я ухожу на вираже,
Им не достать меня уже,
И лента финиша маячит впереди.
Эх, не заклинил бы мотор,
Скорей закончить этот спор,
Успехов вам! Всем, кто позади.

В ушах звучит оркестров медь,
Меня догнать им, не успеть,
До финиша осталось мне чуть-чуть.
Но что с тобой, ядрёна мать,
Моя хвалёная X-5,
И вместо рёва тишина, ну просто жуть.

Я лишь чуток не дотянул,
И с горя песню затянул,
Про ямщика, что в поле замерзал.
Сгорело солнце от стыда,
И скрылись в дымке города,
И эту гонку я снова проиграл.

В а л е н т и н а

О л о х о в с к а я

Преподаватель Керченского техникума сферы обслуживания

О Родине, о женщине, о любви...

ПОБЕДА ЛЮБВИ

В жестокий мир войны прошедшей
Мы возвращаемся всё вновь,
И в нашей памяти воскресшей —
В боях спасала нас Любовь!

Всё время шла незримо рядом,
Сквозь взрывы и пожар огня,
Среди осколков, пуль, снарядов
От страшной смерти нас храня!

Картечи шквал метался градом,
Но смело шла Любовь среди нас —
Земля вокруг дышала чадом —
Мы шли на свет любимых глаз.

Любовь! Как Счастье, как Награда —
Бойцам, презревшим всякий страх,
Была единственной отрадой —
Надеждой, верою в сердцах!

К войне жестокой — вдаль ушедшей
Мы возвращаемся всё вновь.
В той круговерти сумасшедшей
К Победе всех вела — любовь!

МОЯ РОССИЯ

*Всем живущим далеко от России,
посвящается...*

Живёт в душе тихонько грусть,
По василькам, как море, синим,
В другой сторонке я, но пусть,
Мне не забыть тебя Россия!

Колышет ветром в поле рожь,
Вдали стоит дуб одинокий.
Усталый, ты под ним уснёшь,
На Родине ведь сон глубокий.

Я был счастливым пареньком —
Встречал с девчонкою рассветы,
По травам бегал босиком...
Моя Россия, где ты, где ты?

Застыл орёл в небе высоком,
Осенний лес туманом дышит,
А я давно — в краю далёком,
Россия голос мой не слышит.

Мне без тебя жить нелегко.
Моя Россия, где ты, где ты?
Ты от меня так далеко —
Хочу вернуть твои рассветы.

С тобой всем сердцем остаюсь —
Нет на земле тебя красивей,
Быть может я к тебе вернусь,
Ты вечная любовь, Россия!

Я всё равно к тебе вернусь,
Ты вечная любовь, Россия!

ИДУТ СНЕЖИНКИ ЗА ОКНОМ...

Летят снежинки за окном,
И в воздухе, кружась, летают.
Года идут — денёк за днём,
И в звёздном мире уплывают...

А ты как прежде молода,
Но нет, не для тебя морщины!
И пусть идут себе года —
Всё так же вслед глядят мужчины.

Ты заглянуть спешишь вперёд,
И нет предела для мечтаний —
Не властно время! Не сотрёт
Страстей и новизны желаний!
Летят снежинки за окном...
И белым пухом вниз ложатся.
Ты не жалеешь о былом —
Как птица ввысь — мечты, стремятся!

НИЧТО НЕ ВОРОТИТСЯ!

Жаль, ничто никогда не воротится,
Хоть всечасно об этом проси.
Юным стать, пусть на миг, снова хочется
И былое вспять воскресить.

По траве пробежать на рассвете,
Из ладошек напиться воды,
Помечтать, чтоб на этом свете —
Всем жилось бы, не зная беды.

Вечерком посидеть на пригорке,
И признаться: «Всё было не даром» —
И хотя на душе чуть-чуть горько
С благодарностью вспомнить о старом.

Не стенать, что судьба обманула,
И тебя не осыпала златом.
Что краса твоя промелькнула —
Что безумно любила когда-то.

Лучше встать, протянув руки к солнцу,
Поиграть с шаловливым ветром,
Приказать тихо — «Радуйся!» сердцу,
И счастливой проснуться утром!

ПОЛУЧИЛА МАТЬ ПОХОРОНКУ...

Получила мать похоронку...
Ручейками слезинки со щёк.
Не рыдает, лишь стонет негромко:
Отчего к ней Господь так жесток?

Нет её дорогого сыночка,
Что лицом был и статью в отца.
Девятнадцать лишь было годочков —
Не коснётся родного крыльца,

Не придёт, не обнимет, не скажет:
«Здравствуй, мама, не плачь, я живой»?
Вещевой свой мешок не развяжет,
Не подарит платок расписной.

Плачет мать — нет могилы у сына.
Только строчка: «Убит был в Крыму».
Знать такая досталась судьбина —
На чужбине лежать одному.

Много лет по сыну мать плачет,
Той войны проклиная смерч.
Вдруг, ей с почты пришла передача,
Из далёкого города Керчь.

Письмецо в ней от сына лежало,
То, что ей перед боем писал.
Столько лет его мать ожидала —
И вот чудо! Сын весть ей прислал!

Он просил мать — не думать о смерти,
Обещал, что вернётся домой.
Был ещё в том, в бумажном конверте,
Потускневший платок расписной.

А ещё приглашения были,
В город Керчь — память сына почтить,
Чтобы с почестью в братской могиле,
Как героя его схоронить.

Не ждала мать, что так вот случится —
Сын нашёлся! Сквозь времени срок!
Скоро к сыну она обратится —
Тихо скажет: «Ну, здравствуй, сынок!»
Керчь. Заветное 1983г.

САМА РЕШАЕШЬ!

Бежать! Спешить! Всё время напрягаться,
С утра до вечера и каждый новый день.
И недосуг совсем кому-то улыбаться,
А слово «надо» следом, словно тень.

Подумаешь: «Всё бросить без оглядки?»
Но лишь на миг — и вновь в круговорот.
Давно и для самой уже загадка —
Что к этой суматохе так влечёт?

Кто нашу жизнь планирует всечасно
Нанизывая дни, как бусинки на нить?
Кто делает счастливой, иль несчастной,
И кто решает, как нам дальше жить?

Пусть пишет тот невидимый всезнайка —
Кому на этом свете как прожить.
Но ты — всегда сама себе хозяйка,
И подбираешь бусинки сама на свою нить!

ЖИВИ ЗА ВСЕХ, ЖИВИ!

Материнской любви...

Еврейский мальчик плачет безутешно,
Худыми ручками трёт мокрые глаза.
Совсем один во тьме ночной, крошечной —
Солёным ручейком бежит горячая слеза...

Он шёл в толпе унылой, молчаливой,
За руку матери отчаянно цепляясь.
«Беги, ты должен жить, сыночек милый».
Сказала мать, к нему едва склоняясь.

И резко в куст его толкнула придорожный,
Когда замешкался кровавый их конвой.
Услышал шёпот он последний и тревожный
«Беги! Спасайся, сын! Живи, родной!»

Он не ушёл, он крался, как волчонок —
То полз, вращая в землю, то бежал.
Он слышал окрики и выстрелы винтовок,
Но взгляд от матери на миг не отрывал.

Потом был ров — огромный и глубокий,
И залпы с беспощадной чередой.
Сквозь ад ловил он голос одинокий:
«Живи за всех, живи!» — он умолял с тоской.

Качнулась мать — и сын рванулся к ней!
Но руки протянув, как будто заклиная,
На идиш крикнула: «Нет! Нет! Беги скорей!»
И в ров сползла, садистов проклиная.

Ушли стрелки... Людьми земля дышала,
И в хрип единый стоны все слились.
Он землю стал грести, где мать его упала,
Он звал, кричал, просил её: «Вернись!»

Еврейский мальчик плачет безутешно,
Худыми ручками трёт мокрые глаза.
Совсем один во тьме ночной, крошечной —
И горьким ручейком бежит слеза...

Я К ТЕБЕ, РОССИЯ, ВОЗВРАТИЛСЯ!

Гроздь калины рдеет за окном,
Вдалеке летит журавль над полем,
Стелется барвинок голубым ковром,
И склонилась ива низко, как в неволе.

Да, прекрасен украинский край:
Вишни у дворов, ухоженные хаты.
Может быть, для многих это рай,
Только не мои это пенаты.

Мне милей берёзка за холмом,
И полёт орла в небесной выси.
Тихий шёпот речки подо льдом,
И игривый бег сибирской рыси.

Мне родней всего моя Россия —
Северный простор и жаркий юг,
Знойный луч и снежная стихия,
Шум волны и завыванье выюг.

Потому молил я, обращаясь к Богу,
Чтобы снился мне, хоть иногда
Светлый путь к желанному порогу,
Путь к России — безвозвратно, навсегда!

Всё свершилось! Я домой вернулся!
Здравствуй, Родина! Россия, ты ждала.
Сердцем, ноющим к тебе я прикоснулся,
И ожил от твоего тепла!

Я дышу, как будто вновь родился —
Всё во мне ликует и поёт.
Я к тебе, Россия, возвратился!
Снова радость и покой в душе живёт!

Л е в

Е ф р е м о в

Ефремов Лев Алексеевич. Родился 17.06.1944 г. в г. Горьком. Окончил Мурманское Высшее Инженерное Морское Училище. Капитан дальнего плавания. Более 40 лет проработал на флоте, более 20 лет капитаном. Член Российского Союза Писателей, Союза Писателей Республики Крым. С 2009 г. проживает в г. Керчь.

ЯКОРЬ-ПАМЯТНИК

У капитана одного из крымских портов, в день его рождения, летним вечером собрались друзья и сослуживцы. Звучат поздравления, желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, счастья, удачи и прочего, что обычно желают, завалили именинника подарками. Капитану даже неловко стало:

— Друзья, спасибо. Ну, куда мне столько всего?

Один из его друзей, с шуткой, спрашивает:

— Дмитрий Борисович, у вас на будущий год юбилей. Какой бы вы хотели подарок?

Грустно стало капитану. Сразу подумал о своём возрасте и скором выходе на пенсию:

— Отпраздную юбилей и на пенсию. А, как показывает статистика, моряки, выйдя на пенсию, долго на этом свете не задерживаются. Надо и о вечном позаботиться. Вот у лётчиков на памятниках пропеллеры устанавливают, а у моряков якоря. Вот бы и мне якорь на будущий памятник.

Стали друзья его успокаивать:

— Рано вам об этом думать. Здоровье у вас отличное. Вы ещё и до ста лет бегать будете и многих из нас переживёте.

Через несколько дней видит капитан, что около проходной стоит якорь и портовый рабочий его красит. Спрашивает у своего заместителя:

— Что за якорь стоит у проходной, откуда?

— Да, это ваш якорь, как вы хотели. Сняли его с бесхозного судна, которое уже не первый год стоит в ожидании отправки на металлолом.

Так и стоит этот якорь у проходной. Идёт утром капитан на работу, видит свой якорь, а потом и внимания на него особо обращать перестал. Стоит якорь и стоит, это уже стало привычной картиной.

Теплоход «Н. Бауман» поставили в ремонт в один из волжских затонов. Ремонт предстоял длительный, и весь экипаж был направлен на другое судно такого же класса т/х «Сормовский», на котором в это время закончился ремонт на этой же базе. В порту Тольятти погрузили груз назначением на порт Ялта. Пока судно следовало до Ялты, экипаж занимался обычной в таких ситуациях работой. Подчищали все заводские недоделки и, естественно, заканчивали покраску судовых конструкций. В общем, работы у экипажа было много.

В порт Ялта прибыли рано утром. На рейде на борт судна поднялся портовый лоцман. Объясняет капитану особенности швартовки к причалу в порту:

— Причал открыт южным ветрам, и поэтому к причалу надо подходить с отданными носовым и кормовым якорями. После швартовки у якорных цепей выбирается слабина. И судно стоит безопасно у причала. В случае шквалистого ветра и волны с моря, швартовы, заведённые на причал, потравливаются, а якорные цепи набиваются, и судно оттягивается от причальной стенки. Таким образом, можно безопасно для судна и причала продолжать грузовые работы.

— Хорошо, — говорит капитан и даёт команду боцману на бак:

— Приготовить левый якорь к отдаче, — на корму:

— Приготовить кормовой якорь к отдаче.

На корме руководит швартовкой второй помощник капитана. Для отдачи якоря необходимо предварительно

якорь-цепь потравить до выхода якоря из клюза. Начали травить цепь якорной лебёдкой — якорь из клюза не выходит. В чем дело? Смотрят, а веретено якоря погнуто и якорь плотно застрял в трубе клюза. Судно уже рядом с причалом, отдан носовой якорь. Поступила команда:

— Отдать кормовой якорь. — А он не идёт.

Доложили на мостик капитану. Все это слышит лоцман и береговые работники. Вопрос:

— Почему не готовы к швартовке? Почему раньше все не проверили?

Команда на корму:

— Второй помощник примите все меры, кормовой якорь должен быть отдан.

Все свободные матросы и механики собрались на корме. Решили попробовать немного стравить якорную цепь и попытаться выбить якорь из клюза. Наставили на веретено якоря деревянный брус и начали бить по нему кувалдами. Получилось. Выбили якорь из клюза и спокойно стравили до грунта. Подошли к причалу. Начали выгрузку груза.

На борт поднялись представители порта и портового надзора. Устроили в каюте капитана совещание, начали грозить разными штрафными санкциями. Вызвал капитан буфетчицу, накрыли стол. Портовики немного смягчились:

— Юрий Михайлович, после окончания грузовых работ, если погода будет благоприятная, вы выберете кормовой якорь, и в портовых мастерских можно будет попытаться выправить погнутое веретено.

Ночью закончили выгрузку, утром выбрали кормовой якорь, отсоединили якорь-цепь и отправили якорь в портовые мастерские для ремонта. Начали править веретено якоря. Газовой сваркой нагрели погнутое место и начали выправлять ударами тяжёлых кувалд. Греют ме-

талл докрасна и стучат. Наконец, металл поддался, веретено стало понемногу выпрямляться. Ещё хороший удар, и ...

— Эх, не надо было так стучать, якорь то литой, а потом специально закалялся.

Но дело сделано, веретено якоря треснуло в месте правки. Заварить его уже нельзя. Надо только заказывать новый якорь. Портовые власти в стороне, они в правке якоря не участвовали, а с портовых работяг — какой спрос.

Выгрузка судна закончена, грузовые документы оформлены, надо отходить от причала.

Отошли от причала, судно следует в следующий крымский порт под погрузку. У капитана проблема, только начал работать на этом судне и уже ЧП.

Потеря якоря — это серьёзно. Можно и должности лишиться. То, что не успел проверить все судовые устройства при приёмке судна, так это капитанское упущение. Надо было все проверить, как положено. Объяснения никто и слушать не будет.

Пришли в порт, начали погрузку. Груз назначением опять на порт Ялта. Сидит капитан в каюте, голову ломает — что делать?

Лето, отличная солнечная погода. Экипаж, свободный от вахт, отдыхает.

Вечером возвращаются из города два приятеля — второй помощник капитана и второй механик. Отдохнули в городе хорошо, настроение отличное. Подходят к проходной порта, и второй механик говорит товарищу:

— Саша, смотри, якорь-то, как наш кормовой.

Недалеко от проходной лежит якорь. Подошли, посмотрели — точно, как кормовой якорь, который был у них на судне. Стали думать, как его на судно доставить? Якорь-то тяжёлый. Были у них с собой две бутылки водки, купили в городе, на всякий случай. Выгрузка

судна продолжается. Подходят они к водителю автопогрузчика и предлагают:

- Выпить хочешь? — И показывают бутылку.
- Давай. А что надо сделать?
- Пойдём, надо перевезти от проходной до судна якорь.
- Без проблем.

Подъехал на погрузчике к якорю и подвёз его к корме судна. Затащили на причал якорь-цепь, присоединили якорь и поставили на штатное место.

Утром второй помощник спрашивает капитана:

- Юрий Михайлович, а, что это у вас вид такой нездоровый?
- Да, не спал всю ночь. Все думал, как в Ялте к причалу вставать будем.
- Юрий Михайлович, встанем без проблем, лучше, чем в прошлый раз.
- Как, без кормового якоря?
- Юрий Михайлович, кормовой якорь у нас есть, пойдёмте, сами увидите.

Не сразу поверил капитан, но тут и второй механик подтверждает. А капитан знает, что от этих товарищей можно ожидать любого сюрприза. Пришли на корму, смотрят — кормовой якорь на штатном месте. Не стал капитан допытываться откуда он взялся, потом сами расскажут. Но настроение сразу улучшилось. В десять утра закончили погрузку и спокойно отошли от причала.

Утром Капитан Порты пришёл на работу и занялся своими делами. Работает и все что-то в подсознании его тревожит, что-то не так. Задумался. Отложил все бумаги и, вдруг, вспомнил. Когда он проходил проходную, около неё не было якоря. Спустился к проходной — точно, якоря нет на месте. Вызвал начальника караула:

- Куда девался якорь от проходной?

— Так его ночью грузчики отвезли на т/х «Сормовский».

Швартовка и затем выгрузка в Ялте т/х «Сормовский» прошла без лишних хлопот. И снова получают рейсовое задание следовать под погрузку в порт, в котором «нашли» якорь.

Встали к причалу под погрузку. К капитану сразу же прибыл Капитан Порты с комиссией:

— На прошлой стоянке ваши моряки украли мой якорь. Я скоро выхожу на пенсию и приготовил его себе на памятник. Отдайте. По-хорошему, прошу.

— Какой якорь, зачем он мне? — Оправдывается капитан. — Хотите, осмотрите судно. Якорь просто так не спрячешь.

Пошли всей комиссией искать якорь. Все судно облазили, якорь не нашли.

А то, что их якорь на корме, никто и подумать не мог. Не выпускают в море суда неукomплектованные всем необходимым.

— Ну, видите, нет у меня на борту вашего якоря. А почему вы решили, что он у меня должен быть?

— Грузчики сказали.

— Так они, вероятно, сами его в металлолом и сдали, а решили на меня свалить.

Этим дело и закончилось. Но в следующий заход в этот порт опять Капитан Порты выспрашивал о якоря.

Вызывает капитан своего второго помощника и второго механика:

— За то, что меня выручили, спасибо, но как перед Капитаном Порты неудобно получилось. Человек себе памятник заготовил, а мы его украли.

— Юрий Михайлович, да мы доброе дело для него сделали. У него теперь стимул появился ещё поработать и дольше пожить, пока он другой якорь не найдёт.

Доброго ему здоровья и долгих лет жизни.

ХРАМЫ

В центре Керчи недалеко от памятника В. И. Ленину на Таврической площади (им. В. И. Ленина) стоит Храм Иоанна Предтечи. Храм старинный, построен в VIII веке. Потом неоднократно разрушался и восстанавливался. Всю его историю можно изучать, глядя на это здание. Снаружи — около Храма с тыльной стороны небольшой ров и в нем видны старые камни основания, которые со временем ушли в землю; внутри Храма также видны старые камни основания и старинные колонны, поддерживающие свод. Внутри всегда много народу, причём всех возрастов. Ну, старые приходят в церковь — это общая традиция, ставят свечи и молятся у разных ликов святых, а вот сравнительно молодые, в основном, идут к иконе Николая Чудотворца. Оно и понятно — Святой Николай покровитель мореплавателей, а Керчь город моряков.

Часто, проходя мимо этого Храма, захожу сюда, ставлю свечку Св. Николаю. Постоишь перед иконой, пожелаешь удачи всем мореплавателям. Креститься, как-то не получается, с детства не приучен, а сейчас начинать так это уже кажется не особо искренним, лицемерным.

Разные мысли и воспоминания в голову лезут, когда смотришь на церкви.

Стояло наше судно в ремонте на СРЗ в г. Измаил. Однажды пошли в город прогуляться втроём: я, второй механик и боцман. В центре города находится очень красивый Свято-Покровский кафедральный Собор. По рассказам работников судоремонтного завода, он был построен в честь победы А. В. Суворова над турками при взятии Измаила. Часть Храма отведена Николаю Чудотворцу. Предлагаю своим попутчикам зайти и поставить

свечки нашему заступнику Св. Николаю. Боцман с радостью согласился, а второй механик отказался. Как мы его не уговаривали. — Не пойду, и все.

Ладно, зашли мы в Храм, поставили свечки Николаю Чудотворцу, я молча, боцман тихо с какой-то молитвой. Вышли, второй механик стоит на улице курит, нас ждёт. Идём дальше, не разговариваем. Какое-то отчуждение между нами возникло. И вскоре механик не выдержал и начал объяснять своё поведение:

— Я почему не пошёл? Я крещённый и к религии отношусь с большим уважением. Но последнее время я заметил, что после посещения церкви и обращения к ликам святых, у меня начинаются разные неприятности. Настроение ухудшается, болезни разные проявляются, да, и на работе все из рук валится. Наверное, грехи какие-то вспоминаются.

Задумались, действительно серьёзная причина. Что делать? Боцман сразу сообразил:

— А, пойдёте в открытое кафе, может, ему и полегчает.

Действительно, помогло. Настроение у механика улучшилось, даже улыбаться начал.

На следующий год я решил провести отпуск в родном Нижнем Новгороде.

У нас гостила невестка с внуком Ваней. И опять Троица. Праздник. Решил показать, как этот праздник в Нижнем Новгороде проходит. Не очень далеко от дома в Высоково, стоит Нижегородский Собор. В детстве я туда с пацанами часто бегал на Пасху. В бога мы не очень верили, но сама атмосфера там была какая-то необычная — праздничная, и нас это привлекало. Утром в день Святой Троицы сажаю своих родных в машину и везу в Высоково в церковь на Праздник. Приехали. Народу — море. Машину не поставить, в церковь не пройти. В Нижнем Новгороде есть ещё старинные

церкви. Это мой город, я знаю, где они находятся. И повёз всех в Верхне-Печерскую церковь. Она находится на высоком Волжском берегу в черте города, но около неё находятся старые домишки, которые раньше считались деревенскими и названия были: Верхние Печеры, Красная Слобода и т.д. Около этой церкви народу немало, служба закончилась и все расходятся по домам. Поставил машину и с родственниками в церковь. Там уже бабки начали делать уборку:

- Можно нам пройти посмотреть?
- А, вы у батюшки разрешение спросите.
- А где батюшка-то?
- Вон, около «Москвича».

Смотрю, к автомашине «Москвич» два мужика подходят с мешком. Загружают мешок в багажник, слышится звон посуды. Оба одеты в цивильное. Кто из них батюшка, сразу не понять. Оба бородатые и патлатые. Обращаюсь с просьбой:

— Можно моим родным зайти в церковь, полюбоваться. Ведь праздник.

Видно, что я не вовремя подошёл. Люди делом заняты, а я с глупостью лезу.

Но положение обязывает, и елеинным языком один из них говорит:

— Конечно, сын мой. Идите в церковь и бога порадуите.

Запахнули мешок в багажник и уехали. Я с женой, невесткой и внуком в церковь. Ан, нет. Вообще, старухи народ вредный, а особенно, если у них есть какая-то власть.

- Батюшка нам разрешил, можно мы пройдем?
- Пусть платки на головы наденут, и юбки подлиннее.

Так в церковь нас и не пустили.

Но моряки не сдаются. И решил я ехать опять в Высовскую церковь. Приехали. Служба уже закончилась. Народу мало. Прошли за ограду, идём по церковной территории. Вижу, идёт впереди мужик, командует, все его слушаются. Подошёл ближе, смотрю — Сашка Коноплев. Вместе в школе учились, вместе на лыжах с трамплина прыгали:

— Здорово.

— Привет.

— Ты, что здесь делаешь?

— Я здесь на многих должностях. Сторож, оператор газовой котельной и, когда нет батюшки, я тут главный.

— И смеётся.

— Саша, ты же политех окончил.

— Ну, вот и пригодилось.

Пригласил в свой кабинет.

— Саш, как пройти в церковь. Хочу показать родным, внук очень просит.

— Нельзя. Я её запер и сдал на охрану. Чтобы открыть, это надо все объяснять вневедомственной охране. Потом замучишься объяснительные писать. А, ты можешь с внуком на колокольню подняться. Я её ещё не запер.

И пошли мы с Иваном на колокольню. Внутри винтовая лестница ведёт наверх на колокольную площадку. Шли мы, шли по ступенькам, Ваня устал, пришлось посадить его на плечи. Поднялись наверх, глянули вниз — высоко. И, то ли Ваня испугался, то ли просто время пришло:

— Деда, хочу писать.

Ну, надо, так надо. Пришлось быстро спускаться, так и не полюбовавшись праздничным городом с высоты.

Сейчас Иван большой, этот инцидент не помнит. А я, как взгляну на эту колокольню, так сразу совсем не благостное вспоминается.

Наверное, не созрел я ещё до молитвы.

Т а м а р а

Е ф р е м о в а

Ефремова Тамара Ивановна. Ленинградка, окончила ленинградскую школу, Электромеханический техникум, Ленинградский Финансово-Экономический Институт им. Н. И. Вознесенского. Работала во Всесоюзном Институте Разведочной Геофизики. В те годы объездила Заполярье, Донбасс, Кавказ, Сибирь (Хакасия).

20 лет проработала в Заполярье. В 90-2000-е годы побывала в Чехии, Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, Италии, Ливане, Израиле и др. Наблюдала людей и всегда восхищалась стойкостью умных и красивых женщин и настоящих, сильных мужчин. С 2009 г. проживает в г. Керчь. Печатается в Керченских газетах и альманахе «Российский Литератор».

Член Российского Союза Профессиональных Литераторов, Союза Писателей Республики Крым.

МОЙ КЕРЧЕНСКИЙ ПЛЯЖ

Для россиян и другого населения мира Керчь стала знаменитой. Мы говорим Керчь, подразумеваем *мост, переправа, санкции* разные, блокады продуктовые, энергетические и морские. Просто страшно — как вы там выживаете? Живём.

Наступило третье лето российского Крыма. Солнце, море — все по-старому, а вот пляжи в Керчи меняются, по крайней мере те, куда мы ходим — Черепашка и Московский. На другие не ездим: от дома близко и, вообще, от добра добра не ищем. Утром идём на Черепашку через Комсомольский парк большой и зелёный. Тут и лошадей живых можно увидеть. В этом году берег очистили от водорослей и в воду приятно войти. Все развлекаются, дети на качелях, горках, и взрослые тоже отдыхают целый день, купаются, загорают, в обеденное время пахнет шашлыком, столы накрыты белыми скатертями — традиция такая. Тем более, что городские мангалы, столы и скамейки — все на месте круглый год.

А вечером на Московский пляж. Вот здесь в этом году коренные изменения. Грибки новые поставили, раздевалки приукрасили, прибрежное море разделили буйками на три части: не заблудишься, и катера, чтобы не заходили в зону для купания, спасатели следят за порядком. Мы, отдыхающие, умеем мусорить. Но то ли чистота-красота в этом году себя лучше защищает, или убирать пляж стали тщательнее, но не видно бутылочных осколков, пластиковых пакетов, как в прошлом году. Из дикого пляж превратился в культурный. Теперь еду с собой можно не привозить: шашлыки приготовят специалисты. Чай, напитки, фрукты в знакомом месте. Столики со скамейками под навесом, где всегда прохладно. Отдыхающих на пляже в этом году прибавилось. Детей!

Очень много. Все хорошенькие, одеты по-европейски, мальчики в плавочках, девчулочки в отдельных купальничках. Очень красиво. Не пляж, а международный детский ясли-сад и школа в придачу.

Вот молодая женщина сидит на берегу с громадным, роскошным арбузом, ждёт своих мужчин. Не скоро они придут. В море, в совершенном восторге, папа с сыном играют — братья по разуму. Совершенно самостоятельный, годовалый пловец сидит в надувном круге и кружится, а папа играет в прятки — нырнул под воду:

— Нету папы. Куда он девался?

На секунду храбрый сын притих. Но нет... выпрыгивает родитель из воды, на голову положил длинные нити водорослей — «напугал»:

— А теперь ты напугай меня.

И «малой» пытается себе на голову тоже нацепить отцовское украшение.

Окружающие замерли, а вдруг малыш выскользнет из круга, и уже готовы рвануть к нему. Кому радостнее, старшему или младшему, но сколько радости они передали всем окружающим. Настоящий мужичок растёт — смелый и весёлый.

Рядом двухгодовалая, весёлая хорошунья. Ходит, песенки поёт.

Ля-ля-ля и села в воду, засомневалась — глубоко — и перебралась на место помельче. Папа не шелохнулся — дочь сама справится. В поле её зрения попали мальчики на берегу с машинками, лопатками. И, с той же авторской песенкой «ля-ля-ля», поднялась из своей купальни, подошла к хлопчикам, отобрала игрушки и весело пошла на собственное место в море — отдыхать. Пацаны обалдели. Папа не тронулся бы с места, если бы дочь «схлопотала по заслугам». Страданий у матерей по поводу игрушек тоже не было. Солнце, море, всем хорошо.

Посредине прибрежного моря в плавательном круге сидит абсолютное, философическое Очарование. Все, как положено по моде этого сезона, беретик с цветочком на голове, руки на розовом круге. Все вокруг радуются солнцу, брызгам и только наша купальщица серьёзно смотрит куда-то вверх. Наверное, с космосом общается и кажется задаёт какие-то свои вопросы:

— Время так быстро бежит, а я сижу здесь вся мокрая, жизнь мимо течёт, а что дальше...

Что будет дальше, и мама её не знает, крепко держит за ручки полугодовалую умницу.

В самом начале июня море у Керчи ещё не очень тёплое. У воды молодой дедушка с трёхлетней внучкой:

— Холодно, ой, как холодно — с дедовской, умильной любовью согревает девочку.

Внучка строго:

— Не бойся дед, пойдём.

И бесстрашно идёт в воду. Лидер растёт, а может и президентом станет!

Поначалу многие дети боятся моря. По берегу ходит молодая мама. К её лицу прижимается испуганный, бледный сынок. Но мама умница — терпеливая, знает, что пройдёт совсем немного времени, и она с тоской будет вспоминать это спокойное хождение — пацанёнок из моря не вылезает, и ей загорать будет некогда.

В один из прохладных дней молодые родители лежат загорают, бабушка стоит у моря «на воротах» и не пускает полуторагодовалую внучку в воду. Любыми способами хитруля-русалочка добирается до воды. Папа лениво встаёт, берет толстущечку на руки, заходит в воду подальше от берега, полощет ребёнка в холодной воде и наверно думает: «Испугается, замёрзнет и ляжет с родителями греться». Ничего подобного. Через несколько секунд из огромного тёплого полотенца вылезают пяточки, попа и опять свободолюбивое создание шлёпает к воде

мимо расслабленного сторожа. А бабуля — то прозева-а-а-ла.

Взрослые, которые без детей, живут на пляже своей жизнью. Кто просто оздоравливается, а кто ищет друзей.

— Ой, плотик уплыл, — дама борется с ним на виду у всех. Пожилой «Донкихот», куда лезет? Поплыл в сторону пострадавшей — а как же, спасти надо. Доплыл, доставил девушку на островок и убыл в своём направлении.

Оглядывается, а плотик опять в море. Собрал он свои предпоследние силы и поплыл опять спать несчастную. Отбуксировал теперь уже на пляж. Бедняга последние силы отдал спасению утопающей. А надо было? Может, помешал девушке встретиться с будущим счастьем? Больше на этом пляже плотика не видели.

Сдулся и пылится где-нибудь, как не выполнивший боевое задание. Эх, «Донкихот» ты керченский.

Три дамы, три грации бальзаковского возраста, курстодиевского типа, все при параде, стоят в неглубоком море. Мимо плывёшь, как будто зашёл в магазин, где только что пролили годовые запасы духов, одеколona и прочего парфюма. Опасно.

Сидит на берегу женщина средних лет, роскошных форм. Радостно-удивлённая морская волна разбивается о её шикарную фигуру. Из воды выходит, наверное, отставной седовласый офицер:

— Афродита Иванна, вам помочь?

— Вы ошиблись, меня не так зовут.

— Я не знаю вашего имени, но вы, как Афродита из пены морской появились передо мной.

Собрав всю оставшуюся обаятельность, поистёртую трудной многолетней жизнью, она подала ему руки, и он «поволок» её на берег. Тепло на душе стало спасителю, что-то ему напомнило корму любимого судна в ракушках.

Надоело плавать — иди по дороге над морем в парк. Берег такой крутой, что спуститься к морю может бывалый местный либо спортивная молодёжь. Зато там можно купаться вместе с другом — впечатлительным и громко лающим от восторга. Остальным пешеходам по дороге открывается такой вид! Посреди моря стоит гигантский «медведь» с ушами, лапами и воду пьёт. С этой головы смельчаки ныряют в воду — картина расшатывает нервы зрителям. Можно от жары уйти в парк, почти лес, где ещё пока угадываются следы бывшего социального богатства. Красивые фонари, танцплощадки, колоннады... Здесь начали восстанавливать пансионаты и их обитатели загорают с утра до вечера на пляже. Интересная жизнь на пляже, а мы утомлённые жарой, водой и активным отдыхом, едем домой. Встаём под душ в саду, пьём горячий чай, глаза закрываются сами собой.

Спасибо пляжу. День удался на славу.

МОСТ И «МОСТИК»

Это «Мостик». Котенком он забрёл на стройку Века — Керченский мост и талисманом «работает». В свободное от саморекламы время он присматривает за рабочими. Все его любят: имя дали в честь большого Моста — пускай растёт таким же красивым, придели — каску выдали для безопасности, красивый ошейник подарили на случай, если потеряется; его беспородную морду раскормили. Но и он лёг в металлическую конструкцию (смотри фото), наверное, очередь занял, следующий я. Представляешь картину: пробегает кот под ленточку на открытии Моста, правда, бежать далековато. Да, ладно, довезут в Президентской машине.

Очень хочется посмотреть Мост поближе, но с Керченской набережной стройка моста видна, но далековато, зато слышна. С вершины горы Митридат, что в центре города, тоже можно посмотреть, но не очень хорошо видно. Едем на смотровую площадку на мыс Ак-Бурун на улицу Цементная Слободка. Слева от дороги появился новый городок строителей — пять трёхэтажных светленьких домов. Обращают внимание кондиционеры

под каждым окном. Здесь все есть для достойного жилья и отдыха. По совести сказать, не у каждого керчанина есть такое жилье. Хотя временно, но комфортно живут работники Моста: столовая, баня, прачечная, спортплощадка... Слева от дороги девять стареньких домиков местных старожилов. Сначала, в пятидесятые годы здесь жили солдаты из крепости «Керчь», а потом гражданские — под ветром, мокли под дождём и поджаривались на солнце. Сейчас им повезло, в конце года они переедут в новые квартиры в районе Нижний Солнечный. В благоустроенных дворах с детскими площадками, парковкой, построили два дома, где будут жить по-человечески 80 семей. Красота.

Сразу за домами смотровая площадка, которая становится туристическим объектом и обустраивается. Синенькие урны для мусора, стойки поставили для ограждения, чтобы любопытные туристы не упали с обрыва вниз. Там идёт стройка. Праздный народ ходит по площадке, вдаль глядит. Подошла я ближе к краю крутого обрыва, метров 20 будет... Дух перехватило. Такая мощь и такая красота! Красота профессиональной, деловой неторопливости, чистоты и порядка. Ровненько уложенные громадные стальные конструкции ждут своей очереди. С набережной мне казалось, если Мост строится такими темпами (!), то там все бегают, как ошалелые. Профессионалы, умелые люди, не суетятся.

Что нам стоит Мост построить? В 1949 году, ещё при Иосифе Виссарионовиче, планировали построить огромный Керченский мост. «Сам» стоял бы высоко и глядел бы очень далеко, да и народ бы Его видел. Но Сталин был рачительным хозяином и проект «Царь-Моста» посчитал дорогим и нерентабельным. Страна в разрухе, автомашин и поездов мало. Кто будет по этому мосту ходить? Он решил остановиться на варианте «Переправа» и в 1954 году, уже после его смерти, из порта Кавказ и

обратно в порт Крым начали курсировать паромы. Я помню, как из Ленинграда ездила в Сочи, наш поезд въехал на паром: стало весело и страшненько, самую малость.

Сейчас другая страна не СССР, а Россия, поднявшаяся, но не шибко богатая, решает политико-экономическую задачу вхождения Крыма — позарез нужен Мост. Большую часть года я живу в Керчи, которая стала воротами Крыма, рядом с Переправой. Вижу эти потоки легковых и грузовых автомобилей, но сейчас, осенью, паромы отдыхают — шторма в проливе. Связь с Большой Россией прекращается. Очень нужен Мост. Его строят в другом месте, большой, дорогуший. Вокруг него много споров — разговоров в городе, и на украинском и российском телевидении. Украинцы хихикают, а россияне изготовили роскошный рекламный ролик. На смотровой площадке рядом стоит группа людей. Керчанка горячится:

— Смотрите, смотрите, всем расскажите, что мост живой, а то на Украине говорят, что показывают чужие картинки.

— Да, мы давно уже все поняли, — отвечают гости.

На набережной ведутся разговоры, кто-нибудь тихо в спину посмеиваются:

— Что, думаете, Путин построит мост?

Так противно, что даже оглянуться не хочется.

Сваи заколачивают — весь город слышит глухие, размеренные удары.

— Вот грохот, день и ночь, — ворчит мадам. Вторая говорит:

— Ой, как хорошо, а я сплю. Стучат, значит все ок!

А враг не дремлет. Пока мост строится, Переправу можно вывести из строя, хотя бы на время. Крымско-татарский батальон имени Н. Челебеджихана приготовился совершить диверсию в Керченском проливе. Суть

диверсии: разбросать в проливе стальные тросы на поплавах. Они должны намотаться на винты паромов, и те надолго встанут на ремонт. Курортный сезон в Крыму, по их мнению, должен был провалиться. Господа враги Российского народа, диверсия — это, конечно, подло, но, чтобы дырявый баркас использовать... Это круто. А остальные денежки где?

Несмотря ни на что Мост живёт, растёт. Дай Бог, все будет хорошо.

В а л е р и я

Ш и р я е в а

БЫВШИЕ РУССКИЕ РИЖАНКИ

Тамаре Таранзинской

Неласково страна нас приютила,
Негреющее солнце нам светило.
Вот много лет прошло, и что же?
Скучаем мы по той стране — о, боже!
Не потому ль, что были мы моложе?
17.03.2016 г.

РАКУШКА

Привезённая с дальнего моря,
Что зелёным искрится огнём,
Сохранила она шум прибоя,
Как красивую память о нем.
Если вспомнить о зыбком просторе,
Стоит к уху ракушку прижать,
И далёкое милое море
На минуту услышишь опять.
10.03.2016 г.

ПЕВЦУ ОЛЕГУ ПОГУДИНУ

Диптих

1

Когда волшебный голос раздаётся
В пространстве одинокого жилья,
То кажется достойней обстановка,
Полней бывает чаша бытия.

Ошибок прошлых гнёт ослабевает,
Грядущее становится светлей,
И одиночество куда-то исчезает,
И музыка звучит в душе моей.

2

Давно всем сказано:
Не сотвори себе кумира.
Давно всем сказано:
Не лей пред ним елей.
Но если восхищает он полмира,
То слов хвалебных
Для таланта не жалей
7.09.2015 г.

* * *

Памяти Г. В. Свиридова.

На клавиши руки в бессилии
Упали птицей.
Певучее сердце России
Устало биться.

Опустошились души,
Осиротели.
Но слушай, Россия, слушай
Свои метели.

И в них сквозь глухую снежность
Пурги холодной
Услышишь простую нежность
Его мелодий.
9.04.2016 г.

ВРУБЕЛЬ

Прихожу поклониться Пану
В этот полный сокровищ дом.
Изумляться не перестану —
Вся опутана колдовством

Вдруг исчезнет зал Третьяковки
И с ночной синевы небес
Глянет месяц жёлтой подковкой,
Зашумит встревоженный лес.

Пробираюсь испуганной мавкой
По кустам среди лесных подруг.
Мне ответит каждая травка
На высокий протяжный звук.

Это Пан заиграл на свирели
Что-то ведомое одному.
Я, славянка, бездумно верю
И пришла поклониться ему

Удивленье стряхнёт нескоро
Отуманенная голова...
За стеной современный город,
За стеною шумит Москва.

26.03.2116 г.

П а р о д и и , ю т о р*Л е о н и д**П а н и н*

*Пахнет травами, если в травы упасть,
Пахнет травами — только бы не пропасть.
Ветер с моря обнимает траву.
И травую я тебя напою.
Кружит хмель над травой, а трава — духи,
Над моей головой травы — запахи.
Надышаться бы всласть и в запас бы ещё.
Над тобою бы власть! Да на что мне её?*

Наталья Трушкова

ТРАВЫ

Пахнет травами и дурманами,
Ароматными, конопляными,
Пахнет клеями, пахнет лаками,
А ещё сильнее пахнет маками.
Смолянистыми и душистыми
Пахнет травами анашистыми.
В травы пряные грудью упаду,
Но от запаха я не пропаду.
Вместе с ветром я обниму траву,
А потом травы два мешка нарву.
Тебя допьяна напою травой,
Чтобы до ночи кайфовать с тобой.
Если вдруг чего не получится,
Не придётся нам долго мучиться.
Мы надышимся и накуримся
И к утру с тобой окочуримся.

*Свет погас!
В припадке струна
Дрожала.
Покой не спас,
Вонзил в душу
Тонкое жало...*

КОНЕЦ СВЕТА

Однажды мудрый Элохим
Изволил круто пошутить —
Решил все созданное им
К первоначалу возвратить.

Сказал он тысячам светил:
«Да воля сбудется моя!»
И свет повсюду погасил,
Нажав на кнопку бытия.

Взмахнул он царственно рукой
И вмиг на смену суете
Вновь первосозданный покой
Возник в кромешной темноте.

Лишь тишина в ночной глуши,
И тьма над бездною застыла,
И не одной живой души,
И не колышутся ветрила.

В потёмках свечи не горят,
Вокруг безмолвие витает,
И трупы с косами стоят,
И гроб с покойничком летает.

«Ядрёна вошь!» — подумал я,
Струна в припадке задрожала,
И в окружении бытия
Покой вонзил мне в душу жало.

Недолго мудрый Элохим
Намерен круто был шутить
И снова, созданное им,
Решил на место возвратить.

«Да воля сбудется моя
На сотни долгих, светлых лет!»
Нажал на кнопку бытия
И произнёс: «Да будет свет!»

*Девочка смотрит в разбитые стёкла,
от слёз тетрадка совсем размокла.
приходят подруги, зовут гулять...
девочке хочется спать.*

Лёха Никонов

ДЕВЧОНКА СЛУЧАЙНО РАЗБИЛА СТЕКЛО

Девчонка случайно разбила стекло,
Два литра из глаз на тетрадь натекло.
Глаза нараспашку — не хочется спать,
Намокли рубашка, трусы и тетрадь.
Теперь не закрыть ей окошко никак —
Во всю по квартире гуляет сквозняк.
Он ветер с собою в квартиру принёс,
Который целует девчонку в засос.
Девчонка забросила в угол тетрадь —
Никто не идёт, не зовёт погулять:

Подруги весь вечер уроки зубрят,
А пьяные шлюхи в ментовке сидят.
Стоит одиноко в бутылке ликёр,
Припёрся хотя бы один сутенёр,
Который бы в зал танцевальный позвал
Или на экскурсию в тёмный подвал!
Сидят старшекласники все по домам
И хлещут Портвейн, Кагор и Агдам,
И вздор, сочиняя про долю свою,
У Брайана Ино берут интервью.
Девчонка рубашку ночную сняла
И спать со слезой у окошка легла.
Легла, отвернувшись глазами к стене...
Но вдруг засмеялась девчонка во сне,
А всё, потому что в четырнадцать лет
Приснился ей Никонов Лёха, поэт!

*А я шагаю по земле,
Своим весомым ритмом
Вселяя души кораблей
В «разбитые корыта».*
Т. Левченко

*Идёт Татьяна по земле
Торжественно, весомо,
А не летает на метле
И не ворчит из дома.*
Л. Десятова

ЛОХАНКИ

Когда иду я по земле,
Я вовсе не гуляю, —
Я в интерьеры кораблей
Особый смысл вселяю.

Когда смотрю на них с земли
Весомо и открыто,
Я превращаю корабли
В «разбитые корыта».

Когда брожу я по земле,
То всей душой жалею,
Что на известной всем метле
Летать я не умею.

Я б оторвалась от земли
И в поднебесье взмыла,
И все б на свете корабли
В «лоханки» превратила.

Я научилась бы летать
В бескрайнем небе чистом,
И с вдохновеньем заселять
«Лоханку» в пародиста.

Потом спуститься, посидеть
Торжественно, весомо.
И на «лоханку» поглядеть
Под ритм стихов из дома!

ПОЖЕЛАНИЕ

*«Свобода начинается с развода!» —
Учил чудака, вступая в третий брак.
Но несерьёзно старенькую морду
Всерьёз красотке юной предлагать.*

Василий Нестеренко

Вступая в брак, своей красотке юной
Сначала морду в шутку предложу,
Потом всерьёз, однажды ночью лунной,
Другие части тела покажу.

Я без ума влюблён в красотку энну,
При встрече с ней скажу себе: «Хи-хи!»
Потом на рынке я куплю телеантенну
И посвящу красотке песни и стихи.

Примерно в пол-меня она моложе
И ростом ниже, где-то, в пол-меня,
Она мне всех милее и дороже,
А ей, увы, гляжу, не до меня.

О деве той давно мечтою тешусь,
Люблю я все стихи её подряд,
И на жене родной потом повешусь,
Намылив предварительно канат...

Я обрету реальность и свободу
И навсегда с любовью завяжу,
Блин, разведусь, а старенькую морду,
Какой-нибудь старушке предложу.

*Что бы я сказала Ромену Роллану,
Если бы вдруг однажды встретила с ним в Париже?
Отвечаю!*

Лариса Алексеева

* * *

Когда душа моя летает,
Как стриж в Москву ночной порой,
Она в Москве приобретает
В Париж билет очередной,

Чтоб застрахованным транзитом
Реальный шанс не упустить
И очарованным визитом
Ромен Роллана навестить.

Натисну кнопку над дверями:
«Мол, поживаешь как, Ромен?
В Боспоре, только между нами,
Так, в общем, все без перемен.

Моя душа к тебе летела,
Чтоб увидеть тебя, Роллан,
Я так давно уже хотела
С тобою завести роман.

Года идут, и жизнь проходит
В домашнем, пёстром визаже,
Со мною что-то происходит
Когда лечу на вираже.

Когда парю я над Парижем
И дух захватит высота,
То я отчётливо так вижу,
Как миром правит красота.

Побольше я хочу с тобою
Побыть вдвоём наедине
Между Парижем и Москвою
В небесно-синей вышине.

Поговорить и покалякать
О жизни что-то рассказать,
И посмеяться, и поплакать
И хоть минутку помолчать...»

Душа полна очарованья,
В Москву летит, как лёгкий стриж
И произносит на прощанье:
«Прощай, Роллан, прощай, Париж!»

Е л е н а А у ч и е в а

РОЗА И ПОМИДОР

(огородно-житейская притча)

Не дождавшись своего Тюльпана,
Роза полюбила Помидора,
Не поняв угрозы и обмана,
Радуюсь, что есть и ей опора...

В нежных лепестках его качала
И своей прохладой делилась,
По ночам стихи ему читала,
И от счастья голова кружилась...

Обнималась с Помидором Роза,
Едким испареньем отравляясь.
И никто не видел её слёзы. —
Так она жила, любя и каясь.

Что же овощ? Быстро надувался,
Гладкими щеками багровел.
Нашей Розой он не любовался,
А на Тыкву пышную глядел...

Дни промчались, пролетело лето,
Овощ сгинул — нет и стебелька...
Плачет Роза: друга песня спета...
А мораль сей притчи такова.

Розы! Своего Тюльпана ждите! —
Нет его, — и это не беда:
В гордом одиночестве живите,
Красотою радуя всегда!

СОДЕРЖАНИЕ

Город-герой Керчь — древнейший город России

Лариса Алексеева	5
Алексей Вдовенко	7
Лидия Лазоренко	9
Елена Лапченко	10
Татьяна Левченко	13

Поэзия

Владимир Володин	19
Светлана Бурова	25
Светлана Коношенко	31
Владимир Лось	37
Лариса Алексеева	43
Елена Собко	48
Татьяна Анисимова	55
Лидия Лазоренко	59
Марина Збараг	65
Анна Тарасенко	72
Михаил Чудновский	78

Проза

Анна Чудновская	80
Елена Рабочая-Маринич	91
Кирилл Мазиллов	108
Елена Бондаренко	116
Антон Москатов	124
Айгуль Бухарбаева	133
Василий Дудаков	141

Многогранники

Алексей Вдовенко	148
Татьяна Левченко	163
Вера Коваль	193
Сергей Молодцов	201
Марина Молодцова	209

Людмила Десятова.....	213
Фаина Дерий	221
Александра Синеглазова.....	230
Андрей Синеглазов	235
Елена Лучшева	239

Поэзия бардов

Валентина Смашная	244
Василий Нестеренко	251
Ольга Шапран.....	258

Проба пера

Валерий Агарков	261
Анастасия Басова.....	264

Публицистика

Елена Лапченко.....	270
Ада Токарева.....	275

Мемориал

Борис Васильев-Пальм	281
Виктор Запорожец.....	285
Ярослава Кабанова	289

Скрепсы духовные

Людмила Храмкова.....	293
Лариса Алексеева	298
Алексей Вдовенко	302
Фаина Дерий	303
Виктор Запорожец.....	305
Елена Лапченко.....	306
Татьяна Левченко	307
Елена Лучшева	310

Гостиная

Маргарита Ярыгина	311
Александра Фёдорова	318
Андрей Шталь.....	326
Татьяна Герасимова	331
Владимир Калмацкий.....	345
Валентина Ольховская	350

Лев Ефремов	357
Тамара Ефремова	367
Валерия Ширяева	375

Пародии, юмор

Леонид Панин	378
Елена Лучшева	385

Литературно-художественное издание

Лира Боспора

Альманах

Выпуск XVII

Подписано к печати с оригинал-макета 26.12.2016 г.
Формат 60х84 1/16 Объем 24 усл. печ. л, 26 уч.-изд. л.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 200 экз.

ГИ «Таврия», г. Симферополь, ул. Горького, 5.
Свидетельство о госрегистрации ДК № 667 от 12.04.2002 г.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ООО «Фирма».
295000 Симферополь, просп. Кирова, 34 г.